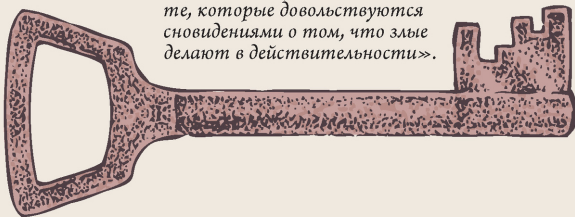
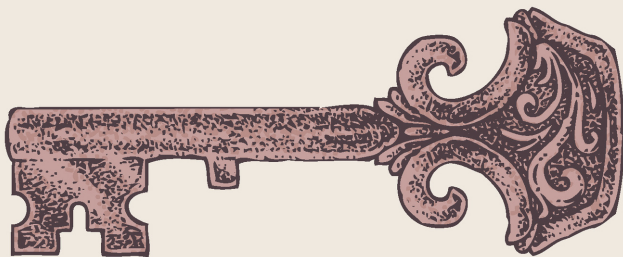

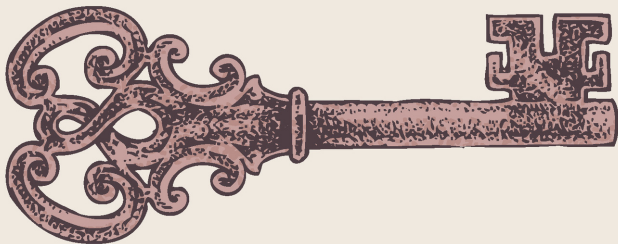
«Психоанализ только
подтверждает старое изречение
Платона: добрыми являются
те, которые довольствуются
сновидениями о том, что злые
делают в действительности».

ЗИГМУНД ФРЕЙД

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗ

Зигмунд Фрейд

Введение в психоанализ

Серия «Классика научной мысли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146622

Введение в психоанализ: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112812-8

Аннотация

Зигмунд Фрейд читал лекции по психоанализу в лектории при психиатрической клинике Венского университета каждую субботу по вечерам. Теоретические выкладки, которые на рубеже XIX–XX веков заинтересовали весьма скромное по численности собрание слушателей, сегодня формируют многие мировоззрения, без разработанных первым психоаналитиком терминов теперь уже сложно описать нетелесную человеческую действительность.

«Ошибочные действия», «Сновидения» и «Общая теория неврозов» – или 35 лекций, оживленных остроумными бытовыми примерами, цитатами и сопоставлениями, – немало расскажут о сумеречном мире души.

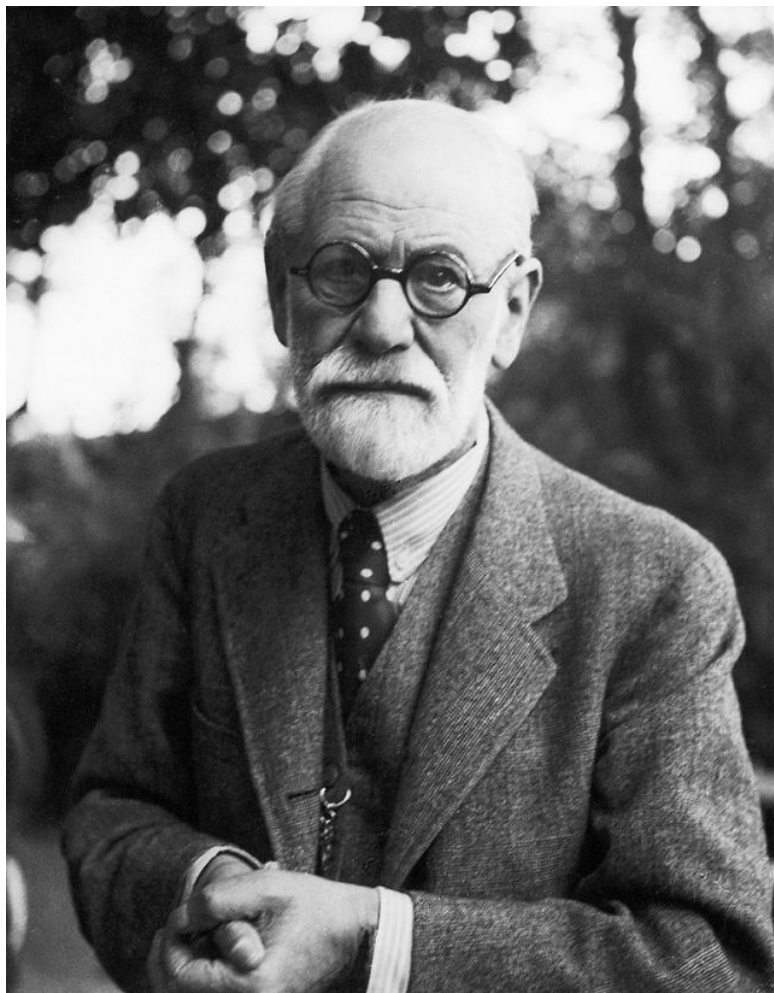
В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

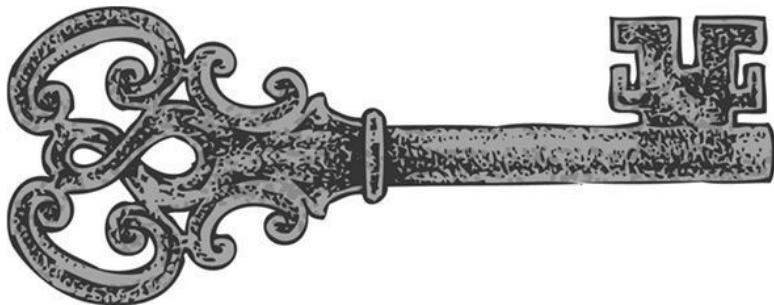
Часть первая	7
Предисловие	8
Первая лекция	10
Вторая лекция	24
Третья лекция	44
Четвертая лекция	71
Часть вторая	100
Пятая лекция	102
Шестая лекция	126
Седьмая лекция	144
Восьмая лекция	161
Девятая лекция	176
Десятая лекция	194
Одиннадцатая лекция	224
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Зигмунд Фрейд

Введение в психоанализ

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

Перевод оригинального издания:

Sigmund Freud

VORLESUNGEN ZUR EINFÜHRUNG IN DIE
PSYCHOANALYSE

© Г. В. Барышникова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая
Ошибочные действия
(1916 [1915])

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателя «Введение в психоанализ» ни в коей мере не претендует на соперничество с уже имеющимися сочинениями в этой области науки (*Hitschmann. Freud's Neurosenlehre. 2 Aufl., 1913; Pfister. Die psychoanalytische Methode, 1913; Leo Kaplan. Grundzüge der Psychoanalyse, 1914; Regis et Hesnard. La psycho-analyse des névroses et des psychoses, Paris, 1914; Adolf F. Meijer. De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse. Amsterdam, 1915*). Это точное изложение лекций, которые я читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. врачам и неспециалистам обоего пола.

Все своеобразие этого труда, на которое обратит внимание читатель, объясняется условиями его возникновения. В лекции нет возможности сохранить бесстрастность научного трактата. Более того, перед лектором стоит задача удержать внимание слушателей в течение почти двух часов. Необходимость вызвать немедленную реакцию привела к тому, что один и тот же предмет обсуждался неоднократно, например, в первый раз в связи с толкованием сновидений, а затем в связи с проблемами неврозов. Вследствие такой подачи материала некоторые важные темы, как, например, бессознательное, нельзя было исчерпывающе представить в каком-то одном месте, к ним приходилось неоднократно возвращать-

ся и снова их оставлять, пока не представлялась новая возможность что-то прибавить к уже имеющимся знаниям о них.

Тот, кто знаком с психоаналитической литературой, найдет в этом «Введении» немного из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Однако потребность дать материал в целостном, завершенном виде вынудила автора привлечь в отдельных разделах (об этиологии страха, истерических фантазиях) ранее не использованные данные.

Вена, весна 1917 г.

З. Фрейд

Первая лекция

Введение

Уважаемые дамы и господа! Мне неизвестно, насколько каждый из вас из литературы или понаслышке знаком с психоанализом. Однако само название моих лекций – «Элементарное введение в психоанализ» – предполагает, что вы ничего не знаете об этом и готовы получить от меня первые сведения. Смею все же предположить, что вам известно следующее: психоанализ является одним из методов лечения нервнобольных; и тут я сразу могу привести вам пример, показывающий, что в этой области кое-что делается по-иному или даже наоборот, чем принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить новым для него методом, ему стараются внушить, что опасность не так велика, и уверить его в успехе лечения. Я думаю, это совершенно оправданно, так как тем самым мы повышаем шансы на успех. Когда же мы начинаем лечить невротика методом психоанализа, мы действуем иначе. Мы говорим ему о трудностях лечения, его продолжительности, усилиях и жертвах, связанных с ним. Что же касается успеха, то мы говорим, что не можем его гарантировать, поскольку он зависит от поведения больного, его понятливости, сговорчивости и выдержки. Естественно, у нас есть веские основания для такого как будто бы неправильного подхода к больному, в чем вы, видимо,

позднее сможете убедиться сами.

Не сердитесь, если я на первых порах буду обращаться с вами так же, как с этими нервнобольными. Собственно говоря, я советую вам отказаться от мысли прийти сюда во второй раз. Для этого сразу же хочу показать вам, какие несовершенства неизбежно присущи обучению психоанализу и какие трудности возникают в процессе выработки собственного суждения о нем. Я покажу вам, как вся направленность вашего предыдущего образования и все привычное ваше мышление будут неизбежно делать вас противниками психоанализа и сколько нужно будет вам преодолеть, чтобы совладать с этим инстинктивным сопротивлением. Что вы поймете в психоанализе из моих лекций, заранее сказать, естественно, трудно, однако могу твердо обещать, что, прослушав их, вы не научитесь проводить психоаналитическое исследование и лечение. Если же среди вас найдется кто-то, кто не удовлетворится беглым знакомством с психоанализом, а захочет прочно связать себя с ним, я не только не посоветую это сделать, но всячески стану его предостерегать от этого шага. Обстоятельства таковы, что подобный выбор профессии исключает для него всякую возможность продвижения в университете. Если же такой врач займется практикой, то окажется в обществе, не понимающем его устремлений, относящемся к нему с недоверием и враждебностью и ополчившем против него все скрытые темные силы. Возможно, кое-какие моменты, сопутствующие войне, свиреп-

ствующей ныне в Европе, дадут вам некоторое представление о том, что сил этих — легионы.

Правда, всегда найдутся люди, для которых новое в познании имеет свою привлекательность, несмотря на все связанные с этим неудобства. И если кто-то из вас из их числа и, несмотря на мои предостережения, придет сюда снова, я буду рад приветствовать его. Однако вы все вправе знать, какие трудности связаны с психоанализом.

Во-первых, следует указать на сложность преподавания психоанализа и обучения ему. На занятиях по медицине вы привыкли к наглядности. Вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы при раздражении нервов. Позднее вам показывают больного, симптомы его недуга, последствия болезненного процесса, а во многих случаях и возбудителей болезни в чистом виде. Изучая хирургию, вы присутствуете при хирургических вмешательствах для оказания помощи больному и можете сами провести операцию. В той же психиатрии осмотр больного дает вам множество фактов, свидетельствующих об изменениях в мимике, о характере речи и поведении, которые весьма впечатляют. Таким образом, преподаватель в медицине играет роль гида-экскурсовода, сопровождающего вас по музею, в то время как вы сами вступаете в непосредственный контакт с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых для нас явлений.

В психоанализе, к сожалению, все обстоит совсем по-дру-

гому. При аналитическом лечении не происходит ничего, кроме обмена словами между пациентом и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и чувствах. Врач же слушает, стараясь управлять ходом мыслей больного, кое о чем напоминает ему, удерживает его внимание в определенном направлении, дает объяснения и наблюдает за реакциями притяжения или непритяжения, которые он таким образом вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных, которым импонирует лишь явное и осязаемое, а больше всего действия, какие можно увидеть разве что в кинематографе, никогда не упустят случая усомниться: «Как это можно вылечить болезнь одними разговорами?» Это, конечно, столь же недальновидно, сколь и непоследовательно. Ведь те же самые люди убеждены, что больные «только выдумывают» свои симптомы. Когда-то слова были колдовством, слово и теперь во многом сохранило свою прежнюю чудодейственную силу. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, словами учитель передает свои знания ученикам, словами оратор увлекает слушателей и способствует определению их суждений и решений. Слова вызывают аффекты и являются общепризнанным средством воздействия людей друг на друга. Не будем же недооценивать использование слова в психотерапии и будем довольны, если сможем услышать слова, которыми обмениваются аналитик и его па-

циент.

Но даже и этого нам не дано. Беседа, в которой и заключается психоаналитическое лечение, не допускает присутствия посторонних; ее нельзя продемонстрировать. Можно, конечно, на лекции по психиатрии показать учащимся неврастеника или истерика. Тот, пожалуй, расскажет о своих жалобах и симптомах, но не больше того. Сведения, нужные психоаналитику, он может дать лишь при условии особого расположения к врачу; однако он тут же замолчит, как только заметит хоть одного свидетеля, индифферентного к нему. Ведь эти сведения имеют отношение к самому интимному в его душевной жизни, ко всему тому, что он, как лицо социально самостоятельное, вынужден скрывать от других, а также к тому, в чем он как цельная личность не хочет признаться даже самому себе.

Таким образом, беседу врача, лечащего методом психоанализа, нельзя услышать непосредственно. Вы можете только узнать о ней и познакомитесь с психоанализом в буквальном смысле слова лишь понаслышке. К собственному взгляду на психоанализ вам придется прийти в необычных условиях, поскольку сведения о нем вы получаете как бы из вторых рук. Во многом это зависит от того доверия, с которым вы относитесь к посреднику.

Представьте себе теперь, что вы присутствуете на лекции не по психиатрии, а по истории, и лектор рассказывает вам о жизни и военных подвигах Александра Македонского. На

каком основании вы верите в достоверность его сообщений? Сначала кажется, что здесь еще сложнее, чем в психоанализе, ведь профессор истории не был участником походов Александра так же, как и вы; психоаналитик, по крайней мере, сообщает вам о том, в чем он сам играл какую-то роль. Но тут наступает черед тому, что заставляет нас поверить историку. Он может сослаться на свидетельства древних писателей, которые или сами были современниками Александра, или по времени жили ближе к этим событиям, т. е. на книги Диодора, Плутарха, Арриана и др.; он покажет вам изображения сохранившихся монет и статуй царя, фотографию помпейской мозаики битвы при Иссе. Однако, строго говоря, все эти документы доказывают только то, что уже более ранние поколения верили в существование Александра и в реальность его подвигов, и вот с этого и могла бы начаться ваша критика. Тогда вы обнаружите, что не все сведения об Александре достоверны и не все подробности можно проверить, но я не могу предположить, чтобы вы покинули лекционный зал, сомневаясь в реальности личности Александра Македонского. Ваша позиция определится главным образом двумя соображениями: во-первых, вряд ли у лектора есть какие-то мыслимые мотивы, побудившие выдавать за реальное то, что он сам не считает таковым, и, во-вторых, все доступные исторические книги рисуют события примерно одинаково. Если вы затем обратитесь к изучению древних источников, вы обратите внимание на те же обстоятель-

ства, на возможные побудительные мотивы посредников и на сходство различных свидетельств. Результаты вашего исследования наверняка успокоят вас насчет Александра, однако они, вероятно, будут другими, если речь пойдет о таких личностях, как Моисей или Нимрод.¹ О том, какие сомнения могут возникнуть у вас относительно доверия к лектору-психоаналитику, вы узнаете позже.

Теперь вы вправе задать вопрос: если у психоанализа нет никаких объективных подтверждений и нет возможности его продемонстрировать, то как же его вообще можно изучить и убедиться в правоте его положений? Действительно, изучение психоанализа дело нелегкое, и лишь немногие по-настоящему овладевают им, однако приемлемый путь, естественно, существует. Психоанализом овладевают прежде всего на самом себе, при изучении своей личности. Это не совсем то, что называется самонаблюдением, но в крайнем случае психоанализ можно рассматривать как один из его видов. Есть целый ряд распространенных и общеизвестных психических явлений, которые при некотором овладении техникой изучения самого себя могут стать предметами анализа. Это дает возможность убедиться в реальности процессов, описываемых в психоанализе, и в правильности их понимания. Правда, успешность продвижения по этому пути имеет свои пределы. Гораздо большего можно до-

---

¹ Нимрод (или Немврод) по библейской легенде – основатель Вавилонского царства. – *Прим. ред. перевода.*

стичь, если тебя обследует опытный психоаналитик, если на собственном Я испытываешь действие анализа и можешь от другого перенять тончайшую технику этого метода. Конечно, этот прекрасный путь доступен лишь каждому отдельно, а не всем сразу.

Другое затруднение в понимании психоанализа лежит не в нем, а в вас самих, поскольку вы до сих пор занимались изучением медицины. Стил ь вашего мышления, сформированный предшествующим образованием, далек от психоаналитического. Вы привыкли обосновывать функции организма и их нарушения анатомически, объяснять их химически и физически и понимать биологически, но никогда ваши интересы не обращались к психической жизни, которая как раз и является венцом нашего удивительно сложного организма. А посему психологический подход вам чужд, и вы привыкли относиться к нему с недоверием, отказывая ему в научности и отдавая его на откуп непрофессионалам, писателям, натурфилософам и мистикам. Такая ограниченность, безусловно, только вредит вашей врачебной деятельности, так как больной предстает перед вами прежде всего своей душевной стороной, как это и происходит во всех человеческих отношениях, и я боюсь, что в наказание за то вам придется поделиться терапевтической помощью, которую вы стремитесь оказать, с самоучками, знахарями и мистиками, столь презираемыми вами.

Мне ясно, чем оправдывается этот недостаток в вашем об-

разовании. Вам не хватает философских знаний, которыми вы могли бы пользоваться в вашей врачебной практике. Ни спекулятивная философия, ни описательная психология, ни так называемая экспериментальная психология, смежная с физиологией чувств, как они преподносятся в учебных заведениях, не в состоянии сказать вам что-нибудь вразумительное об отношении между телом и душой, дать ключ к пониманию возможного нарушения психических функций. Правда, в рамках медицины описанием наблюдаемых психических расстройств и составлением клинической картины болезней занимается психиатрия, но ведь в часы откровенности психиатры сами высказывают сомнения в том, заслуживают ли их описания названия науки. Симптомы, составляющие эти картины болезней, не распознаны по своему происхождению, механизму и взаимной связи; им соответствуют либо неопределенные изменения анатомического органа души, либо такие изменения, которые ничего не объясняют. Терапевтическому воздействию эти психические расстройства доступны только тогда, когда их можно обнаружить по побочным проявлениям какого-то иного органического изменения.

Психоанализ как раз и стремится восполнить этот пробел. Он предлагает психиатрии недостающую ей психологическую основу, надеясь найти ту общую базу, благодаря которой становится понятным сочетание соматического нарушения с психическим. Для этого психоанализ должен избегать

любой чуждой ему посылки анатомического, химического или физиологического характера и пользоваться чисто психологическими вспомогательными понятиями – вот почему я опасюсь, что он покажется вам сначала столь необычным.

В следующем затруднении я не хочу обвинять ни вас, ни ваше образование, ни вашу установку. Двумя своими положениями анализ оскорбляет весь мир и вызывает к себе его неприязнь; одно из них наталкивается на интеллектуальные, другое – на морально-эстетические предрассудки.

Не следует, однако, недооценивать эти предрассудки; это властные силы, побочный продукт полезных и даже необходимых изменений в ходе развития человечества. Они поддерживаются нашими аффективными силами, и бороться с ними трудно.

Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология – наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического. Согласно его определению, психическое представляет собой про-

цессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное утверждение сразу же роняет его в глазах всех приверженцев трезвой научности и заставляет подозревать, что психоанализ – фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке.

Вы даже не подозреваете, какая тесная связь существует между этим первым смелым утверждением психоанализа и вторым, о котором речь пойдет ниже. Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что влечения, которые можно назвать сексуальными в узком и широком смыслах слова, играют невероятно большую и до сих пор непризнанную роль в возникновении нервных и психических заболеваний. Более того, эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших культур-

ных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать.

По собственному опыту знаю, что неприятие этого результата психоаналитического исследования является главным источником сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите знать, как мы это себе объясняем? Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества. Среди этих влечений значительную роль играют сексуальные; при этом они сублимируются, т. е. отклоняются от своих сексуальных целей, и направляются на цели социально более высокие, уже не сексуальные. Эта конструкция, однако, весьма неустойчива, сексуальные влечения подавляются с трудом, и каждому, кому предстоит включиться в создание культурных ценностей, грозит опасность, что его сексуальные влечения не допустят такого их применения. Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям. Итак, общество не любит напоминаний об этом слабом месте в его основании, оно не заинтересовано в признании силы сексуальных влечений и в выяснении значения сексуальной жизни для каждого, больше того, из воспитательных соображений оно старается отвлечь внимание от всей этой

области. Поэтому оно столь нетерпимо к вышеупомянутому результату исследований психоанализа и охотнее всего стремится представить его отвратительным с эстетической точки зрения и непристойным или даже опасным с точки зрения морали. Но такими выпадами нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы. Если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Ведь человеку свойственно считать неправильным то, что ему не нравится, и тогда легко находятся аргументы для возражений. Итак, общество выдает нежелательное за неправильное, оспаривая истинность психоанализа логическими и фактическими аргументами, подсказанными, однако, аффектами, и держится за эти возражения-предрассудки, несмотря на все попытки их опровергнуть.

Смею вас заверить, уважаемые дамы и господа, что, выдвигая это спорное положение, мы вообще не стремились к тенденциозности. Мы хотели лишь показать фактическое положение вещей, которое, надеемся, мы познали в процессе упорной работы. Мы и теперь считаем себя вправе отклонить всякое вторжение подобных практических соображений в научную работу, хотя мы еще не успели убедиться в обоснованности тех опасений, которые имеют следствием эти соображения.

Таковы лишь некоторые из тех затруднений, с которыми вам предстоит столкнуться в процессе занятий психоанализом. Для начала, пожалуй, более чем достаточно. Если вы

сумеем преодолеть негативное впечатление от них, мы продолжим наши беседы.

Вторая лекция

Ошибочные действия

Уважаемые дамы и господа! Мы начнем не с предположений, а с исследования. Его объектом будут весьма известные, часто встречающиеся и мало привлекавшие к себе внимание явления, которые, не имея ничего общего с болезнью, наблюдаются у любого здорового человека. Это так называемые ошибочные действия (*Fehlleistungen*) человека: оговорки (*Versprechen*) – когда, желая что-либо сказать, кто-то вместо одного слова употребляет другое; описки – когда то же самое происходит при письме, что может быть замечено или остаться незамеченным; очитки (*Verlesen*) – когда читают не то, что напечатано или написано; ослышки (*Verhören*) – когда человек слышит не то, что ему говорят, нарушения слуха по органическим причинам сюда, конечно, не относятся. В основе другой группы таких явлений лежит забывание (*Vergessen*), но не длительное, а временное, когда человек не может вспомнить, например, имени (*Name*), которое он наверняка знает и обычно затем вспоминает, или забывает выполнить намерение (*Vorsatz*), о котором позднее вспоминает, а забывает лишь на определенный момент. В третьей группе явлений этот временный аспект отсутствует, как, например, при запрытывании (*Verlegen*), когда какой-либо предмет куда-то убираешь, так что не можешь его больше найти,

или при совершенно аналогичном затеривании (*Verlieren*). Здесь перед нами забывание, к которому относишься иначе, чем к забыванию другого рода; оно вызывает удивление или досаду, вместо того чтобы мы считали его естественным. Сюда же относятся определенные ошибки-заблуждения (*Irrtümer*),² которые также имеют временной аспект, когда на какое-то время веришь чему-то, о чем до и после знаешь, что это не соответствует действительности, и целый ряд подобных явлений, имеющих различные названия.

Внутреннее сходство всех этих случаев выражается приставкой «о-» или «за-» (*ver-*) в их названиях. Почти все они весьма несущественны, в большинстве своем скоропреходящи и не играют важной роли в жизни человека. Только изредка какой-нибудь из них, например затеривание предметов, приобретает известную практическую значимость. Именно поэтому на них не обращают особого внимания, вызывают они лишь слабые эмоции и т. д.

Именно к этим явлениям я и хочу привлечь теперь ваше внимание. Но вы недовольно возразите мне: «В мире, как и в душевной жизни, более частной его области, есть столько великих тайн, в области психических расстройств так много удивительного, которое нуждается в объяснении и заслуживает его, что, право, жаль тратить время на такие мелочи.

---

² Слово *Irrtum* переводится буквально как «ошибка», «заблуждение». В настоящем издании оно в зависимости от контекста переводится либо как «ошибка», либо как «ошибка-заблуждение». — Прим. ред. перевода.

Если бы вы могли объяснить нам, каким образом человек с хорошим зрением и слухом среди бела дня может увидеть и услышать то, чего нет, а другой вдруг считает, что его преследуют именно те, кого он до сих пор больше всех любил, или самым остроумным образом защищает химеры, которые любому ребенку покажутся бессмыслицей, мы еще как-нибудь признали бы психоанализ. Но если он предлагает нам лишь разбираться в том, почему оратор вместо одного слова говорит другое или почему домохозяйка куда-то запрятала свои ключи, да и в других подобных пустяках, то мы сумеем найти лучшее применение своему времени и интересам». Я бы вам ответил: «Терпение, уважаемые дамы и господа!» Я считаю, что ваша критика бьет мимо цели. Действительно, психоанализ не может похвастаться тем, что никогда не занимался мелочами. Напротив, материалом для его наблюдений как раз и служат те незаметные явления, которые в других науках отвергаются как недостойные внимания, считаются, так сказать, отбросами мира явлений. Но не подменяете ли вы в вашей критике значимость проблем их внешней яркостью? Разве нет весьма существенных явлений, которые могут при определенных обстоятельствах и в определенное время выдать себя самыми незначительными признаками? Я с легкостью могу привести много примеров таких ситуаций. По каким ничтожным признакам вы, сидящие здесь молодые люди, замечаете, что завоевали благосклонность дамы? Разве для этого вы ждете объяснений в любви, пылких объ-

ятий, а не достаточно ли вам едва заметного взгляда, беглого движения, чуть затянувшегося рукопожатия? И если вы, будучи криминалистом, участвуете в расследовании убийства, разве рассчитываете вы в самом деле, что убийца оставил вам на месте преступления свою фотографию с адресом, и не вынуждены ли вы довольствоваться более слабыми и не столь явными следами присутствия личности, которую ищите? Так что не будем недооценивать незначительные признаки, может быть, они наведут нас на след чего-нибудь более важного. А впрочем, я, как и вы, полагаю, что великие проблемы мира и науки должны интересовать нас прежде всего. Но обычно очень мало пользы от того, что кто-то во всеуслышание заявил о намерении сразу же приступить к исследованию той или иной великой проблемы. Часто в таких случаях не знают, с чего начать. В научной работе перспективнее обратиться к изучению того, что тебя окружает и что более доступно для исследования. Если это делать достаточно основательно, непредвзято и терпеливо, то, если посчастливится, даже такая весьма непритязательная работа может открыть путь к изучению великих проблем, поскольку как все связано со всем, так и малое соединяется с великим.

Вот так бы я рассуждал, чтобы пробудить ваш интерес к анализу кажущихся такими ничтожными ошибочных действий здоровых людей. А теперь поговорим с кем-нибудь, кто совсем не знаком с психоанализом, и спросим, как он объясняет происхождение этих явлений.

Прежде всего он, видимо, ответит: «О, это не заслуживает каких-либо объяснений; это просто маленькие случайности». Что же он хочет этим сказать? Выходит, существуют настолько ничтожные события, выпадающие из цепи мировых событий, которые с таким же успехом могут как произойти, так и не произойти? Если кто-то нарушит, таким образом, естественный детерминизм в одном-единственном месте, то рухнет все научное мировоззрение. Тогда можно поставить ему в упрек, что религиозное мировоззрение куда последовательнее, когда настойчиво заверяет, что ни один волос не упадет с головы без божьей воли [букв.: ни один воробей не упадет с крыши без божьей воли]. Думаю, что наш друг не будет делать выводы из своего первого ответа, он внесет поправку и скажет, что если эти явления изучать, то, естественно, найдутся и для них объяснения. Они могут быть вызваны небольшими отклонениями функций, неточностями в психической деятельности при определенных условиях. Человек, который обычно говорит правильно, может оговориться: 1) если ему нездоровится и он устал; 2) если он взволнован; 3) если он слишком занят другими вещами. Эти предположения легко подтвердить. Действительно, оговорки встречаются особенно часто, когда человек устал, если у него болит голова или начинается мигрень. В этих же условиях легко происходит забывание имен собственных. Для некоторых лиц такое забывание имен собственных является признаком приближающейся мигрени.

В волнении также часто путаешь слова; захватываешь «по ошибке» не те предметы, забываешь о намерениях, да и производишь массу других непредвиденных действий по рассеянности, т. е. если внимание сконцентрировано на чем-то другом. Известным примером такой рассеянности может служить профессор из *Fliegende Blätter*, который забывает зонт и надевает чужую шляпу, потому что думает о проблемах своей будущей книги. По собственному опыту все мы знаем о намерениях и обещаниях, забытых из-за того, что нас слишком захватило какое-то другое переживание.

Это так понятно, что, по-видимому, не может вызвать возражений. Правда, может быть, и не так интересно, как мы ожидали. Посмотрим же на эти ошибочные действия повнимательнее. Условия, которые, по предположению, необходимы для возникновения этих феноменов, различны. Недомогание и нарушение кровообращения являются физиологическими причинами нарушений нормальной деятельности; волнение, усталость, рассеянность – причины другого характера, которые можно назвать психофизиологическими. Теоретически их легко можно объяснить. При усталости, как и при рассеянности и даже при общем волнении, внимание распределяется таким образом, что для соответствующего действия его остается слишком мало. Тогда это действие выполняется неправильно или неточно. Легкое недомогание и изменения притока крови к головному мозгу могут вызвать такой же эффект, т. е. повлиять на распределение внимания.

Таким образом, во всех случаях дело сводится к результатам расстройства внимания органической или психической этиологии.

Из всего этого для психоанализа как будто немного можно извлечь. У нас может опять возникнуть искушение оставить эту тему. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что не все ошибочные действия можно объяснить данной теорией внимания или, во всяком случае, они объясняются не только ею. Опыт показывает, что ошибочные действия и забывание проявляются и у лиц, которые не устали, не рассеянны и не взволнованы, разве что им припишут это волнение после сделанного ошибочного действия, но сами они его не испытывали. Да и вряд ли можно свести все к простому объяснению, что усиление внимания обеспечивает правильность действия, ослабление же нарушает его выполнение. Существует большое количество действий, чисто автоматических и требующих минимального внимания, которые выполняются при этом абсолютно уверенно. На прогулке часто не думаешь, куда идешь, однако не сбиваешься с пути и приходишь, куда хотел. Во всяком случае, обычно бывает так. Хороший пианист не думает о том, какие клавиши ему нажимать. Он, конечно, может ошибиться, но если бы автоматическая игра способствовала увеличению числа ошибок, то именно виртуозы, игра которых совершенно автоматизирована благодаря упражнениям, ошибались бы чаще всех. Мы видим как раз обратное: многие действия со-

вершаются особенно уверенно, если на них не обращать внимания, а ошибочное действие возникает именно тогда, когда правильности его выполнения придается особое значение и отвлечение внимания никак не предполагается. Можно отнести это на счет «волнения», но непонятно, почему оно не усиливает внимания к тому, что так хочется выполнить. Когда в важной речи или в разговоре из-за оговорки высказываешь противоположное тому, что хотел сказать, вряд ли это можно объяснить психофизиологической теорией или теорией внимания.

В ошибочных действиях есть также много незначительных побочных явлений, которые не поняты и не объяснены до сих пор существующими теориями. Например, когда на время забудется слово, то чувствуешь досаду, хочешь во что бы то ни стало вспомнить его и никак не можешь отделаться от этого желания. Почему же рассердившемуся не удастся, как он ни старается, направить внимание на слово, которое, как он утверждает, «вертится на языке», но это слово тут же вспоминается, если его скажет кто-то другой? Или бывают случаи, когда ошибочные действия множатся, переплетаются друг с другом, заменяют друг друга. В первый раз забываешь о свидании, другой раз с твердым намерением не забыть о нем оказывается, что перепутал час. Хочешь окольным путем вспомнить забытое слово, в результате забываешь второе, которое должно было помочь вспомнить первое. Стараешься припомнить теперь второе, ускользает третье и т. д.

То же самое происходит и с опечатками, которые следует понимать как ошибочные действия наборщика. Говорят, такая устойчивая опечатка пробралась как-то в одну социал-демократическую газету. В сообщении об одном известном торжестве можно было прочесть: «Среди присутствующих был его величество корнпринц». На следующий день появилось опровержение: «Конечно, следует читать кнорпринц». В таких случаях любят говорить о нечистой силе, злом духе наборного ящика и тому подобных вещах, выходящих за рамки психофизиологической теории опечатки.

Я не знаю, известно ли вам, что оговорку можно спровоцировать, так сказать, вызвать внушением. По этому поводу рассказывают анекдот: как-то новичку поручили важную роль на сцене; в «Орлеанской деве» он должен был доложить королю, что коннетабль отсылает свой меч (*der Connetable schickt sein Schwert zurück*). Игравший главную роль подшутил над робким новичком и во время репетиции несколько раз подсказал ему вместо нужных слов: комфортабль отсылает свою лошадь (*der Komfortabel schickt sein Pferd zurück*) и добился своего. На представлении несчастный дебютант оговорился, хотя его предупреждали об этом, а может быть, именно потому так и случилось.

Все эти маленькие особенности ошибочных действий нельзя объяснить только теорией отвлечения внимания. Но это еще не значит, что эта теория неправильна. Ей, пожалуй, чего-то не хватает, какого-то дополнительного утвер-

ждения для того, чтобы она полностью нас удовлетворяла. Но некоторые ошибочные действия можно рассмотреть также и с другой стороны.

Начнем с оговорки, она больше всего подходит нам из ошибочных действий. Хотя с таким же успехом мы могли бы выбрать опisku или очитку. Сразу же следует сказать, что до сих пор мы спрашивали только о том, когда, при каких условиях происходит оговорка, и только на этот вопрос мы и получали ответ. Но можно также заинтересоваться другим и попытаться узнать: почему человек оговорился именно так, а не иначе; следует обратить внимание на то, что происходит при оговорке. Вы понимаете, что пока мы не ответим на этот вопрос, пока мы не объясним результат оговорки с психологической точки зрения, это явление останется случайностью, хотя физиологическое объяснение ему и можно будет найти. Если мне случится оговориться, я могу это сделать в бесконечно многих вариантах, вместо нужного слова можно сказать тысячу других, нужное слово может получить бесчисленное множество искажений. Существует ли что-то, что заставляет меня из всех возможных оговорок сделать именно такую, или это случайность, произвол и тогда, может быть, на этот вопрос нельзя ответить ничего разумного?

Два автора, Мерингер и Майер (один – филолог, другой – психиатр), попытались в 1895 г. именно с этой стороны подойти к вопросу об оговорках. Они собрали много примеров и просто описали их. Это, конечно, еще не дает никакого

объяснения оговоркам, но позволяет найти путь к нему. Авторы различают следующие искажения, возникающие из-за оговорок: перемещения (*Vertauschungen*), предвосхищения (*Vorklänge*), отзвуки (*Nachklänge*), смешения, или контаминации (*Vermengungen, oder Kontaminationen*), и замещения, или субституции (*Ersetzungen, oder Substitutionen*). Я приведу вам примеры, предложенные авторами для этих основных групп. Случай перемещения: *die Milo von Venus* вместо *die Venus von Milo* [перемещение в последовательности слов – «Милос из Венеры» вместо «Венеры из Милоса»]: предвосхищение: *Es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer* [Мне было на душе (досл.: в груди) так тяжело, но вначале вместо слова «*Brust*» – грудь – была сделана оговорка «*Schwest*», в которой отразилось предвосхищаемое слово «*schwer*» – тяжело]. Примером отзвука может служить неудачный тост: *Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustoßen* [Предлагаю вам выпить (досл.: чокнуться) за здоровье нашего шефа; но вместо *anstoßen* – чокнуться – сказано: *aufstoßen* – отрыгнуть]. Эти три вида оговорок довольно редки. Чаще встречаются оговорки из-за стяжения или смешения, например, когда молодой человек заговаривает с дамой: *Wenn Sie gestatten, mein Fräulein, möchte ich Sie gerne begleit-digen* [Если вы разрешите, барышня, я вас провожу; но в слово «*begleiten*» – проводить – вставлены еще три буквы «*dig*»]. В слове *begleit-digen* кроется, кроме слова *begleiten* [проводить], очевидно, еще слово *beleidigen* [оскор-

бить)]. (Молодой человек, видимо, не имел большого успеха у дамы.) На замещение авторы приводят пример: *Ich gebe die Präparate in den Briefkasten anstatt Brutkasten* [Я ставлю препараты в почтовый ящик вместо термостата].

Объяснение, которое оба автора пытаются вывести из своего собрания примеров, совершенно недостаточно. Они считают, что звуки и слоги в слове имеют различную значимость и иннервация более значимого элемента влияет на иннервацию менее значимого. При этом авторы ссылаются на редкие случаи предвосхищения и отзвука; в случаях же оговорок другого типа эти звуковые предпочтения, если они вообще существуют, не играют никакой роли. Чаще всего при оговорке употребляют похожее по звучанию слово, этим сходством и объясняют оговорку. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: *Ich bin nicht geneigt (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu würdigen* [Я не склонен (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника]. Или другой профессор: *Beim weiblichen Genitale hat man trotz vieler Versuchungen... Pardon: Versuche*. [В женских гениталиях, несмотря на много искушений... Простите, попыток.].

Но самой обычной и в то же время самой поразительной оговоркой является та, когда произносится как раз противоположное тому, что собирался сказать. При этом соотношение звуков и влияние сходства, конечно, не имеют значения, а замену можно объяснить тем, что противополож-

ности имеют понятийное родство и в психологической ассоциации особенно сближаются. Можно привести исторические примеры такого рода: президент нашей палаты депутатов открыл как-то заседание следующими словами: «Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание закрытым». Так же предательски, как соотношение противоположностей, могут подвести другие привычные ассоциации, которые иногда возникают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании детей Г. Гельмгольца и знаменитого изобретателя и крупного промышленника В. Сименса известный физиолог Дюбуа-Реймон произнес приветственную речь. Он закончил свой вполне блестящий тост словами: «Итак, да здравствует новая фирма “Сименс и Галске”». Это было, естественно, название старой фирмы. Сочетание этих двух имен так же обычно для жителя Берлина, как «Ридель и Бойтель» для жителя Вены.

Таким образом, мы должны к соотношению звуков и сходству слов прибавить влияние словесных ассоциаций. Но и этого еще недостаточно. В целом ряде случаев оговорку едва ли можно объяснить без учета того, что было сказано в предшествующем предложении или же что предполагалось сказать. Итак, можно считать, что это опять случай отзвука, как по Мерингеру, но только более отдаленно связанный по смыслу. Должен признаться, что после всех этих объяснений может сложиться впечатление, что мы теперь еще более да-

леки от понимания оговорок, чем когда-либо!

Но надеюсь, что не ошибусь, высказав предположение, что во время проведенного исследования у всех у нас возникло иное впечатление от примеров оговорок, которое стоило бы проанализировать. Мы исследовали условия, при которых оговорки вообще возникают, определили, что влияет на особенности искажений при оговорках, но совсем не рассмотрели эффекта оговорки самого по себе, безотносительно к ее возникновению. Если мы решимся на это, то необходима известная смелость, чтобы сказать: да, в некоторых случаях оговорка имеет смысл (*Sinn*). Что значит «имеет смысл»? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенную форму выражения и значение. До сих пор мы все время говорили об ошибочных действиях, а теперь оказывается, что иногда ошибочное действие является совершенно правильным, только оно возникло вместо другого ожидаемого или предполагаемого действия.

Этот действительный смысл ошибочного действия в отдельных случаях совершенно очевиден и несомненен. Если председатель палаты депутатов в первых же своих словах закрывает заседание вместо того, чтобы его открыть, то, зная обстоятельства, в которых произошла оговорка, мы склонны считать это ошибочное действие не лишенным смысла. Он не ожидает от заседания ничего хорошего и рад был бы сразу его закрыть. Показать этот смысл, т. е. истолковать эту

оговорку, не составляет никакого труда. Или если одна дама с кажущимся одобрением говорит другой: *Diesen reizenden neuen Hut haben Sie sich wohl selbst aufgepatzt?* [Эту прелестную новую шляпу вы, вероятно, сами испортили? – вместо *aufgeputzt* – отделили], то никакая научность в мире не мешает нам услышать в этой оговорке выражение: *Dieser Hut ist eine Patzerei* [Эта шляпа безнадежно испорчена]. Или если известная своей энергичностью дама рассказывает: «Мой муж спросил доктора, какой диеты ему придерживаться. На это доктор ответил – ему не нужна никакая диета, он может есть и пить все, что я хочу», то ведь за этой оговоркой стоит ясно выраженная последовательная программа поведения.

Уважаемые дамы и господа, если выяснилось, что не только некоторые оговорки и ошибочные действия имеют смысл, но и их значительное большинство, то, несомненно, этот смысл ошибочных действий, о котором до сих пор никто не говорил, и станет для нас наиболее интересным, а все остальные точки зрения по праву отойдут на задний план. Мы можем оставить физиологические и психофизиологические процессы и посвятить себя чисто психологическим исследованиям о смысле, т. е. значении и намерениях ошибочных действий. И в связи с этим мы не упустим возможности привлечь более широкий материал для проверки этих предположений.

Но прежде чем мы выполним это намерение, я просил бы вас последовать по другому пути. Часто случается, что по-

эт пользуется оговоркой или другим ошибочным действием как выразительным средством. Этот факт сам по себе должен нам доказать, что он считает ошибочное действие, например оговорку, чем-то осмысленным, потому что ведь он делает ее намеренно. Конечно, это происходит не так, что свою случайно сделанную опisku поэт оставляет затем своему персонажу в качестве оговорки. Он хочет нам что-то объяснить оговоркой, и мы должны поразмыслить, что это может означать: хочет ли он намекнуть, будто известное лицо рассеянно или устало, или его ждет приступ мигрени. Конечно, не следует преувеличивать того, что поэт всегда употребляет оговорку как имеющую определенный смысл. В действительности она могла быть бессмысленной психической случайностью и только в крайне редких случаях иметь смысл, но поэт вправе придать ей смысл, чтобы использовать его для своих целей. И поэтому нас бы не удивило, если бы от поэта мы узнали об оговорке больше, чем от филолога и психиатра.

Пример оговорки мы находим в «Валленштейне» (часть «Пикколомини», 1-й акт, 5-е явление). Макс Пикколомини в предыдущей сцене страстно выступает на стороне герцога и мечтает о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланник двора Квестенберг в полном недоумении. А дальше в 5-м явлении происходит следующее:

Квестенберг:

Вот до чего дошло!

(Настойчиво и нетерпеливо.)

А мы ему в подобном ослепленье

Позволили уйти, мой друг,

И не зовем его тотчас обратно —

Открыть ему глаза?

Октавио *(опомнившись после глубокого раздумья):*

Мне самому

Открыл глаза он шире, чем хотелось.

Квестенберг:

Что с вами, друг?

Октавио:

Проклятая поездка!

Квестенберг:

Как? Что такое?

Октавио:

Поскорей! Мне надо

Взглянуть на этот злополучный след

И самому увидеть все. Пойдемте.

(Хочет его увести.)

Квестенберг:

Зачем? Куда вы?

Октавио *(все еще торопит его):*

К ней!

Квестенберг:

К кому?

Октавио *(спохватываясь):*

Да к герцогу! Пойдем!

Перевод Н. Славятинского

Октавио хотел сказать «к нему», герцогу, но оговорился и выдал словами «к ней» причину, почему молодой герой мечтает о мире.

О. Ранк указал на еще более поразительный пример у Шекспира в «Венецианском купце», в знаменитой сцене выбора счастливым возлюбленным одного из трех ларцов; я, пожалуй, лучше процитирую самого Ранка.

«Чрезвычайно тонко художественно мотивированная и технически блестяще использованная оговорка, которую приводит Фрейд из «Валленштейна», доказывает, что поэты хорошо знают механизм и смысл ошибочных действий и предполагают их понимание и у слушателя. В «Венецианском купце» Шекспира (3-й акт, 2-я сцена) мы находим тому еще один пример. Порция, которая по воле своего отца может выйти замуж только за того, кто вытянет счастливый жребий, лишь благодаря счастливой случайности избавляется от немилых ей женихов. Но когда она находит наконец Бассанио, достойного претендента, который ей нравится, она боится, как бы и он не вытянул несчастливый жребий. Ей хочется ему сказать, что и в этом случае он может быть уверен в ее любви, но она связана данной отцу клятвой. В этой внутренней двойственности она говорит желанному жениху:

Помедлите, день-два хоть подождите

Вы рисковать; ведь если ошибетесь —

Я потеряю вас; так потерпите.
Мне что-то говорит (хоть не любовь),
Что не хочу терять вас; вам же ясно,
Что ненависть не даст подобной мысли.
Но, если вам не все еще понятно
(Хоть девушке пристойней мысль, чем слово), —
Я б месяц-два хотела задержать вас,
Пока рискнете. Я б вас научила,
Как выбрать. Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что. Итак, возможен промах.
Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим!
Две половины у меня: одна
Вся вам принадлежит; другая – вам.
Мне – я сказать хотела; значит, вам же, —
Так ваше все!..

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Поэт с удивительным психологическим проникновением заставляет Порцию в оговорке сказать то, на что она хотела только намекнуть, так как она должна была скрывать, что до исхода выбора она вся его и его любит, и этим искусным приемом поэт выводит любящего, так же как и сочувствующего ему зрителя, из состояния мучительной неизвестности, успокаивая насчет исхода выбора».

Обратите внимание на то, как ловко Порция выходит из создавшегося вследствие ее оговорки противоречия, под-

тверждая в конце концов правильность оговорки:

Мне — я сказать хотела; значит, вам же, —

Так ваше все!..

Так мыслитель, далекий от медицины, иногда может раскрыть смысл ошибочного действия одним своим замечанием, избавив нас от выслушивания разъяснений. Вы все, конечно, знаете остроумного сатирика Лихтенберга (1742–1799),³ о котором Гёте сказал: «Там, где у него шутка, может скрываться проблема. Но ведь благодаря шутке иногда решается проблема». В своих остроумных сатирических заметках (1853) Лихтенберг пишет: «Он всегда читал *Agamemnon* [Агамемнон] вместо *angenommen* [принято], настолько он зачитывался Гомером». Вот настоящая теория очитки.

В следующий раз мы обсудим, насколько мы можем согласиться с точкой зрения поэтов на ошибочные действия.

---

³ Лихтенберг Г. К. (1742–1799) — один из любимых писателей Фрейда. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) Фрейд разбирает многие из его афоризмов.

Третья лекция

Ошибочные действия (продолжение)

Уважаемые дамы и господа! В прошлый раз нам пришла в голову мысль рассматривать ошибочное действие само по себе, безотносительно к нарушенному им действию, которое предполагали совершить; у нас сложилось впечатление, будто в отдельных случаях оно выдает свой собственный смысл, и если бы это подтвердилось еще в большем числе случаев, то этот смысл был бы для нас интереснее, чем исследование условий, при которых возникает ошибочное действие.

Договоримся еще раз о том, что мы понимаем под «смыслом» (*Sinn*) какого-то психического процесса не что иное, как намерение, которому он служит, и его место в ряду других психических проявлений. В большинстве наших исследований слово «смысл» мы можем заменить словом «намерение» (*Absicht*), «тенденция» (*Tendenz*). Однако не является ли самообманом или поэтической вольностью с нашей стороны, что мы усматриваем в ошибочном действии намерение?

Будем же по-прежнему заниматься оговорками и рассмотрим большее количество наблюдений. Мы увидим, что в целом ряде случаев намерение, смысл оговорки совершенно очевиден. Это прежде всего те случаи, когда говорится противоположное тому, что намеревались сказать. Президент в

речи на открытии заседания говорит: «Объявляю заседание закрытым». Смысл и намерение его ошибки в том, что он хочет закрыть заседание. Так и хочется процитировать: «Да ведь он сам об этом говорит»; остается только поймать его на слове. Не возражайте мне, что это невозможно, ведь председатель, как мы знаем, хотел не закрыть, а открыть заседание, и он сам подтвердит это, а его мнение является для нас высшей инстанцией. При этом вы забываете, что мы условились рассматривать ошибочное действие само по себе; о его отношении к намерению, которое из-за него нарушается, мы будем говорить позже. Иначе вы допустите логическую ошибку и просто устраните проблему, то, что в английском языке называется *begging the question*.⁴

В других случаях, когда при оговорке прямо не высказывается противоположное утверждение, в ней все же выражается противоположный смысл. «Я не склонен (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника». *Geneigt* (склонен) не является противоположным *geeignet* (способен), однако это явное признание противоречит ситуации, о которой говорит оратор.

Встречаются случаи, когда оговорка просто прибавляет к смыслу намерения какой-то второй смысл. Тогда предложение звучит так, как будто оно представляет собой стяжение, сокращение, сгущение нескольких предложений. Таково заявление энергичной дамы: он (муж) может есть и пить все,

---

⁴ Свести вопрос на нет (англ.). – Прим. пер.

что я захочу. Ведь она тем самым как бы говорит: он может есть и пить, что он хочет, но разве он смеет хотеть? Вместо него я хочу. Оговорки часто производят впечатление таких сокращений. Например, профессор анатомии после лекции о носовой полости спрашивает, все ли было понятно слушателям, и, получив утвердительный ответ, продолжает: «Сомневаюсь, потому что даже в городе с миллионным населением людей, понимающих анатомию носовой полости, можно сосчитать по одному пальцу, простите, по пальцам одной руки». Это сокращение имеет свой смысл: есть только один человек, который это понимает.

Данной группе случаев, в которых ошибочные действия сами указывают на свой смысл, противостоят другие, в которых оговорки не имеют явного смысла и как бы противоречат нашим предположениям. Если кто-то при оговорке коверкает имя собственное или произносит неупотребительный набор звуков, то уже из-за таких часто встречающихся случаев вопрос об осмысленности ошибочных действий как будто может быть решен отрицательно. И лишь при ближайшем рассмотрении этих примеров обнаруживается, что в этих случаях тоже возможно понимание искажений, а разница между этими неясными и вышеописанными очевидными случаями не так уж велика.

Одного господина спросили о состоянии здоровья его лошади, он ответил: *Ja, das draut... Das dauert vielleicht noch einen Monat* [Да, это продлится, вероятно, еще месяц; но

вместо слова «продлится» – *dauert* – вначале было сказано странное *draut*]. На вопрос, что он этим хотел сказать, он, подумав, ответил: *Das ist eine traurige Geschichte* [Это печальная история]. Из столкновения слов *dauert* [даурт] и *traurige* [трауриге] получилось «драут» (*Meringer, Mayer, 1895*).

Другой рассказывает о происшествиях, которые он осуждает, и продолжает: *Dann aber sind die Tatsachen zum Vorschwein* [форшвайн] *gekommen*. [И тогда обнаружились факты; но в слово *Vorschein* – элемент выражения «обнаружились» – вставлена лишняя буква *w*]. На расспросы рассказчик ответил, что он считает эти факты свинством – *Schweinerei*. Два слова – *Vorschein* [форшайн] и *Schweinerei* [швайнерай] – вместе образовали странное «форшвайн» (Мерингер, Майер). Вспомним случай, когда молодой человек хотел *begleitdigen* даму. Мы имели смелость разделить эту словесную конструкцию на *begleiten* [проводить] и *beleidigen* [оскорбить] и были уверены в таком толковании, не требуя тому подтверждения. Из данных примеров вам понятно, что и такие неясные случаи оговорок можно объяснить столкновением, интерференцией двух различных намерений. Разница состоит в том, что в первом случае одно намерение полностью замещается (субституируется) другим, и тогда возникают оговорки с противоположным смыслом, в другом случае намерение только искажается или модифицируется, так что образуются комбинации, которые кажутся более или менее осмысленными.

Теперь мы, кажется, объяснили значительное число оговорок. Если мы будем твердо придерживаться нашего подхода, то сможем понять и другие бывшие до сих пор загадочными оговорки. Например, вряд ли можно предположить, что при искажении имен всегда имеет место конкуренция между двумя похожими, но разными именами. Нетрудно, впрочем, угадать и другую тенденцию. Ведь искажение имени часто происходит не только в оговорках; имя пытаются произнести неблагозвучно и внести в него что-то унижительное – это является своего рода оскорблением, которого культурный человек, хотя и не всегда охотно, старается избегать. Он еще часто позволяет это себе в качестве «шутки», правда, невысокого свойства. В качестве примера приведу отвратительное искажение имени президента Французской Республики Пуанкаре, которое в настоящее время переделали в «Швайнкаре». Нетрудно предположить, что и при оговорке может проявиться намерение оскорбить, как и при искажении имени. Подобные объяснения, подтверждающие наши представления, напрашиваются и в случае оговорок с комическим и абсурдным эффектом. «Я прошу вас отрыгнуть (вместо чокнуться) за здоровье нашего шефа». Праздничный настрой неожиданно нарушается словом, вызывающим неприятное представление, и по примеру бранных и насмешливых речей нетрудно предположить, что именно таким образом выразилось намерение, противоречащее преувеличенному почтению, что хотели сказать примерно следующее:

«Не верьте этому, все это несерьезно, плевать мне на этого малого и т. п.». То же самое относится к тем оговоркам, в которых безобидные слова превращаются в неприличные, как, например, *apropos* [по заду] вместо *apropos* [кстати] или *Eischeißweibchen* [~гнусная бабенка] вместо *Eiweißscheibchen* [белковая пластинка] (Мерингер, Майер). Мы знаем многих людей, которые ради удовольствия намеренно искажают безобидные слова, превращая их в неприличные; это считается остроумным, и в действительности часто приходится спрашивать человека, от которого слышишь подобное, пошутил ли он намеренно или оговорился.

Ну вот мы без особого труда и решили загадку ошибочных действий! Они не являются случайностями, а представляют собой серьезные психические акты, имеющие свой смысл, они возникают благодаря взаимодействию, а лучше сказать, противодействию двух различных намерений. А теперь могу себе представить, какой град вопросов и сомнений вы готовы на меня обрушить, и я должен ответить на них и разрешить ваши сомнения, прежде чем мы порадуемся первому результату нашей работы. Я, конечно, не хочу подталкивать вас к поспешным выводам. Давайте же подвергнем беспристрастному анализу все по порядку, одно за другим.

О чем вы хотели бы меня спросить? Считаю ли я, что это объясняет все случаи оговорок или только определенное их число? Можно ли такое объяснение перенести и на многие другие виды ошибочных действий: на очитки, описки, забы-

вание, захватывание вещей «по ошибке» (*Vergreifen*),⁵ их затеривание и т. д.? Имеют ли какое-то значение для психической природы ошибочных действий факторы усталости, возбуждения, рассеянности, нарушения внимания? Можно, далее, заметить, что из двух конкурирующих намерений одно всегда проявляется в ошибочном действии, другое же не всегда очевидно. Что же необходимо сделать, чтобы узнать это скрытое намерение, и, если предположить, что мы догадались о нем, какие есть доказательства, что наша догадка не только вероятна, но единственно верна? Может быть, у вас есть еще вопросы? Если нет, то я продолжу. Напомню вам, что сами по себе ошибочные действия интересуют нас лишь постольку, поскольку они дают ценный материал, который изучается психоанализом. Отсюда возникает вопрос: что это за намерения или тенденции, которые мешают проявиться другим, и каковы взаимоотношения между ними? Мы продолжим нашу работу только после решения этой проблемы.

Итак, подходит ли наше объяснение для всех случаев оговорок? Я очень склонен этому верить и именно потому, что когда разбираешь каждый случай оговорки, такое объясне-

---

⁵ Перевод этого слова на русский язык представляет значительные трудности. *Vergreifen* означает буквально «ошибка», «ошибочный захват» какого-либо предмета. Точный перевод слова зависит от контекста. Поэтому в одном случае мы переводим это слово как «захватывание (по ошибке)», в другом – как «действие по ошибке» (не путать с «ошибочным действием» – *Fehlleistung*, которое является родовым понятием к *Vergreifen*), в третьем – просто как «ошибка» (не путать со словом *Irrtum*, которое также переводится как «ошибка»). – Прим. ред. перевода.

ние находится. Но это еще не доказывает, что нет оговорок другого характера. Пусть будет так; для нашей теории это безразлично, так как выводы, которые мы хотим сделать для введения в психоанализ, останутся в силе даже в том случае, если бы нашему объяснению поддавалось лишь небольшое количество оговорок, что, впрочем, не так. На следующий вопрос – можно ли полученные данные об оговорках распространить на другие виды ошибочных действий? – я хотел бы заранее ответить положительно. Вы сами убедитесь в этом, когда мы перейдем к рассмотрению примеров описок, захватывания «по ошибке» предметов и т. д. Но по методическим соображениям я предлагаю отложить эту работу, пока мы основательнее не разберемся с оговорками.

Вопрос о том, имеют ли для нас значение выдвигаемые другими авторами на первый план факторы нарушения кровообращения, утомления, возбуждения, рассеянности и теория расстройств внимания, заслуживает более внимательного рассмотрения, если мы признаем описанный выше психический механизм оговорки. Заметьте, мы не оспариваем этих моментов. Психоанализ вообще редко оспаривает то, что утверждают другие; как правило, он добавляет что-то новое, правда, часто получается так, что это ранее не замеченное и вновь добавленное и является как раз существенным. Нами безоговорочно признается влияние на возникновение оговорки физиологических условий легкого нездоровья, нарушений кровообращения, состояния истощения, об

этом свидетельствует наш повседневный личный опыт. Но как мало этим объясняется! Прежде всего, это не обязательные условия для ошибочного действия. Оговорка возможна при абсолютном здоровье и в нормальном состоянии. Эти соматические условия могут только облегчить и ускорить проявление своеобразного психического механизма оговорки. Для объяснения этого отношения я приводил когда-то сравнение, которое сейчас повторю за неимением лучшего. Предположим, что я иду темной ночью по безлюдному месту, на меня нападает грабитель, отнимает часы и кошелек. Так как я не разглядел лица грабителя, то в ближайшем полицейском участке я заявляю: «Безлюдное место и темнота только что отняли у меня ценные вещи». На что полицейский комиссар мне может сказать: «Вы напрасно придерживаетесь чисто механистической точки зрения. Представим себе дело лучше так: под защитой темноты в безлюдном месте неизвестный грабитель отнял у вас ценные вещи. Самым важным в вашем случае является, как мне кажется, то, чтобы мы нашли грабителя. Тогда, может быть, мы сможем забрать у него похищенное».

Такие психофизиологические условия, как возбуждение, рассеянность, нарушение внимания, дают очень мало для объяснения ошибочных действий. Это только фразы, ширмы, за которые мы не должны бояться заглянуть. Лучше спросим, чем вызвано это волнение, особое отвлечение внимания. Влияние созвучий, сходств слов и употребительных

словесных ассоциаций тоже следует признать важными. Они тоже облегчают появление оговорки, указывая ей пути, по которым она может пойти. Но если передо мной лежит какой-то путь, предreshено ли, что я пойду именно по нему? Необходим еще какой-то мотив, чтобы я решился на него, и, кроме того, сила, которая бы меня продвигала по этому пути. Таким образом, как соотношение звуков и слов, так и соматические условия только способствуют появлению оговорки и не могут ее объяснить. Подумайте, однако, о том огромном числе случаев, когда речь не нарушается из-за схожести звучания употребленного слова с другим, из-за противоположности их значений или употребительности словесных ассоциаций. Мы могли бы согласиться с философом Вундтом в том, что оговорка появляется, когда вследствие физического истощения ассоциативные наклонности начинают преобладать над другими побуждениями в речи. С этим можно было бы легко согласиться, если бы это не противоречило фактам возникновения оговорки в случаях, когда отсутствуют либо физические, либо ассоциативные условия для ее появления.

Но особенно интересным кажется мне ваш следующий вопрос – каким образом можно убедиться в существовании двух соперничающих намерений? Вы и не подозреваете, к каким серьезным выводам ведет нас этот вопрос. Не правда ли, одно из двух намерений, а именно нарушенное (*gestörte*), обычно не вызывает сомнений: человек, совершивший ошибочное действие, знает о нем и признает его. Сомнения и

размышления вызывает второе, нарушающее (*störende*) намерение. Мы уже слышали, а вы, конечно, не забыли, что в ряде случаев это намерение тоже достаточно ясно выражено. Оно обнаруживается в эффекте оговорки, если только взять на себя смелость считать этот эффект доказательством. Президент, который допускает оговорку с обратным смыслом, конечно, хочет открыть заседание, но не менее ясно, что он хочет его и закрыть. Это настолько очевидно, что тут и толковать нечего. А как догадаться о нарушающем намерении по искажению в тех случаях, когда нарушающее намерение только искажает первоначальное, не выражая себя полностью?

В первом ряде случаев это точно так же просто и делается таким же образом, как и при определении нарушенного намерения. О нем сообщает сам допустивший оговорку, он сразу может восстановить то, что намеревался сказать первоначально: «*Das draut, nein, das dauert vielleicht noch einen Monat*» [Это драут, нет, это продлится, вероятно, еще месяц]. Искажающее намерение он тут же выразил, когда его спросили, что он хотел сказать словом «драут»: «*Das ist eine traurige Geschichte*» [Это печальная история]. Во втором случае, при оговорке «*Vorschwein*», он сразу же подтверждает, что хотел сначала сказать: «*Das ist Schweinerei*» [Это свинство], но сдержался и выразился по-другому. Искажающее намерение здесь так же легко установить, как и искаженное. Я намеренно остановился здесь на таких примерах, которые

приводил и толковал не я или кто-нибудь из моих последователей. Однако в обоих этих примерах для решения проблемы нужен был один небольшой прием. Надо было спросить говорившего, почему он сделал именно такую оговорку и что он может о ней сказать. В противном случае, не желая ее объяснять, он прошел бы мимо нее. На поставленный же вопрос он дал первое пришедшее ему в голову объяснение. А теперь вы видите, что этот прием и его результат и есть психоанализ и образец любого психоаналитического исследования, которым мы займемся впоследствии.

Не слишком ли я недоверчив, полагая, что в тот самый момент, когда у вас только складывается представление о психоанализе, против него же поднимается и протест? Не возникает ли у вас желания возразить мне, что сведения, полученные от человека, допустившего оговорку, не вполне доказательны? Отвечая на вопросы, он, конечно, старался, полагаете вы, объяснить свою оговорку, вот и сказал первое, что пришло ему в голову и показалось хоть сколь-нибудь пригодным для объяснения. Но это еще не доказательство того, что оговорка возникла именно таким образом. Конечно, могло быть и так, но с таким же успехом и иначе. Ему в голову могло прийти и другое объяснение, такое же подходящее, а может быть, даже лучшее.

Удивительно, как мало у вас, в сущности, уважения к психическому факту! Представьте себе, что кто-то произвел химический анализ вещества и обнаружил в его составе другое,

весом в столько-то миллиграммов. Данный вес дает возможность сделать определенные выводы. А теперь представьте, что какому-то химику пришло в голову усомниться в этих выводах, мотивируя это тем, что выделенное вещество могло иметь и другой вес. Каждый считается с фактом, что вес именно такой, а не другой, и уверенно строит на этом дальнейшие выводы. Если же налицо психический факт, когда человеку приходит в голову определенная мысль, вы с этим почему-то не считаетесь и говорите, что ему могла прийти в голову и другая мысль! У вас есть иллюзия личной психической свободы, и вы не хотите от нее отказаться. Мне очень жаль, но в этом я самым серьезным образом расхожусь с вами во мнениях.

Теперь вы не станете больше возражать, но только до тех пор, пока не найдете другого противоречия. Вы продолжите: мы понимаем, что особенность техники психоанализа состоит в том, чтобы заставить человека самого решить свои проблемы. Возьмем другой пример: оратор приглашает собравшихся чокнуться (отрыгнуть) за здоровье шефа. По нашим словам, нарушающее намерение в этом случае – унижить, оно и не дает оратору выразить почтение. Но это всего лишь наше толкование, основанное на наблюдениях за пределами оговорки. Если мы в этом случае будем расспрашивать оговорившегося, он не подтвердит, что намеревался нанести оскорбление, более того, он будет энергично это отрицать. Почему же мы все же не отказываемся от нашего недо-

казуемого толкования и после такого четкого возражения?

Да, на этот раз вы нашли серьезный аргумент. Я представляю себе незнакомого оратора, возможно, ассистента того шефа, а возможно, уже приват-доцента, молодого человека с блестящим будущим. Я настойчиво стану его выспрашивать, не чувствовал ли он при чествовании шефа противоположного намерения? Но вот я и попался. Терпение его истощается, и он вдруг набрасывается на меня: «Кончайте вы свои расспросы, иначе я не поручусь за себя. Своими подозрениями вы портите мне всю карьеру. Я просто оговорился, сказал *aufstoßen* вместо *anstößen*, потому что в этом предложении уже два раза употребил *auf*. У Мерингера такая оговорка называется отзвуком, и нечего тут толковать вкривь и вкось. Вы меня поняли? Хватит». Гм, какая удивительная реакция; весьма энергичное отрицание. С молодым человеком ничего не поделаешь, но я про себя думаю, что его выдает сильная личная заинтересованность в том, чтобы его ошибочному действию не придавали смысла. Может быть, и вам покажется, что неправильно с его стороны вести себя так грубо во время чисто теоретического обследования, но, в конце концов, подумаете вы, он сам должен знать, что он хотел сказать, а чего нет. Должен ли? Пожалуй, это еще вопрос.

Ну, теперь вы точно считаете, что я у вас в руках. Так вот какова ваша техника исследования, я слышу, говорите вы. Если сделавший оговорку говорит о ней то, что вам подходит, то вы оставляете за ним право последней решающей ин-

станции. «Он ведь сам это сказал!» Если же то, что он говорит, вам не годится, вы тут же заявляете: нечего с ним считаться, ему нельзя верить.

Все это так. Я могу привести вам аналогичный случай, где дело обстоит столь же невероятно. Если обвиняемый признается судье в своем проступке, судья верит его признанию; но если обвиняемый отрицает свою вину, судья не верит ему. Если бы было по-другому, то не было бы правосудия, а вы ведь признаете эту систему, несмотря на имеющиеся в ней недостатки.

Да, но разве вы судья, а сделавший оговорку подсудимый? Разве оговорка – преступление?

Может быть, и не следует отказываться от этого сравнения. Но посмотрите только, к каким серьезным разногласиям мы пришли, углубившись в такую, казалось бы, невинную проблему, как ошибочные действия. Пока мы еще не в состоянии сгладить все эти противоречия. Я все-таки предлагаю временно сохранить сравнение с судьей и подсудимым. Согласитесь, что смысл ошибочного действия не вызывает сомнения, если анализируемый сам признает его. Зато и я должен согласиться с вами, что нельзя представить прямого доказательства предполагаемого смысла ошибочного действия, если анализируемый отказывается сообщить какие-либо сведения или же он просто отсутствует. В таких случаях так же, как и в судопроизводстве, прибегают к косвенным уликам, которые позволяют сделать более или ме-

нее вероятное заключение. На основании косвенных улик суд иногда признает подсудимого виновным. У нас нет такой необходимости, но и нам не следует отказываться от использования таких улик. Было бы ошибкой предполагать, что наука состоит только из строго доказанных положений, да и неправильно от нее этого требовать. Такие требования к науке может предъявлять только тот, кто ищет авторитетов и ощущает потребность заменить свой религиозный катехизис на другой, хотя бы и научный. Наука насчитывает в своем катехизисе мало аподиктических положений, в ней больше утверждений, имеющих определенную степень вероятности. Признаком научного мышления как раз и является способность довольствоваться лишь приближением к истине и продолжать творческую работу, несмотря на отсутствие окончательных подтверждений.

На что же нам опереться в своем толковании, где найти косвенные улики, если показания анализируемого не раскрывают смысла ошибочного действия? В разных местах. Сначала будем исходить из аналогии с явлениями, не связанными с ошибочными действиями, например, когда мы утверждаем, что искажение имен при оговорке имеет тот же унижающий смысл, как и при намеренном коверканий имени. Далее мы будем исходить из психической ситуации, в которой совершается ошибочное действие, из знания характера человека, совершившего ошибочное действие, из тех впечатлений, которые он получил до ошибочного действия, воз-

можно, что именно на них он и реагировал этим ошибочным действием. Обычно мы толкуем ошибочное действие, исходя из общих соображений, и высказываем сначала только предположение, гипотезу для толкования, а затем, исследуя психическую ситуацию допустившего ошибку, находим ему подтверждение. Иногда приходится ждать событий, как бы предсказанных ошибочным действием, чтобы найти подтверждение нашему предположению.

Если я ограничусь одной только областью оговорок, я едва ли сумею столь же легко найти нужные доказательства, хотя и здесь есть отдельные впечатляющие примеры. Молодой человек, который хотел бы *begleitdigen* даму, наверняка робкий; даму, муж которой ест и пьет то, что она хочет, я знаю как одну из тех энергичных женщин, которые умеют командовать всем в доме. Или возьмем такой пример: на общем собрании «Конкордии» молодой член этого общества произносит горячую оппозиционную речь, во время которой он обращается к членам правления, называя их *Vorschußmitglieder* [члены ссуды], словом, которое может получиться из слияния слов *Vorstand* [правление] и *Ausschuß* [комиссия]. Мы предполагаем, что у него возникло нарушающее намерение, противоречащее его оппозиционным высказываниям и которое могло быть связано со ссудой. Действительно, вскоре мы узнаем, что оратор постоянно нуждался в деньгах и незадолго до того подал прошение о ссуде. Нарушающее намерение действительно могло выразиться в такой мысли: сдер-

жись в своей оппозиции, это ведь люди, которые разрешат тебе выдачу ссуды.

Я смогу привести вам целый ряд таких уличающих доказательств, когда перейду к другим ошибочным действиям.

Если кто-то забывает хорошо известное ему имя и с трудом его запоминает, то можно предположить, что против носителя этого имени он что-то имеет и не хочет о нем думать. Рассмотрим психическую ситуацию, в которой происходит это ошибочное действие. «Господин *У* был безнадежно влюблен в даму, которая вскоре выходит замуж за господина *Х*. Хотя господин *У* давно знает господина *Х* и даже имеет с ним деловые связи, он все время забывает его фамилию и всякий раз, когда должен писать ему по делу, справляется о его фамилии у других». Очевидно, господин *У* не хочет ничего знать о счастливом сопернике. «И думать о нем не хочу».

Или другой пример: дама спрашивается у врача о здоровье общей знакомой, называя ее по девичьей фамилии. Ее фамилию по мужу она забыла. Затем она признается, что очень недовольна этим замужеством и не выносит мужа своей подруги.

Мы еще вернемся к забыванию имен и обсудим это с разных сторон, сейчас же нас интересует преимущественно психическая ситуация, в которой происходит забывание.

Забывание намерений в общем можно объяснить потоком противоположных намерений, которые не позволяют выпол-

нить первоначальное намерение. Так думаем не только мы, занимающиеся психоанализом, это общепринятое мнение людей, которые придерживаются его в жизни, но почему-то отрицают в теории. Покровитель, извиняющийся перед просителем за то, что забыл выполнить его просьбу, едва ли будет оправдан в его глазах. Проситель сразу же подумает: ему ведь совершенно все равно; хотя он обещал, он ничего не сделал. И в жизни забывание тоже считается в известном отношении предосудительным, различий между житейской и психоаналитической точкой зрения на эти ошибочные действия, по-видимому, нет. Представьте себе хозяйку, которая встречает гостя словами: «Как, вы пришли сегодня? А я и забыла, что пригласила вас на сегодня». Или молодого человека, который признался бы возлюбленной, что он забыл о назначенном свидании. Конечно, он в этом не признается, а скорее придумает самые невероятные обстоятельства, которые не позволили ему прийти на свидание и даже не дали возможности предупредить об этом. На военной службе, как все знают и считают справедливым, забывчивость не является оправданием и не освобождает от наказания. Здесь почему-то все согласны, что определенное ошибочное действие имеет смысл, причем все знают какой. Почему же нельзя быть до конца последовательным и не признать, что и к другим ошибочным действиям должно быть такое же отношение? Напрашивается естественный ответ.

Если смысл этого забывания намерений столь очевиден

даже для неспециалиста, то вы не будете удивляться тому, что и писатели используют это ошибочное действие в том же смысле. Кто из вас читал или видел пьесу Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра», тот помнит, что в последней сцене перед отъездом Цезаря преследует мысль, будто он намеревался что-то сделать, о чем теперь забыл. В конце концов оказывается, что он забыл попрощаться с Клеопатрой. Этой маленькой сценой писатель хочет приписать великому Цезарю преимущество, которым он не обладал и к которому совсем не стремился. Из исторических источников вы можете узнать, что Цезарь заставил Клеопатру последовать за ним в Рим, и она жила там с маленьким Цезарионом, пока Цезарь не был убит, после чего ей пришлось бежать из города.

Случаи забывания намерений в общем настолько ясны, что мало подходят для нашей цели получить косвенные улики для объяснения смысла ошибочного действия из психической ситуации. Поэтому обратимся к особенно многозначным и малопонятным ошибочным действиям – к затериванию и запрытыванию вещей. Вам, конечно, покажется невероятным, что в затеривании, которое мы часто воспринимаем как досадную случайность, участвует какое-то наше намерение. Но можно привести множество наблюдений вроде следующего. Молодой человек потерял дорогой для него карандаш. За день до этого он получил письмо от шурина, которое заканчивалось словами: «У меня нет желания потворствовать твоему легкомыслию и лени». Карандаш был

подарком этого шурина. Без такого совпадения мы, конечно, не могли бы утверждать, что в затеривании карандаша участвует намерение избавиться от вещи. Аналогичные случаи очень часты. Затериваются предметы, когда поссоришься с тем, кто их дал и о ком неприятно вспоминать, или когда сами вещи перестают нравиться и ищешь предлога заменить их другими, лучшими. Проявлением такого же намерения по отношению к предмету выступает и то, что его роняют, разбивают, ломают. Можно ли считать случайностью, что как раз накануне своего дня рождения школьник теряет, портит, ломает нужные ему вещи, например ранец или карманные часы?

Тот, кто пережил много неприятного из-за того, что не мог найти вещь, которую сам же куда-то заложил, вряд ли поверит, что он сделал это намеренно. И все-таки нередки случаи, когда обстоятельства, сопровождающие запрытывание, свидетельствуют о намерении избавиться от предмета на короткое или долгое время. Вот лучший пример такого рода.

Молодой человек рассказывает мне: «Несколько лет тому назад у меня были семейные неурядицы, я считал свою жену слишком холодной, и, хотя я признавал ее прекрасные качества, мы жили без нежных чувств друг к другу. Однажды она подарила мне книгу, которую купила во время прогулки и считала интересной для меня. Я поблагодарил за этот знак «внимания», обещал прочесть книгу, спрятал ее и не мог по-

том найти. Так прошли месяцы, иногда я вспоминал об исчезнувшей книге и напрасно пытался найти ее. Полгода спустя заболела моя любимая мать, которая жила отдельно от нас. Моя жена уехала, чтобы ухаживать за свекровью. Состояние больной было тяжелое, жена показала себя с самой лучшей стороны. Однажды вечером, охваченный благодарными чувствами к жене, я вернулся домой, открыл без определенного намерения, но как бы с сомнамбулической уверенностью определенный ящик письменного стола и сверху нашел давно исчезнувшую запрятанную книгу». Исчезла причина, и пропажа нашлась.

Уважаемые дамы и господа! Я мог бы продолжить этот ряд примеров. Но я не буду этого делать. В моей книге «Психопатология обыденной жизни» (впервые вышла в 1901 г.) вы найдете богатый материал для изучения ошибочных действий. Все эти примеры свидетельствуют об одном, а именно о том, что ошибочные действия имеют свой смысл, и показывают, как этот смысл можно узнать или подтвердить по сопутствующим обстоятельствам. Сегодня я буду краток, поскольку мы должны при изучении этих явлений получить необходимые сведения для подготовки к психоанализу. Я намерен остановиться только на двух группах ошибочных действий, повторяющихся и комбинированных, и на подтверждении нашего толкования последующими событиями.

Повторяющиеся и комбинированные ошибочные действия являются своего рода вершиной этого вида действий.

Если бы нам пришлось доказывать, что ошибочные действия имеют смысл, мы бы именно ими и ограничились, так как их смысл очевиден даже ограниченному уму и самому придирчивому критику. Повторяемость проявлений обнаруживает устойчивость, которую почти никогда нельзя приписать случайности, но можно объяснить преднамеренностью. Наконец, замена отдельных видов ошибочных действий друг другом свидетельствует о том, что самым важным и существенным в ошибочном действии является не форма или средства, которыми оно пользуется, а намерение, которому оно служит и которое должно быть реализовано самыми различными путями. Хочу привести вам пример повторяющегося забывания. Э. Джонс (1911, 483) рассказывает, что однажды по неизвестным причинам в течение нескольких дней он забывал письмо на письменном столе. Наконец решился его отправить, но получил от *Dead letter office* обратно, так как забыл написать адрес. Написав адрес, он принес письмо на почту, но оказалось, что забыл наклеить марку. Тут уж он был вынужден признать, что вообще не хотел отправлять это письмо.

В другом случае захватывание вещей «по ошибке» (*Vergreifen*) комбинируется с запрятыванием. Одна дама совершает со своим шурином, известным артистом, путешествие в Рим. Ему оказывается самый торжественный прием живущими в Риме немцами, и среди прочего он получает в подарок золотую античную медаль. Дама была задета тем,

что шурин не может оценить прекрасную вещь по достоинству. После того как ее сменила сестра и она вернулась домой, распаковывая вещи, она обнаружила, что взяла медаль с собой, сама не зная как. Она тут же написала об этом шурина и заверила его, что на следующий же день отправит нечаянно попавшую к ней медаль в Рим. Но на следующий день медаль была куда-то так запрятана, что ее нельзя было найти и отправить, и тогда дама начала догадываться, что значит ее «рассеянность», – просто ей хотелось оставить медаль у себя.

Я уже приводил вам пример комбинации забывания с ошибкой (*Irrtum*), когда кто-то сначала забывает о свидании, а потом с твердым намерением не забыть о нем является не к условленному часу, а в другое время. Совершенно аналогичный случай из собственной жизни рассказывал мне мой друг, который занимался не только наукой, но и литературой. «Несколько лет тому назад я согласился вступить в комиссию одного литературного общества, предполагая, что оно поможет мне поставить мою драму. Каждую пятницу я появлялся на заседании, хотя и без особого интереса. Несколько месяцев тому назад я получил уведомление о постановке моей пьесы в театре в Ф. и с тех пор я постоянно забываю о заседаниях этого общества. Когда я прочитал Вашу книгу об этих явлениях, мне стало стыдно моей забывчивости, я упрекал себя, что это подлость – не являться на заседания после того, как люди перестали быть нужны,

и решил ни в коем случае не забыть про ближайшую пятницу. Я все время напоминал себе об этом намерении, пока, наконец, не выполнил его и не очутился перед дверью зала заседаний. Но, к моему удивлению, она оказалась закрытой, а заседание завершенным, потому что я ошибся в дне: была уже суббота!»

Весьма соблазнительно собирать подобные наблюдения, но нужно идти дальше. Я хочу показать вам примеры, в которых наше толкование подтверждается в будущем.

Основной характерной особенностью этих случаев является то, что настоящая психическая ситуация нам неизвестна или недоступна нашему анализу. Тогда наше толкование приобретает характер только предположения, которому мы и сами не хотим придавать большого значения. Но позднее происходят события, показывающие, насколько справедливо было наше первоначальное толкование. Как-то раз я был в гостях у новобрачных и слышал, как молодая жена со смехом рассказывала о недавно происшедшем с ней случае: на следующий день после возвращения из свадебного путешествия она пригласила свою незамужнюю сестру, чтобы пойти с ней, как и раньше, за покупками, в то время как муж ушел по своим делам. Вдруг на другой стороне улицы она замечает мужчину и, подталкивая сестру, говорит: «Смотри, вон идет господин Л.». Она забыла, что этот господин уже несколько недель был ее мужем. Мне стало не по себе от такого рассказа, но я не решился сделать должный вывод. Я

вспомнил этот маленький эпизод спустя годы, после того как этот брак закончился самым печальным образом.

А. Медер рассказывает об одной даме, которая за день до свадьбы забыла померить свадебное платье и, к ужасу своей модистки, вспомнила об этом только поздно вечером. Он приводит этот пример забывания в связи с тем, что вскоре после этого она развелась со своим мужем. Я знаю одну теперь уже разведенную даму, которая, управляя своим состоянием, часто подписывала документы своей девичьей фамилией за несколько лет до того, как она ее действительно приняла. Я знаю других женщин, потерявших обручальное кольцо во время свадебного путешествия, и знаю также, что их супружеская жизнь придала этой случайности свой смысл. А вот яркий пример с более приятным исходом. Об одном известном немецком химике рассказывают, что его брак не состоялся потому, что он забыл о часе венчания и вместо церкви пошел в лабораторию. Он был так умен, что ограничился этой одной попыткой и умер холостяком в глубокой старости.

Может быть, вам тоже пришло в голову, что в этих примерах ошибочные действия играют роль какого-то знака или предзнаменования древних. И действительно, часть этих знаков была не чем иным, как ошибочным действием, когда, например, кто-то спотыкался или падал. Другая же часть носила характер объективного события, а не субъективного деяния. Но вы не поверите, как трудно иногда в каждом кон-

кретном случае определить, к какой группе его отнести. Действие так часто умеет маскироваться под пассивное переживание.

Каждый из нас, оглядываясь на долгий жизненный путь, может, вероятно, сказать, что он избежал бы многих разочарований и болезненных потрясений, если бы нашел в себе смелость толковать мелкие ошибочные действия в общении с людьми как предзнаменование и оценивать их как знак еще скрытых намерений. Чаще всего на это не отваживаются: возникает впечатление, что снова становишься суеверным — теперь уже окольным путем, через науку. Но ведь не все предзнаменования сбываются, а из нашей теории вы поймете, что не все они и должны сбываться.

Четвертая лекция

Ошибочные действия (окончание)

Уважаемые дамы и господа! В результате наших прошлых бесед мы пришли к выводу, что ошибочные действия имеют смысл — это мы и возьмем за основу наших дальнейших исследований. Следует еще раз подчеркнуть, что мы не утверждаем — да и для наших целей нет в этом никакой необходимости, — что любое ошибочное действие имеет смысл, хотя это кажется мне весьма вероятным. Нам достаточно того, что такой смысл обнаруживается относительно часто в различных формах ошибочных действий. В этом отношении эти различные формы предполагают и различные объяснения: при оговоре, описке и т. д. могут встречаться случаи чисто физиологического характера, в случаях же забывания имен, намерений, запрыгивания предметов и т. д. я едва ли соглашусь с таким объяснением. Затеривание, по всей вероятности, может произойти и нечаянно. Встречающиеся в жизни ошибки (*Irrtümer*) вообще только отчасти подлежат нашему рассмотрению. Все это следует иметь в виду также и в том случае, когда мы исходим из положения, что ошибочные действия являются психическими актами и возникают вследствие интерференции двух различных намерений.

Таков первый результат психоанализа. О существовании таких интерференций и об их возможных следствиях, опи-

санных выше, психология до сих пор не знала. Мы значительно расширили мир психических явлений и включили в область рассмотрения психологии феномены, которыми она раньше не занималась.

Остановимся теперь кратко на утверждении, что ошибочные действия являются «психическими актами». Является ли оно более содержательным, чем первое наше положение, что они имеют смысл? Я думаю, нет; это второе положение еще более неопределенно и может привести к недоразумениям. Иногда все, что можно наблюдать в душевной жизни, называют психическим феноменом. Важно выяснить, вызвано ли отдельное психическое явление непосредственно физическими, органическими, материальными воздействиями, и тогда оно не относится к области психологии, или оно обусловлено прежде всего другими психическими процессами, за которыми скрывается, в свою очередь, ряд органических причин. Именно в этом последнем смысле мы и понимаем явление, называя его психическим процессом, поэтому целесообразнее выражаться так: явление имеет содержание, смысл. Под смыслом мы понимаем значение, намерение, тенденцию и место в ряду психических связей.

Есть целый ряд других явлений, очень близких к ошибочным действиям, к которым это название, однако, уже не подходит. Мы называем их случайными и симптоматическими действиями [*Zufalls- und Symptomhandlungen*]. Они тоже носят характер не только немотивированных, незаметных и

незначительных, но и излишних действий. От ошибочных действий их отличает отсутствие второго намерения, с которым сталкивалось бы первое и благодаря которому оно бы нарушалось. С другой стороны, эти действия легко переходят в жесты и движения, которые, по нашему мнению, выражают эмоции. К этим случайным действиям относятся все кажущиеся бесцельными, выполняемые как бы играя манипуляции с одеждой, частями тела, предметами, которые мы то берем, то оставляем, а также мелодии, которые мы напеваем про себя. Я убежден, что все эти явления полны смысла и их можно толковать так же, как и ошибочные действия, что они являются некоторым знаком других, более важных душевных процессов и сами относятся к полноценным психическим актам. Но я не собираюсь останавливаться на этой новой области психических явлений, а вернусь к ошибочным действиям, так как они позволяют с большей точностью поставить важные для психоанализа вопросы.

В области ошибочных действий самыми интересными вопросами, которые мы поставили, но пока оставили без ответа, являются следующие: мы сказали, что ошибочные действия возникают в результате наложения друг на друга двух различных намерений, из которых одно можно назвать нарушенным (*gestörte*), а другое нарушающим (*störende*). Нарушенные намерения не представляют собой проблему, а вот о другой группе мы хотели бы знать, во-первых, что это за намерения, выступающие как помеха для другой группы, и,

во-вторых, каковы их отношения друг к другу.

Разрешите мне опять взять в качестве примера для всех видов ошибочных действий оговорку и ответить сначала на второй вопрос, прежде чем я отвечу на первый.

При оговорке нарушающее намерение может иметь отношение к содержанию нарушенного намерения, тогда оговорка содержит противоречие, поправку или дополнение к нему. В менее же ясных и более интересных случаях нарушающее намерение по содержанию не имеет с нарушенным ничего общего.

Подтверждения отношениям первого рода мы без труда найдем в уже знакомых и им подобных примерах. Почти во всех случаях оговорок нарушающее намерение выражает противоположное содержание по отношению к нарушенному, ошибочное действие представляет собой конфликт между двумя несогласованными стремлениями. Я объявляю заседание открытым, но хотел бы его закрыть – таков смысл оговорки президента. Политическая газета, которую обвиняли в продажности, защищается в статье, которая должна заканчиваться словами: «Наши читатели могут засвидетельствовать, как мы всегда совершенно бескорыстно выступали на благо общества». Но редактор, составивший эту статью, ошибся и написал «корыстно». Он, видимо, думал: хотя я и должен написать так, но я знаю, что это ложь. Народный представитель, призванный говорить кайзеру беспощадную (*rückhaltlos*) правду, прислушавшись к внутреннему голосу,

который как бы говорит: а не слишком ли ты смел? – делает оговорку – слово *rückhaltlos* [беспощадный] превращается в *rückgratlos* [бесчреbetный].⁶

В уже известных вам примерах, когда оговорка производит впечатление стяжения и сокращения слов, появляются поправки, дополнения и продолжения высказывания, в которых, наряду с первой, находит свое проявление и вторая тенденция. «Тут обнаружились (*zum Vorschein kommen*) факты, а лучше уж прямо сказать: свинства (*Schweinereien*)», – итак, возникает оговорка: *Es sind Dinge zum Vorschwein gekommen*. «Людей, которые это понимают, можно сосчитать по пальцам одной руки», но в действительности есть только один человек, который это понимает, в результате получается: сосчитать по одному пальцу. Или «мой муж может есть и пить, что он хочет». Но разве я потерплю, чтобы он что-то хотел, вот и выходит: он может есть и пить все, что я хочу.

Во всех этих случаях оговорка либо возникает из содержания нарушенного намерения, либо она связана с этим содержанием.

Другой вид отношения между двумя борющимися намерениями производит весьма странное впечатление. Если нарушающее намерение не имеет ничего общего с содержанием нарушенного, то откуда же оно берется и почему появляется в определенном месте как помеха? Наблюдения, которые только и могут дать на это ответ, показывают, что помеха

---

⁶ В немецком рейхстаге, ноябрь 1908 г.

вызывается тем ходом мыслей, которые незадолго до того занимали человека и проявились теперь таким образом независимо от того, выразились ли они в речи или нет. Эту помеху действительно можно назвать отзвуком, однако не обязательно отзвуком произнесенных слов. Здесь тоже существует ассоциативная связь между нарушающим и нарушенным намерением, но она не скрывается в содержании, а устанавливается искусственно, часто весьма окольными путями.

Приведу простой пример из собственных наблюдений. Однажды я встретился у нас в горах у доломитовых пещер с двумя одетыми по-туристски дамами. Я прошел с ними немного, и мы поговорили о прелестях и трудностях туристского образа жизни. Одна из дам согласилась, что такое времяпрепровождение имеет свои неудобства. «Действительно, – говорит она, – очень неприятно целый день шагать по солнцепеку, когда кофта и рубашка совершенно мокры от пота». В этом предложении она делает маленькую заминку и продолжает: «Когда приходишь *nach Hause* [домой, но вместо *Hause* употреблено слово *Hose* – панталоны] и есть возможность переодеться». Мы эту оговорку не анализировали, но я думаю, вы ее легко поймете. Дама имела намерение продолжить перечисление и сказать: кофта, рубашка и панталоны. Из соображений благопристойности слово «панталоны» не было употреблено, но в следующем предложении, совершенно независимом по содержанию, произнесенное слово появляется в виде искажения, сходного по звучанию со сло-

вом *Hause*.

Ну а теперь, наконец, мы можем перейти к вопросу, который все откладывали: что это за намерения, которые таким необычным образом проявляются в качестве помех? Разумеется, они весьма различны, но мы найдем в них и общее. Изучив целый ряд примеров, мы можем выделить три группы. К первой группе относятся случаи, в которых говорящему известно нарушающее намерение и он чувствовал его перед оговоркой. Так, в оговорке *Vorschwein* говорящий не только не отрицает осуждения определенных фактов, но признается в намерении, от которого он потом отказался, произнести слово *Schweinereien* [свинства]. Вторую группу составляют случаи, когда говорящий тоже признает нарушающее намерение, но не подозревает, что оно стало активным непосредственно перед оговоркой. Он соглашается с нашим толкованием, но в известной степени удивлен им. Примеры такого рода легче найти в других ошибочных действиях, чем в оговорках. К третьей группе относятся случаи, когда сделавший оговорку энергично отвергает наше толкование нарушающего намерения; он не только оспаривает тот факт, что данное намерение побудило его к оговорке, но утверждает, что оно ему совершенно чуждо. Вспомним случай с *aufstoßen* (отрыгнуть вместо чокнуться), и тот прямо-таки невежливый отпор, который я получил от оратора, когда хотел истолковать нарушающее намерение. Как вы помните, мы не пришли к единому мнению в понимании этих случаев. Я бы

пропустил мимо ушей возражения оратора, произносившего тост, продолжая придерживаться своего толкования, в то время как вы, полагаю, остаетесь под впечатлением его отповеди и подумаете, не лучше ли отказаться от такого толкования ошибочных действий и считать их чисто физиологическими актами, как это было принято до психоанализа. Могу понять, что вас пугает. Мое толкование предполагает, что у говорящего могут проявиться намерения, о которых он сам ничего не знает, но о которых я могу узнать на основании косвенных улик. Вас останавливает новизна и серьезность моего предположения. Понимаю и признаю пока вашу правоту. Но вот что мы можем установить: если вы хотите последовательно придерживаться определенного воззрения на ошибочные действия, правильность которого доказана таким большим количеством примеров, то вам придется согласиться и с этим странным предположением. Если же вы не можете решиться на это, то вам нужно отказаться от всего, что вы уже знаете об ошибочных действиях.

Но остановимся пока на том, что объединяет все три группы, что общего в механизме этих оговорок. К счастью, это не вызывает сомнений. В первых двух группах нарушающее намерение признается самим говорящим; в первом случае к этому прибавляется еще то, что это намерение проявляется непосредственно перед оговоркой. Но в обоих случаях это намерение оттесняется. Говорящий решил не допустить его выражения в речи, и тогда произошла оговорка, т. е. оттес-

ненное намерение все-таки проявилось против его воли, изменив выражение допущенного им намерения, смешавшись с ним или даже полностью заменив его. Таков механизм оговора.

С этой точки зрения мне так же нетрудно полностью согласовать процесс оговорок, относящихся к третьей группе, с вышеописанным механизмом. Для этого мне нужно только предположить, что эти три группы отличаются друг от друга разной степенью оттеснения нарушающего намерения. В первой группе это намерение очевидно, оно дает о себе знать говорящему еще до высказывания; только после того, как оно отвергнуто, оно возмещает себя в оговоре. Во второй группе нарушающее намерение оттесняется еще дальше, перед высказыванием говорящий его уже не замечает. Удивительно то, что это никоим образом не мешает ему быть причиной оговора! Но тем легче нам объяснить происхождение оговорок третьей группы. Я беру на себя смелость предположить, что в ошибочном действии может проявиться еще одна тенденция, которая давно, может быть, очень давно оттеснена, говорящий не замечает ее и как раз поэтому отрицает. Но оставим пока эту последнюю проблему; из других случаев вы должны сделать вывод, что подавление имеющегося намерения что-либо сказать является непременным условием возникновения оговора.

Теперь мы можем утверждать, что продвинулись еще дальше в понимании ошибочных действий. Мы не только

знаем, что они являются психическими актами, в которых можно усмотреть смысл и намерение, что они возникают благодаря наложению друг на друга двух различных намерений, но, кроме того, что одно из этих намерений подвергается оттеснению, его выполнение не допускается и в результате оно проявляется в нарушении другого намерения. Нужно сначала помешать ему самому, чтобы оно могло стать помехой. Полное объяснение феноменов, называемых ошибочными действиями, этим, конечно, еще не достигается. Сразу же встают другие вопросы, и вообще кажется, чем дальше мы продвигаемся в понимании ошибочных действий, тем больше поводов для новых вопросов. Мы можем, например, спросить: почему все это не происходит намного проще? Если есть тенденция оттеснить определенное намерение вместо того, чтобы его выполнить, то это оттеснение должно происходить таким образом, чтобы это намерение вообще не получило выражения или же оттеснение могло бы не удасться вовсе и оттесненное намерение выразилось бы полностью. Ошибочные действия, однако, представляют собой компромиссы, они означают полуудачу и полунепудачу для каждого из двух намерений; поставленное под угрозу намерение не может быть ни полностью подавлено, ни всецело проявлено, за исключением отдельных случаев. Мы можем предполагать, что для осуществления таких интерференций или компромиссов необходимы особые условия, но мы не можем даже представить себе их характер. Я также не думаю, что

мы могли бы обнаружить эти неизвестные нам отношения при дальнейших более глубоких исследованиях ошибочных действий. Гораздо более необходимым мы считаем изучение других темных областей душевной жизни; и только аналогии с теми явлениями, которые мы найдем в этих исследованиях, позволят нам сделать те предположения, которые необходимы для лучшего понимания ошибочных действий. И еще одно! Есть определенная опасность в работе с малозначительными психическими проявлениями, какими приходится заниматься нам. Существует душевное заболевание, комбинаторная паранойя, при которой [больные] бесконечно долго могут заниматься оценкой таких малозначительных признаков, но я не поручусь, что при этом [они] делают правильные выводы. От такой опасности нас может уберечь только широкая база наблюдений, повторяемость сходных заключений из самых различных областей психической жизни.

На этом мы прервем анализ ошибочных действий. Но я хотел бы предупредить вас об одном: запомните, пожалуйста, метод анализа этих феноменов. На их примере вы можете увидеть, каковы цели наших психологических исследований. Мы хотим не просто описывать и классифицировать явления, а стремимся понять их как проявление борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга. Мы придерживаемся динамического понимания психических явлений. С нашей точки зрения, воспринимаемые

феномены должны уступить место только предполагаемым стремлениям.

Итак, мы будем углубляться в проблему ошибочных действий, но бросим беглый взгляд на эту область во всей ее широте, здесь мы встретим и уже знакомое, и кое-что новое. Мы по-прежнему будем придерживаться уже принятого вначале деления на три группы оговорок, а также описок, очиток, ослышек, забывания с его подвидами в зависимости от забытого объекта (имени собственного, чужих слов, намерений, впечатлений) и захватывания «по ошибке», запрятывания, затеривания вещей. Ошибки-заблуждения (*Irrtümer*), насколько они попадают в поле нашего внимания, относятся частично к забыванию, частично к действию «по ошибке» (*Vergreifen*).

Об оговорке мы уже говорили довольно подробно, и все-таки кое-что можно добавить. К оговорке присоединяются менее значительные аффективные явления, которые небезынтересны для нас. Никто не любит оговариваться, часто оговорившийся не слышит собственной оговорки, но никогда не пропустит чужой. Оговорки даже в известном смысле заразительны, довольно трудно обсуждать оговорки и не сделать их самому. Самые незначительные формы оговорок, которые не могут дать никакого особого объяснения стоящих за ними психических процессов, нетрудно разгадать в отношении их мотивации. Если кто-то произносит кратко долгий гласный вследствие чем-то мотивированного нару-

шения, проявившегося в произношении данного слова, то следующую за ней краткую гласную он произносит долго и делает новую оговорку, компенсируя этим предыдущую. То же самое происходит, когда нечисто и небрежно произносится дифтонг, например, *ei* или *oi* как *ei*; желая исправить ошибку, человек меняет в следующем месте *ei* на *ei* или *oi*. При этом, по-видимому, имеет значение мнение собеседника, который не должен подумать, что говорящему безразлично, как он пользуется родным языком. Второе компенсирующее искажение как раз направлено на то, чтобы обратить внимание слушателя на первую ошибку и показать ему, что говоривший сам ее заметил. Самыми частыми, простыми и малозначительными случаями оговорок являются стяжения и предвосхищения, которые проявляются в несущественных частях речи. В более длинном предложении оговариваются, например, таким образом, что последнее слово предполагаемого высказывания звучит раньше времени. Это производит впечатление определенного нетерпения, желания поскорее закончить предложение и свидетельствует об известном противоборствующем стремлении по отношению к этому предложению или против всей речи вообще. Таким образом, мы приближаемся к пограничным случаям, в которых различия между психоаналитическим и обычным физиологическим пониманием оговорок стираются. Мы предполагаем, что в этих случаях имеется нарушающая речевое намерение тенденция, но она может только намекнуть на свое существо-

вание, не выразив собственного намерения. Нарушение, которое она вызывает, является следствием каких-то звуковых или ассоциативных влияний, которые можно понимать как отвлечение внимания от речевого намерения. Но ни это отвлечение внимания, ни ставшие действительными ассоциативные влияния не объясняют сущности процесса. Они только указывают на существование нарушающей речевое намерение тенденции, природу которой, однако, нельзя определить по ее проявлениям, как это удастся сделать во всех более ярко выраженных случаях оговорки.

Описка (*Verschreiben*), к которой я теперь перехожу, настолько аналогична оговорке, что ничего принципиально нового от ее изучения ждать не приходится. Хотя, может быть, некоторые дополнения мы и внесем. Столь распространенные описки, стяжения, появление впереди дальше стоящих, особенно последних слов свидетельствуют опять-таки об общем нежелании писать и о нетерпении; более ярко выраженные случаи описки позволяют обнаружить характер и намерение нарушающей тенденции. Когда в письме обнаруживается описка, можно признать, что у пишущего не все было в порядке, но не всегда определишь, что именно его волновало. Сделавший описку, так же как и оговорку, часто не замечает ее. Примечательно следующее наблюдение: есть люди, которые обычно перед отправлением перечитывают написанное письмо. У других такой привычки нет; но если они, однако, сделают это в виде исключения, то всегда получают

возможность найти опisku и исправить ее. Как это объяснить? Складывается впечатление, будто эти люди все же знают, что они сделали опisku. Можно ли это в действительности предположить?

С практическим значением описки связана одна интересная проблема. Вы, может быть, знаете случай убийцы Х., который, выдавая себя за бактериолога, доставал из научно-исследовательского института по разведению культур чрезвычайно опасных для жизни возбудителей болезней и употреблял их для устранения таким «современным» способом близких людей со своего пути. Однажды он пожаловался руководству одного из таких институтов на недейственность присланных ему культур, но при этом допустил ошибку и вместо слов «при моих опытах с мышами или морскими свинками» написал «при моих опытах с людьми». Эта описка бросилась в глаза врачам института, но они, насколько я знаю, не сделали из этого никаких выводов. Ну, а как вы думаете? Могли бы врачи признать опisku за признание и возбудить следствие, благодаря чему можно было бы своевременно предупредить преступление? Не послужило ли в данном случае незнание нашего толкования ошибочных действий причиной такого практически важного упущения? Полагаю, однако, что какой бы подозрительной ни показалась мне такая описка, использовать ее в качестве прямой улики мешает одно важное обстоятельство. Все ведь не так-то просто. Описка – это, конечно, улика, но самой по себе ее еще

недостаточно для начала следствия. Описка действительно указывает на то, что человека могла занимать мысль о заражении людей, но она не позволяет утверждать, носит ли эта мысль характер явного злого умысла или практически безобидной фантазии. Вполне возможно, что человек, допустивший такую опisku, будет отрицать эту фантазию с полным субъективным правом и считать ее совершенно чуждой для себя. Когда мы в дальнейшем будем разбирать различие между психической и материальной реальностью, вы еще лучше сможете понять эту возможность. В данном же случае ошибочное действие приобрело впоследствии непредвиденное значение.

При прочтении мы имеем дело с психической ситуацией, явно отличной от ситуации, в которой происходят оговорки и описки. Одна из двух конкурирующих тенденций заменяется здесь сенсорным возбуждением и, возможно, поэтому менее устойчива. То, что следует прочесть, в отличие от того, что намереваешься написать, не является ведь собственным продуктом психической жизни читающего. В большинстве случаев прочтения заключается в полной замене одного слова другим. Слово, которое нужно прочесть, заменяется другим, причем не требуется, чтобы текст был связан с результатом прочтения по содержанию, как правило, замена происходит на основе словесной аналогии. Пример Лихтенберга – Агамемнон вместо *angenommen* – самый лучший из этой группы. Если мы хотим узнать нарушающую тенденцию, вызываю-

щую очитку, следует оставить в стороне неправильно прочитанный текст, а подвергнуть аналитическому исследованию два момента: какая мысль пришла в голову читавшему непосредственно перед очиткой и в какой ситуации она происходит. Иногда знания этой ситуации достаточно для объяснения очитки. Например, некто бродит по незнакомому городу, испытывая естественную нужду, и на большой вывеске первого этажа читает: «Клозет» (*Klosetthaus*). Не успев удивиться тому, что вывеска висит слишком высоко, он убеждается, что следует читать «корсеты» (*Korsetthaus*). В других случаях очиток, независимых от содержания текста, наоборот, необходим тщательный анализ, который нельзя провести, не зная технических приемов психоанализа и не доверяя им. Но в большинстве случаев объяснить очитку нетрудно. По замененному слову в примере с Агамемноном ясен круг мыслей, из-за которых возникло нарушение. Во время этой войны, например, названия городов, имена полководцев и военные выражения весьма часто вычитывают везде, где только встречается хоть какое-нибудь похожее слово. То, что занимательно и интересно, заменяет чуждое и неинтересное. Остатки [предшествующих] мыслей затрудняют новое восприятие.

При очитке достаточно часто встречаются случаи другого рода, в которых сам текст вызывает нарушающую тенденцию, из-за которой он затем и превращается в свою противоположность. Человек вынужден читать что-то для него неже-

лательное, и анализ убеждает нас, что интенсивное желание отвергнуть читаемое вызывает его изменение.

В ранее упомянутых более частых случаях очиток отсутствуют два фактора, которые, по нашему мнению, играют важную роль в механизме ошибочных действий: нет конфликта двух тенденций и оттеснения одной из них, которая возмещает себя в ошибочном действии. Не то чтобы при очитке обнаруживалось бы что-то совершенно противоположное, но важность содержания мысли, приводящего к очитке, намного очевиднее, чем оттеснение, которому оно до того подверглось. Именно оба этих фактора нагляднее всего выступают в различных случаях ошибочных действий, выражающихся в забывании.

Забывание намерений как раз однозначно, его толкование, как мы уже знаем, не оспаривается даже неспециалистами. Нарушающая намерение тенденция всякий раз является противоположным намерением, нежеланием выполнить первое, и нам остается только узнать, почему оно не выражается по-другому и менее замаскированно. Но наличие этой противоположной воли несомненно. Иногда даже удастся узнать кое-что о мотивах, вынуждающих скрывать эту противоположную волю, и всякий раз она достигает своей цели в ошибочном действии, оставаясь скрытой, потому что была бы наверняка отклонена, если бы выступила в виде открытого возражения. Если между намерением и его выполнением происходит существенное изменение психической ситуа-

ции, вследствие которого о выполнении намерения не может быть и речи, тогда забывание намерения выходит за рамки ошибочного действия. Такое забывание не удивляет; понятно, что было бы излишне вспоминать о намерении, оно выпало из памяти на более или менее длительное время. Забывание намерения только тогда можно считать ошибочным действием, если такое нарушение исключено.

Случаи забывания намерений в общем настолько однообразны и прозрачны, что именно поэтому они не представляют никакого интереса для нашего исследования. Однако кое-что новое в двух отношениях мы можем узнать, изучая и это ошибочное действие. Мы отметили, что забывание, т. е. невыполнение намерения, указывает на противоположную волю, враждебную этому намерению. Это положение остается в силе, но противоположная воля, как показывают наши исследования, может быть двух видов – прямая и опосредованная. Что мы понимаем под последней, лучше всего показать на некоторых примерах. Когда покровитель забывает замолвить словечко за своего протеже, то это может произойти потому, что он не очень интересуется своим протеже и у него нет большой охоты просить за него. Именно в этом смысле протеже и понимает забывчивость покровителя. Но ситуация может быть и сложнее. Противоположная выполнению намерения воля может появиться у покровителя по другой причине и проявить свое действие совсем в другом месте. Она может не иметь к протеже никакого отноше-

ния, а быть направлена против третьего лица, которое нужно просить. Вы видите теперь, какие сомнения возникают и здесь в связи с практическим использованием нашего толкования. Несмотря на правильное толкование забывания, протеже может проявить излишнюю недоверчивость и несправедливость по отношению к своему покровителю. Или если кто-нибудь забывает про свидание, назначенное другому, хотя сам и намерен был явиться, то чаще всего это объясняется прямым отказом от встречи с этим лицом. Но иногда анализ может обнаружить, что нарушающая тенденция имеет отношение не к данному лицу, а направлена против места, где должно состояться свидание, и связана с неприятным воспоминанием, которого забывший хочет избежать. Или в случае, когда кто-то забывает отправить письмо, противоположная тенденция может быть связана с содержанием самого письма; но ведь совсем не исключено, что само по себе безобидное письмо вызывает противоположную тенденцию только потому, что оно напоминает о другом, ранее написанном письме, которое явилось поводом для прямого проявления противоположной воли. Тогда можно сказать, что противоположная воля здесь переносится с того прежнего письма, где она была оправдана, на данное, в котором ей, собственно, нечему противоречить. Таким образом, вы видите, что, пользуясь нашим хотя и правильным толкованием, следует проявлять сдержанность и осторожность; то, что психологически тождественно, может быть практически

очень даже многозначно.

Подобные явления могут показаться вам очень необычными. Возможно, вы склонны даже предположить, что эта «опосредованная» противоположная воля характеризует уже какой-то патологический процесс.

Но смею вас заверить, что она проявляется у нормальных и здоровых людей. Впрочем, прошу понять меня правильно. Я сам ни в коей мере не хочу признавать наши аналитические толкования ненадежными. Вышеупомянутая многозначность забывания намерения существует только до тех пор, пока мы не подвергли случай анализу, а толкуем его только на основании наших общих предположений. Если же мы проведем с соответствующим лицом анализ, то мы узнаем с полной определенностью, была ли в данном случае прямая противоположная воля или откуда она возникла.

Второй момент заключается в следующем: если мы в большинстве случаев убеждаемся, что забывание намерений объясняется противоположной волей, то попробуем распространить это положение на другой ряд случаев, когда анализируемое лицо не признает, а отрицает открытую нами противоположную волю. Возьмем в качестве примеров очень часто встречающиеся случаи, когда забывают вернуть взятые на время книги, оплатить счета или долги. Мы будем настолько смелы, что скажем забывшему, как бы он это ни отрицал, что у него было намерение оставить книги себе и не оплатить долги, иначе его поведение объяснить нельзя,

он имел намерение, но только ничего не знал о нем; нам, однако, достаточно того, что его выдало забывание. Он может, конечно, возразить, что это была всего лишь забывчивость. Теперь вы узнаете ситуацию, в которой мы уже однажды оказались. Если мы хотим последовательно проводить наши толкования ошибочных действий, которые оправдали себя на разнообразных примерах, то мы неизбежно придем к предположению, что у человека есть намерения, которые могут действовать независимо от того, знает он о них или нет. Но, утверждая это, мы вступаем в противоречие со всеми господствующими и в жизни, и в психологии взглядами.

Забывание имен собственных и иностранных названий, а также иностранных слов тоже можно свести к противоположному намерению, которое прямо или косвенно направлено против соответствующего названия. Некоторые примеры такой прямой неприязни я уже приводил ранее. Но косвенные причины здесь особенно часты и требуют, как правило, для их установления тщательного анализа. Так, например, сейчас, во время войны, которая вынудила нас отказаться от многих прежних симпатий, в силу каких-то очень странных связей пострадала также память на имена собственные. Недавно со мной произошел случай, когда я не мог вспомнить название безобидного моравского города Бизенц, и анализ показал, что причиной была не прямая враждебность, а созвучие с названием палаццо Бизенци в Орвието, где я раньше неоднократно жил. Мотивом тенденции, направленной

ной против восстановления названия в памяти, здесь впервые выступает принцип, который впоследствии обнаружит свое чрезвычайно большое значение для определения причин невротических симптомов: отказ памяти вспоминать то, что связано с неприятными ощущениями, и [вновь переживать это неудовольствие при воспоминании]. Намерение избежать неудовольствия, источником которого служат память или другие психические акты, психическое бегство от неудовольствия мы признаем как конечный мотив не только для забывания имен и названий, но и для многих других ошибочных действий, таких как неисполнение обещанного, ошибки-заблуждения (*Irrtümer*) и др.

Однако забывание имен, по-видимому, особенно легко объяснить психофизиологическими причинами, и поэтому есть много случаев, в которых мотив неприятного чувства не подтверждается. Если кто-то бывает склонен к забыванию имен, то путем аналитического исследования можно установить, что они выпадают из памяти не только потому, что сами вызывают неприятное чувство или как-то напоминают о нем, а потому, что определенное имя относится к другому ассоциативному кругу, с которым забывающий состоит в более интимных отношениях. Имя в нем как бы задерживается и не допускает других действующих в данный момент ассоциаций. Если вы вспомните искусственные приемы мнемотехники, то с удивлением заметите, что имена забываются вследствие тех же связей, которые намеренно устанавли-

вают, чтобы избежать забывания. Самым ярким примером тому являются имена людей, которые для разных лиц могут иметь разное психическое значение. Возьмем, например, имя Теодор. Для кого-то оно ничего особенного не значит, для другого же это может быть имя отца, брата, друга или его собственное. Опыт аналитических исследований показывает, что в первом случае нет оснований забывать это имя, если оно принадлежит постороннему лицу, тогда как во втором будет постоянно проявляться склонность лишить постороннего имени, с которым, по-видимому, ассоциируются интимные отношения. Предположите, что это ассоциативное торможение может сочетаться с действием принципа неудовольствия (*Unlustprinzip*) и, кроме того, с механизмом косвенной причинности, и вы получите правильное представление о том, насколько сложны причины временного забывания имен. Но только тщательный анализ окончательно раскроет перед вами все сложности.

В забывании впечатлений и переживаний еще отчетливее и сильнее, чем в забывании имен, обнаруживается действие тенденции устранения неприятного из воспоминания. Полностью это забывание, конечно, нельзя отнести к ошибочным действиям, оно относится к ним только в той мере, в какой это забывание выходит за рамки обычного опыта, т. е., например, когда забываются слишком свежие или слишком важные впечатления или такие, забывание которых прерывает связь событий, в остальном хорошо сохранившихся в

памяти. Почему и как мы вообще забываем, в том числе и те переживания, которые оставили в нас несомненно глубочайший след, такие как события первых детских лет, – это совершенно другая проблема, в которой защита от неприятных ощущений играет определенную роль, но объясняет далеко не все. То, что неприятные впечатления легко забываются, – факт, не подлежащий сомнению. Это заметили различные психологи, а на великого Дарвина этот факт произвел такое сильное впечатление, что он ввел для себя «золотое правило» с особой тщательностью записывать наблюдения, которые противоречили его теории, так как он убедился, что именно они не удерживаются в его памяти.

Тот, кто впервые слышит об этом принципе защиты от нежелательных воспоминаний путем забывания, не упустит случая возразить, призывая опыт, что как раз неприятное трудно забыть, именно оно против нашей воли все время возвращается, чтобы нас мучить, как, например, воспоминания об обидах и унижениях. Даже если этот факт верен, он не годится в качестве аргумента против нашего утверждения. Важно вовремя понять то обстоятельство, что душевная жизнь – это арена борьбы противоположных тенденций и что, выражаясь не динамически, она состоит из противоречий и противоположных пар. Наличие определенной тенденции не исключает и противоположной ей – места хватит для обеих. Дело только в том, как эти противоположные тенденции относятся друг к другу, какие действия вытекают из

одной и какие из другой.

Затеривание и запрытывание вещей нам особенно интересны своей многозначностью, разнообразием тенденций, вследствие которых могут произойти эти ошибочные действия. Общим для всех случаев является то, что какой-то предмет хотели потерять, но причины и цели этого действия разные. Вещь теряют, если она испортилась, если намерены заменить ее лучшей, если она разонравилась, если напоминает о человеке, с которым испортились отношения, или если она была приобретена при обстоятельствах, о которых не хочется вспоминать. С этой же целью вещи роняют, портят и ломают. В общественной жизни были сделаны наблюдения, что нежеланные и внебрачные дети намного болезненнее, чем законные. Для доказательства нет необходимости ссылаться на грубые приемы так называемых «производительниц ангелов»;⁷ вполне достаточно указать на известную небрежность в уходе за детьми. В бережном отношении к вещам проявляется то же самое, что и в отношении к детям.

Далее, на потерю могут быть обречены вещи, не утратившие своей ценности, в том случае, если имеется намерение что-то пожертвовать судьбе, защитив себя этим от другой внушающей страх потери. Подобные заклинания судьбы, по данным психоанализа, еще очень часты, так что на-

---

⁷ *Engelmacherinnen* (эвфемизм, производительницы ангелов) – народное выражение, обозначающее женщин, так плохо присматривающих за данными им на воспитание детьми, что те из-за недостатка питания вскоре умирают, т. е. «преждевременно становятся ангелами». – *Прим. ред. перевода.*

ши потери являются добровольной жертвой. Потери могут быть также проявлением упрямства и наказания самого себя; короче, более отдаленные мотивации намерения потерять вещь необозримы.

Действия «по ошибке» (*Vergreifen*), как и другие ошибки (*Irrtümer*), часто используют для того, чтобы выполнить желания, в которых следовало бы себе отказать. Намерение маскируется при этом под счастливую случайность. Так, например, с одним моим другом произошел такой случай: он должен был явно против своей воли сделать визит за город по железной дороге, при пересадке он по ошибке сел в поезд, который доставил его обратно в город. Или бывает так, что во время путешествия хочется задержаться на полпути, но из-за определенных обязательств нельзя этого делать, и тогда пропускаешь нужный поезд, так что вынужден сделать желанную остановку. Или как случилось с моим пациентом, которому я запретил звонить любимой женщине, но он, желая позвонить мне, «по ошибке», «в задумчивости» назвал неправильный номер и все-таки был соединен с ней. Прекрасный практический пример прямого неправильного действия, связанного с повреждением предмета, приводит один инженер: «Недавно я с моими коллегами работал в лаборатории института над серией сложных экспериментов по упругости; работа, за которую мы взялись добровольно, затянулась, однако, дольше, чем мы предполагали. Однажды я с коллегой Ф. опять пошел в лабораторию, он жаловался, что

именно сегодня ему не хотелось бы терять так много времени, у него много дел дома; я мог только согласиться с ним и в шутку сказал, вспомнив случай на прошлой неделе: «Будем надеяться, что и сегодня машина опять испортится, так что оставим работу и пораньше уйдем».

Во время работы случилось так, что коллега Ф. должен был управлять краном пресса, осторожно открывая кран и медленно впуская жидкость под давлением из аккумулятора в цилиндр гидравлического пресса. Руководитель опыта стоит у манометра и, когда давление достигает нужного уровня, кричит: «Стоп!» На эту команду Ф. со всей силой поворачивает кран влево (все краны без исключения закрываются поворотом вправо!). Из-за этого в прессе начинает действовать полное давление аккумулятора, подводящая трубка не выдерживает и ломается — совсем невинная поломка машины, но мы вынуждены прервать на сегодня работу и пойти домой.

Характерно, впрочем, что некоторое время спустя, когда мы обсуждали этот случай, приятель Ф. абсолютно не помнил моих слов о поломке машины, которые я помню совершенно отчетливо».

Этот случай может навести на предположение, что не всегда безобидная случайность делает руки вашей прислуги такими опасными врагами вашего дома. Здесь же встает вопрос, всегда ли случайно наносишь себе вред и подвергаешь опасности собственное существование. Все это положения,

значимость которых вы при случае можете проверить на основании анализа наблюдений.

Уважаемые слушатели! Это далеко не все, что можно было бы сказать об ошибочных действиях. Есть еще много такого, что нужно исследовать и обсудить. Но я доволен, если в результате наших бесед вы пересмотрели прежние взгляды и готовы принять новые. Впрочем, я ограничусь тем, что некоторые стороны дела останутся невыясненными. Изучая ошибочные действия, мы можем доказать далеко не все наши положения, но для их доказательства мы будем привлекать не только этот материал. Большая ценность ошибочных действий для нас состоит в том, что это очень часто встречающиеся явления, которые можно легко наблюдать на самом себе, и их появление совершенно не связано с каким-либо болезненным состоянием. В заключение я хотел бы остановиться только на одном вопросе, на который еще не ответил: если люди, как мы это видели во многих примерах, так близко подходят к пониманию ошибочных действий и часто ведут себя так, как будто они догадываются об их смысле, то как же можно считать эти явления случайными, лишенными смысла и значения и так энергично сопротивляться психоаналитическому их объяснению?

Вы правы – это удивительно и требует своего объяснения. Но я вам его не дам, а постепенно подведу к пониманию взаимосвязей, из которого объяснение откроется вам само по себе без моего непосредственного участия.

Часть вторая
Сновидения
(1915–1916)

Пятая лекция

Трудности и первые попытки понимания

Уважаемые дамы и господа! Когда-то было сделано открытие, что симптомы болезни некоторых нервнобольных имеют смысл. На этом был основан психоаналитический метод лечения. Во время этого лечения обнаружилось, что взамен симптомов у больных также появлялись сновидения. Так возникло предположение, что и эти сновидения имеют смысл.

Но мы не пойдем этим историческим путем, а совершим обратный ход. Мы хотим показать смысл сновидений и таким образом подойти к изучению неврозов. Этот ход оправдан, так как изучение сновидений не только лучший способ подготовки к исследованию неврозов, само сновидение тоже невротический симптом, который к тому же, что имеет для нас неоценимое преимущество, проявляется у всех здоровых. Даже если бы все люди были здоровы и только видели сновидения, мы могли бы по их сновидениям сделать все те выводы, к которым нас привело изучение неврозов.

Итак, сделаем сновидение объектом психоаналитического исследования. Вновь обычный, недостаточно оцененный феномен, как будто лишенный практической значимости, как

и ошибочные действия, с которыми он имеет то общее, что проявляется и у здоровых. Но в остальном условия нашей работы менее благоприятны. Ошибочные действия всего лишь недооценивались наукой, их мало изучали; но, в конце концов, нет ничего постыдного заниматься ими. Правда, говорили, что есть вещи поважнее, но можно и из них кое-что извлечь. Заниматься же сновидениями не только непрактично и излишне, но просто стыдно; это влечет за собой упреки в ненаучности, вызывает подозрение в личной склонности к мистицизму. Чтобы врач занимался сновидениями, когда даже в невропатологии и психиатрии столько более серьезных вещей: опухоли величиной с яблоко, которые давят на мозг, орган душевной жизни, кровоизлияния, хронические воспаления, при которых изменения тканей можно показать под микроскопом! Нет, сновидение – это слишком ничтожный и недостойный исследования объект.

И еще одна особенность, противоречащая всем требованиям точного исследования. Ведь при исследовании сновидения нет уверенности даже в объекте. Бредовая идея, например, проявляется ясно и определенно. «Я – китайский император», – заявляет больной во всеуслышание. А сновидение? Его часто вообще нельзя рассказать. Разве есть у рассказчика гарантия, что он передает сновидение правильно, а не изменяет многое в процессе пересказа, что-то придумывает вследствие неопределенности воспоминаний? Большинство сновидений вообще нельзя вспомнить, они забы-

ваются целиком, вплоть до мельчайших фрагментов. И на толковании этого материала и должна основываться научная психология или метод лечения больных?

Определенное преувеличение в этой оценке может нас насторожить. Возражения против сновидения как объекта исследования, очевидно, заходят слишком далеко. С утверждением о незначительности изучаемого объекта мы уже имели дело, разбирая ошибочные действия. Мы говорили себе, что великое может проявляться и в малом. Что касается неопределенности сновидения, то именно она является характерной его особенностью наряду с другими; явлениям нельзя предписывать их свойства. А кроме того, есть ведь ясные и вполне определенные сновидения. В психиатрии существуют и другие объекты, которые имеют тот же неопределенный характер, например, многие случаи навязчивых представлений, которыми, однако, занимаются уважаемые, признанные психиатры. Мне вспоминается случай из моей врачебной практики. Больная обратилась ко мне со словами: «У меня такое чувство, как будто я причинила вред или хотела это сделать живому существу – ребенку? – или нет, скорее собаке, – может быть, сбросила с моста или сделала что-то другое». Мы можем устранить неточность воспоминания о сновидении, если будем считать сновидением то, что рассказывает видевший сон, не обращая внимания на то, что он мог забыть или изменить при воспоминании. В конце концов, нельзя же так безоговорочно утверждать, что сновиде-

ние является чем-то незначительным. Нам известно из собственного опыта, что настроение, с которым пробуждаешься от сна, может длиться весь день; врачи наблюдают случаи, когда со сновидения начинается душевная болезнь и бредовая идея берется из этого сновидения: известны исторические личности, которых побудили к важным делам сновидения. Поэтому и задаешься вопросом, откуда, собственно, в научных кругах возникает презрение к сновидению?

Я думаю, что оно является реакцией на слишком высокую оценку сновидений в древние времена. Известно, что восстановить прошлое – дело нелегкое, но с уверенностью можно предположить – позвольте мне эту шутку, – что наши предки 3000 лет тому назад и раньше точно так же видели сны, как и мы. Насколько мы знаем, древние народы придавали всем сновидениям большое значение и считали их практически значимыми. Они видели в них знаки будущего, искали в них предзнаменования. Для древних греков и других народов Ближнего и Среднего Востока военный поход без толкователя сновидений был подчас так же невозможен, как сегодня без воздушной разведки. Когда Александр Македонский предпринимал свой завоевательный поход, в его свите были самые знаменитые толкователи сновидений. Город Тир, расположенный тогда еще на острове, оказал царю такое яростное сопротивление, что он подумывал уже об отказе от его осады. Но вот однажды ночью он увидел во сне танцующих в триумфе сатиров и, когда рассказал это сновидение тол-

кователю, узнал, что ему предвещается победа над городом. Он приказал войскам наступать и взял Тир. Чтобы узнать будущее, этруски и римляне пользовались другими методами, но в течение всего эллинско-римского периода толкование сновидений культивировалось и высоко ценилось. Из литературы, занимавшейся этими вопросами, до нас дошло, по крайней мере, главное произведение – Книга Артемидора из Далдиса, которого относят ко времени императора Адриана. Как потом случилось, что искусство толкования сновидений пришло в упадок и сновидению перестали доверять, я не могу вам сказать. Просвещение не могло сыграть тут большую роль, ведь темное Средневековье сохранило в том же виде гораздо более абсурдные вещи, чем античное толкование сновидений. Остается констатировать, что интерес к сновидению постепенно опустился до суеверия и мог остаться только среди необразованных людей. Последнее злоупотребление толкованием сновидений находит себя в наши дни в попытке узнать из снов числа, которые следует вытащить при игре в лото. Напротив, современная точная наука снова вернулась к сновидениям, но только с намерением проверить на них свои физиологические теории. У врачей сновидение, конечно, считается не психическим актом, а проявлением в душевной жизни соматических раздражений. Бинц в 1878 г. объявил сновидение «физическим процессом, во всех случаях бесполезным, во многих же прямо-таки болезненным, от которого мировая душа и бессмертие отстоят так же дале-

ко, как голубой эфир от заросшей сорняками песчаной поверхности в самой глубокой долине» (*Binz*, 1878, 35). Мори (*Maury*, 1878, 50) сравнивает его с беспорядочными подергиваниями пляски св. Витта в противоположность координированным движениям нормального человека; старое сравнение проводит параллель между содержанием сновидения и звуками, которые произвели бы «десять пальцев несведущего в музыке человека, касающегося инструмента» (*Strumpell*, 1877, 84).

Толковать – значит найти скрытый смысл; при такой же оценке сновидения об этом, конечно, не может быть и речи. Посмотрите описание сновидения у Вундта (1874), Йодля (1896) и других более поздних философов; с целью принизить сновидение они довольствуются перечислением отклонений происходящих во сне процессов от мышления в состоянии бодрствования, отмечают распад ассоциаций, отказ от критики, исключение всего знания и другие признаки пониженной работоспособности психики. Единственно ценные факты для понимания сновидения, которыми мы обязаны точной науке, дали исследования влияния физических раздражений, действующих во время сна, на содержание сновидения. Мы располагаем двумя толстыми томами экспериментальных исследований сновидений недавно умершего норвежского автора, Дж. Моурли Вольда (в 1910 и 1912 гг. переведены на немецкий язык), в которых излагаются почти исключительно результаты изучения изменений положе-

ния конечностей. Их нам расхваливают как образец исследования сновидений. Можете себе теперь представить, что бы сказали представители точной науки, если бы они узнали, что мы хотим попытаться найти смысл сновидений? Возможно, они уже это и сказали. Но мы не дадим себя запугать. Если ошибочные действия могут иметь смысл, то и сновидения тоже, а ошибочные действия в очень многих случаях имеют смысл, который ускользает от исследования точными методами. Признаем же себя только сторонниками предрассудков древних и простого народа и пойдем по стопам античных толкователей сновидений.

Для решения проблемы мы прежде всего должны сориентироваться, обозреть в общем всю область сновидений. Ведь что такое сновидение (*Traum*)? Его трудно определить в одном предложении. Но мы и не пытаемся давать определение там, где достаточно указания на общеизвестный материал. Однако нам следовало бы выделить в сновидении существенное. Где же его можно найти? В этой области имеют место такие невероятные различия, различия по всем линиям. Существенным будет, пожалуй, то, что мы можем считать общим для всех сновидений.

Во всяком случае, первое, что объединяет все сновидения, — это то, что мы при этом спим. Очевидно, видеть сновидения (*Träume*) во время сна (*Schlaf*) является душевной жизнью, которая имеет известные аналогии с таковой в состоянии бодрствования и в то же время обнаруживает рез-

кие отличия от нее. Это определение было уже дано Аристотелем. Возможно, что между сновидением и сном существуют еще более близкие отношения. От сновидения можно проснуться, очень часто сновидение возникает при спонтанном пробуждении, при насильственном нарушении засыпания. Таким образом, сновидение, по-видимому, является промежуточным состоянием между сном и бодрствованием. В таком случае нам приходится обратиться ко сну. Что же такое сон?

Это физиологическая и биологическая проблема, в которой еще много спорного. Мы не можем здесь ничего сказать окончательно, но я полагаю, можно попытаться дать психологическую характеристику сна. Сон – это состояние, в котором я ничего не хочу знать о внешнем мире, мой интерес к нему угасает. Я погружаюсь в сон, отходя от внешнего мира, задерживая его раздражения. Я засыпаю также, если я от него устал. Засыпая, я как бы говорю внешнему миру: «Оставь меня в покое, я хочу спать». Ребенок заявляет противоположное: «Я не пойду спать, я еще не устал, я хочу еще что-нибудь пережить». Таким образом, биологической целью сна, по-видимому, является отдых, его психологическим признаком – потеря интереса к миру. Наше отношение к миру, в который мы так неохотно пришли, кажется, несет с собой то, что мы не можем его выносить непрерывно. Поэтому мы время от времени возвращаемся в состояние, в котором находились до появления на свет, т. е. во внутри-

утробное существование. Мы создаем, по крайней мере, совершенно аналогичные условия, которые были тогда: тепло, темно и ничто не раздражает. Некоторые еще сворачиваются в клубочек и принимают во сне такое же положение тела, как в утробе матери. Мы выглядим так, как будто от нас, взрослых, в мире остается только две трети, а одна треть вообще еще не родилась. Каждое пробуждение утром является как бы новым рождением. О состоянии после сна мы даже говорим: я как будто вновь родился, хотя при этом мы, вероятно, делаем весьма неправильное предположение об общем самочувствии новорожденного. Есть основания предполагать, что он чувствует себя, скорее всего, очень неуютно. О рождении мы также говорим: увидеть свет.

Если сон понимать именно так, то сновидение вообще не входит в его программу, а кажется скорее какой-то нежелательной примесью. Мы даже считаем, что сон без сновидений – лучший и единственно правильный. Во сне не должно быть никакой душевной деятельности; если же она все-таки происходит, то мы не достигаем состояния абсолютного покоя; от остатков душевной деятельности нельзя полностью освободиться. Эти остатки и есть сновидения. Но тогда действительно кажется, что сновидению не нужен смысл. При ошибочных действиях дело обстоит иначе; это были все-таки действия во время бодрствования. Но если я сплю, совсем остановил душевную деятельность и только определенные ее остатки не смог подавить, это еще не значит, что эти

остатки имеют смысл. Да мне и не нужен этот смысл, так как ведь все остальное в моей душевной жизни спит. Тут действительно речь может идти только о судорожных реакциях, только о таких психических феноменах, которые прямо следуют за соматическим раздражением. Итак, сновидения как будто являются мешающими сну остатками душевной жизни при бодрствовании, и мы можем вновь прийти к заключению, что следует оставить эту неподходящую для психоанализа тему.

И в то же время, как бы сновидение ни казалось излишним, оно все-таки существует, и мы можем попытаться понять причины его существования. Почему душевная жизнь не прекращается совсем? Вероятно, потому, что что-то не дает душе покоя. На нее действуют раздражители, и она на них реагирует. Таким образом, сновидение – это способ реагирования души на действующие во сне раздражители. Теперь у нас есть определенный подход к пониманию сновидения. Рассматривая различные сновидения, мы можем искать эти мешающие сну раздражители, на которые человек реагирует сновидением. Вот мы и отметили первое, что объединяет все сновидения.

Есть ли у них еще что-нибудь общее? Да, несомненно, но его труднее понять и описать. Душевные процессы во время сна носят совсем другой характер, чем при бодрствовании. В сновидении многое переживаешь и в это веришь, хотя на самом деле ничего не переживаешь, кроме, пожалуй,

какого-то мешающего раздражения. Сновидение переживается преимущественно в зрительных образах; при этом могут возникать и чувства, и даже мысли, другие органы чувств могут тоже что-то испытывать, но преобладают все-таки зрительные образы. Затруднения при передаче сновидения происходят отчасти потому, что эти образы нужно перевести в слова. Я мог бы это нарисовать, часто говорит видевший сон, но я не знаю, как это выразить словами. Собственно говоря, это не является снижением психической деятельности, как у слабоумных по сравнению с гениальными людьми; это что-то качественно другое, но трудно сказать, в чем заключается различие. Г. Т. Фехнер высказал как-то предположение, что место (в душе), где разыгрываются сновидения, иное, чем место существования представлений при бодрствовании. Правда, мы этого не понимаем, не знаем, что по этому поводу думать, но впечатление чуждости, которое производят большинство сновидений, здесь действительно передается. Сравнение деятельности сновидения с действиями немзыкальной руки также не помогает. Ведь пианино в любом случае ответит теми же звуками, пусть и не мелодиями, как только кто-нибудь случайно коснется его клавиш. Эту вторую общую черту всех сновидений, как бы она ни была непонятна, давайте не будем упускать из виду.

Есть ли еще другие общие черты? Я не нахожу больше ни одной, всюду вижу только различия, причем во всех отношениях, — как в отношении кажущейся длительности, так и

того, что касается четкости, участия аффектов, сохранения в памяти и т. п. Все происходит, собственно говоря, совсем не так, как мы могли бы ожидать при вынужденном, бедном, конвульсивном отражении раздражения. Что касается длительности сновидений, то есть очень короткие, содержащие одну или несколько картин, одну мысль или даже только одно слово; другие, невероятно богатые содержанием, представляют собой целые романы и, по-видимому, длятся долго. Есть сновидения отчетливые, как переживания [при бодрствовании], настолько отчетливые, что мы какое-то время после пробуждения не признаем их за сновидения, другие же невероятно слабые, расплывчатые, как тени; в одном и том же сновидении очень яркие места могут сменяться едва уловимыми и неясными. Сновидения могут быть осмысленными или по крайней мере связными, даже остроумными, фантастически прекрасными; другие же спутанными, как бы слабоумными, абсурдными, часто даже безумными. Бывают сновидения, которые оставляют нас равнодушными, другие полны всяких аффектов, болью до слез, страхом вплоть до пробуждения, удивлением, восторгом и т. д. Большинство сновидений после пробуждения забывается, или же они сохраняются целый день, но к вечеру вспоминаются все слабее и с пробелами; другие, например детские, сновидения, сохраняются настолько хорошо, что и спустя 30 лет еще свежи в памяти. Сновидения, как индивиды, могут явиться один-единственный раз и никогда больше не появляться, или они

повторяются у одного и того же лица без изменений или с небольшими отступлениями. Короче говоря, эта ночная деятельность души имеет огромный репертуар, может, собственно, проделать все, что душа творит днем, но это все-таки не то же самое.

Можно было бы попытаться объяснить это многообразие сновидений, предположив, что они соответствуют различным промежуточным стадиям между сном и бодрствованием, различным степеням неглубокого сна. Да, но тогда вместе с повышением значимости, содержательности и отчетливости сновидения должно было бы усиливаться понимание того, что это – сновидение, так как при таких сновидениях душа близка к пробуждению, и не могло быть так, что вслед за ясной и разумной частью сновидения шла бы бессмысленная или неясная, а за ней – опять хорошо разработанная часть. Так быстро душа не могла бы, конечно, изменять глубину сна. Итак, это объяснение ничего не дает; все не так просто.

Откажемся пока от [проблемы] «смысла» сновидения и попытаемся лучше понять сновидения исходя из их общих черт. Из отношения сновидений к состоянию сна мы заключили, что сновидение является реакцией на мешающее сну раздражение. Как мы уже знаем, это единственный момент, где нам на помощь может прийти точная экспериментальная психология; она приводит доказательства того, что раздражения, произведенные во время сна, проявляются в сновиде-

дении. Много таких опытов было поставлено уже упомянутым Моурли Вольдом; каждый из нас в состоянии подтвердить этот результат на основании личного наблюдения. Для сообщения я выберу некоторые более старые эксперименты. Мори (1878) производил такие опыты над самим собой. Ему давали понюхать во сне одеколон. Он видел во сне, что он в Каире в лавке Иоганна Мария Фарина, и далее следовали невероятные приключения. Или его ущипнули слегка за затылок: ему снится наложенный нарывной пластырь и врач, лечивший его в детстве. Или ему налили на лоб каплю воды. Тогда он оказался в Италии, сильно потел и пил белое вино «Орвието».

То, что нам бросается в глаза в этих экспериментально вызванных сновидениях, будет, может быть, яснее из других примеров сновидений, вызванных внешним раздражителем. Это три сновидения, о которых сообщил остроумный наблюдатель Гильдебрандт (1875); все они являются реакциями на звон будильника.

«Итак, весенним утром я иду гулять и бреду зеленеющими полями в соседнюю деревню, там я вижу жителей деревни в праздничных платьях с молитвенниками в руках, большой толпой направляющихся в церковь. Ну да, ведь сегодня воскресенье, и скоро начнется ранняя обедня. Я решаю принять в ней участие, но сначала отдохнуть на окружающем церковь кладбище, так как я немного разгорячен. Читая здесь различные надгробные надписи, я слышу, как звонарь поднима-

ется на колокольню и вижу наверху маленький деревенский колокол, который должен возвестить начало богослужения. Некоторое время он висит неподвижно, затем начинает колебаться – и вдруг раздаются его громкие пронзительные звуки, такие громкие и пронзительные, что я просыпаюсь. Звуки, однако, исходят от будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; на улицах сугробы. Я согласился принять участие в прогулке на санях, но вынужден долго ждать, пока мне сообщат, что сани у ворот. Затем следуют приготовления к тому, чтобы усесться, – надевается шуба, достается ножной мешок; наконец я сижу на своем месте. Но отъезд еще задерживается, пока вожжами не дается знак нетерпеливым лошадям. Вот они трогаются с места; сильно трясущиеся колокольчики начинают свою знаменитую янычарскую музыку с такой силой, что паутина сна моментально рвется. Опять это не что иное, как резкий звон будильника».

«И третий пример! Я вижу судомойку, проходящую по коридору в столовую с несколькими дюжинами тарелок, поставленных одна на другую. Мне кажется, что колонна фарфора в ее руках вот-вот потеряет равновесие. Смотри, говорю я, весь груз полетит на землю. Разумеется, следует неизбежное возражение: я уже привыкла к подобному и т. д., между тем я все еще не спускаю беспокойного взгляда с идущей. И в самом деле, на пороге она спотыкается, и хрупкая посуда с треском и звоном разлетается по полу. Но это беско-

нечно продолжающийся звон, как я скоро замечаю, не треск, а настоящий звон, и виновником его, как уже понимает просыпающийся, является будильник».

Эти сновидения довольно выразительны, совершенно осмысленны, вовсе не так бессвязны, как это обычно свойственно сновидениям. Мы не будем поэтому что-либо возражать по их поводу. Общее в них то, что все они кончаются шумом, который при пробуждении оказывается звоном будильника. Мы видим здесь, как производится сновидение, но узнаем также кое-что другое. Сновидение не узнает будильника — он и не появляется в сновидении, — но оно заменяет звон будильника другим, оно толкует раздражение, которое нарушает сон, но толкует его каждый раз по-разному. Почему так? На этот вопрос нет ответа, это кажется произвольным. Но понять сновидение означало бы указать, почему именно этот шум, а не никакой другой выбирается для обозначения раздражения от будильника. Совершенно аналогичным образом можно возразить против экспериментов Мори: произведенное раздражение появляется во сне, но почему именно в этой форме, этого нельзя узнать и это, по-видимому, совсем не вытекает из природы нарушающего сон раздражения. К тому же в опытах Мори к непосредственному действию раздражения присоединяется огромное количество другого материала сновидения, например безумные приключения в сновидении с одеколоном, для которых нет объяснения.

Но примите во внимание, что изучение сновидения с пробуждением даст наилучшие шансы для установления влияния внешних раздражений, нарушающих сон. В большинстве других случаев это труднее. Просыпаются не от всех сновидений, и если утром вспомнить ночное сновидение, то как можно найти то нарушающее раздражение, которое действовало ночью? Однажды мне удалось позже установить такой раздражающий шум, но, конечно, только благодаря особым обстоятельствам. Как-то утром я проснулся в горном тирольском местечке с уверенностью, что я видел во сне, будто умер римский папа. Я не мог объяснить себе сновидения, но затем моя жена спросила меня: «Ты слышал сегодня ближе к утру ужасный колокольный звон, раздававшийся во всех церквах и капеллах?» Нет, я ничего не слышал, мой сон был более крепким, но я понял благодаря этому сообщению свое сновидение. Как часто такие раздражения могут вызывать у спящего сновидения, в то время как он о них ничего не знает? Может быть, очень часто, может быть, и нет. Если нет возможности доказать наличие раздражения, то нельзя и убедиться в нем. Но ведь мы и без этого отказались от оценки нарушающих сон внешних раздражений с тех пор, как мы узнали, что они могут объяснить только часть сновидения, а не все его целиком.

Поэтому нам не следует совсем отказываться от этой теории. Более того, она может найти свое дальнейшее развитие. Совершенно безразлично, чем нарушается сон, а ду-

ша побуждается к сновидению. Не всегда это может быть чувственное раздражение, исходящее извне, иногда это раздражение, исходящее из внутренних органов, так называемое органическое раздражение. Последнее предположение напрашивается само собой, оно соответствует также самым распространенным взглядам на возникновение сновидений. Часто приходится слышать, что сновидения возникают в связи с состоянием желудка. К сожалению, и в этом случае приходится только предполагать, было ли ночью какое-либо внутреннее раздражение, которое после пробуждения невозможно определить, и потому действие такого раздражения остается недоказуемым. Но не будем оставлять без внимания тот факт, что многие достоверные наблюдения подтверждают возникновение сновидений от раздражений внутренних органов. В общем несомненно, что состояние внутренних органов может влиять на сновидения. Связь между некоторым содержанием сновидения и переполнением мочевого пузыря или возбужденным состоянием половых органов до того очевидна, что ее невозможно отрицать. От этих ясных случаев можно перейти к другим, в которых содержание сновидения, по крайней мере, позволяет определенно предположить, что такие раздражения внутренних органов оказали свое действие, так как в этом содержании есть что-то, что можно понять как переработку, отображение, толкование этих раздражений. Исследователь сновидений Шернер (*Scherner*, 1861) особенно настойчиво отстаивал точку зре-

ния на происхождение сновидений от раздражений внутренних органов и привел тому несколько прекрасных примеров. Так, например, в сновидении «два ряда красивых мальчиков с белокурыми волосами и нежным цветом лица стоят друг против друга с желанием бороться, бросаются друг на друга, одна сторона нападает на другую, обе стороны опять расходятся, занимают прежнее положение, и все повторяется сначала», он толкует эти ряды мальчиков как зубы, соответствующие друг другу, и оно находит полное подтверждение, когда после этой сцены видящий сон «вытягивает из челюсти длинный зуб». Толкование о «длинных, узких, извилистых ходах», по-видимому, тоже верно указывает на кишечное раздражение и подтверждает положение Шернера о том, что сновидение прежде всего старается изобразить вызывающий раздражение орган похожими на него предметами.

Итак, мы, должно быть, готовы уже признать, что внутренние раздражения могут играть в сновидении такую же роль, как и внешние. К сожалению, их оценивание вызывает те же возражения. В большом числе случаев толкование раздражения внутренних органов ненадежно или бездоказательно, не все сновидения, но только определенная их часть возникает при участии раздражения внутренних органов, и, наконец, раздражение внутренних органов, так же как и внешнее чувственное раздражение, в состоянии объяснить из сновидения не больше, чем непосредственную реакцию на раздражение. Откуда берется остальная часть сновидения, остается

неясным.

Отметим себе, однако, своеобразие жизни сновидений, которое выявляется при изучении раздражающих воздействий. Сновидение не просто передает раздражение, оно перерабатывает его, намекает на него, ставит его в определенную связь, заменяет чем-то другим. Это одна сторона работы сновидения, которая должна нас заинтересовать, потому что она, возможно, ближе подведет нас к сущности сновидения: если кто-то делает что-нибудь по побуждению, то этим побуждением дело не ограничивается. Драма «Макбет» Шекспира, например, возникла как пьеса по случаю того, что на престол взошел король, впервые объединивший три страны под своей короной. Но разве этот исторический повод исчерпывает все содержание драмы, объясняет нам ее величие и загадки? Возможно, действующие на спящего внешние и внутренние раздражения тоже только побудители сновидения, ничего не говорящие нам о его сущности.

Другое общее сновидениям качество – его психическая особенность, с одной стороны, трудноуловима, а с другой – не дает отправной точки для дальнейшего исследования. В сновидении мы в большинстве случаев что-то переживаем в визуальных формах. Могут ли раздражения дать этому объяснение? Действительно ли это то раздражение, которое мы переживаем? Почему же тогда переживание визуально, если раздражение глаз происходит только в самых редких случаях? Или следует допустить, что когда нам снятся речи, то

во время сна мы слышим разговор или подобный ему шум? Эту возможность я позволю себе со всей решительностью отвергнуть.

Если изучение общих черт сновидений не может помочь нам в дальнейших исследованиях, то, возможно, стоит обратиться к изучению их различий. Правда, сновидения часто бессмысленны, запутанны, абсурдны; но есть и осмысленные, трезвые (*nüchterne*), разумные. Посмотрим, не смогут ли последние, осмысленные, разъяснить нам первые, бессмысленные. Сообщу вам разумное сновидение, рассказанное мне одним молодым человеком. «Я гулял по Кертнерштрассе, встретил господина Х., к которому присоединился на какое-то время, потом пошел в ресторан. За моим столиком сидели две дамы и один господин. Я сначала очень рассердился на это и не хотел на них смотреть. Потом взглянул и нашел, что они весьма милы». Видевший сон замечает при этом, что вечером перед сном действительно гулял по Кертнерштрассе, это его обычный путь, и встретил господина Х. Другая часть сновидения не является прямым воспоминанием, но имеет определенное сходство с недавним переживанием. Или другое «трезвое» сновидение одной дамы. Ее муж спрашивает: «Не настроить ли пианино»? Она отвечает: «Не стоит, для него все равно нужно сделать новый чехол». Это сновидение повторяет почти без изменений разговор, происшедший за день до сновидения между мужем и ею. Чему же учат нас эти два «трезвых» сновидения? Только

тому, что в них можно найти повторения из дневной жизни или из связей с ней. Это было бы значимо, если бы относилось ко всем сновидениям. Но об этом не может быть и речи; это относится только к небольшому числу сновидений, в большинстве же их нельзя найти связей с предыдущим днем, а бессмысленные и абсурдные сновидения этим вообще никак не объясняются. Мы знаем только, что сталкиваемся с новыми проблемами. Мы не только хотим знать, о чем говорит сновидение, но даже в тех случаях, когда оно, как в вышеприведенных примерах, ясно выражено, мы хотим знать также, почему и зачем повторяется это знакомое, только что пережитое.

Я полагаю, что вы, как и я, только устанете, продолжая подобные эксперименты. Мы видим, что недостаточно одного интереса к проблеме, если не знать пути, который привел бы к ее решению. Пока у нас этого пути нет. Экспериментальная психология не дала нам ничего, кроме некоторых очень ценных данных о значении раздражений как побудителей сновидений. От философии нам нечего ждать, кроме высокомерных упреков в интеллектуальной малоценности нашего объекта; у оккультных наук мы и сами не хотим ничего заимствовать. История и народная молва говорят нам, что сновидение полно смысла и значения, оно предвидит будущее; это, однако, трудно предположить и, конечно, невозможно доказать. Таким образом, при первой же попытке мы оказались полностью беспомощны.

Неожиданно помощь приходит к нам оттуда, откуда мы и не подозревали. В нашем словоупотреблении, которое далеко не случайно, а является выражением древнего познания, хотя его и надо оценивать с осторожностью, – в нашем языке есть примечательное выражение «сны наяву» (*Tagträume*). Сны наяву являются фантазиями (продуктами фантазии); это очень распространенные феномены, наблюдаемые как у здоровых, так и у больных и легкодоступные для изучения на себе. Самое удивительное в этих фантастических образованиях то, что они сохранили название «снов наяву», не имея двух общих для всех сновидений черт. Уже их название противоречит отношению к состоянию сна, а что касается второй общей черты, то в них ничего не переживается, не галлюцинируется, а что-то представляется: сознаешь, что фантазируешь, не видишь, но думаешь. Эти сны наяву появляются в возрасте, предшествующем половой зрелости, часто уже в позднем детстве, сохраняются в годы зрелости, затем от них либо отказываются, либо они остаются до престарелого возраста. Содержание этих фантазий обусловлено вполне ясной мотивацией. Это сцены и происшествия, в которых находят свое удовлетворение эгоистические, честолюбивые и властолюбивые потребности или эротические желания личности. У молодых мужчин обычно преобладают честолюбивые фантазии, у женщин, честолюбие которых ограничивается любовными успехами, – эротические. Но довольно часто и у мужчин обнаруживается эротическая под-

кладка; все геройские поступки и успехи должны способствовать восхищению и благосклонности женщин. Впрочем, сны наяву очень разнообразны, и их судьба различна. Каждый из них через короткое время или обрывается и заменяется новым, или они сохраняются, сплетаются в длинные истории и приспособляются к изменяющимся жизненным обстоятельствам. Они идут, так сказать, в ногу со временем и получают «печать времени» под влиянием новой ситуации. Они являются сырым материалом для поэтического творчества, потому что из снов наяву поэт создает путем преобразований, переделок и исключений ситуации, которые он использует в своих новеллах, романах, пьесах. Но героем снов наяву всегда является сама фантазирующая личность или непосредственно, или в какой-либо очевидной идентификации с другим лицом.

Может быть, сны наяву носят это название из-за такого же отношения к действительности, подчеркивая, что их содержание так же малореально, как и содержание сновидений. Но может быть, эта общность названий обусловлена еще неизвестным нам психическим характером сновидения, тем, который мы ищем. Возможно также, что мы вообще не правы, когда придаем определенное значение общности названий. Но это выяснится лишь позднее.

Шестая лекция

Предположения и техника толкования

Уважаемые дамы и господа! Итак, нам нужен новый подход, определенный метод, чтобы сдвинуться с места в изучении сновидения. Сделаю одно простое предположение: давайте будем придерживаться в дальнейшем предположения, что сновидение является не соматическим, а психическим феноменом. Что это означает, вы знаете, но что дает нам право на это предположение? Ничего, но ничто не мешает нам его сделать. Вопрос ставится так: если сновидение является соматическим феноменом, то нам нет до него дела; оно интересует нас только при условии, что является психическим феноменом. Таким образом, мы будем работать при условии, что это действительно так, чтобы посмотреть, что из этого следует. Результаты нашей работы покажут, останемся ли мы при этом предположении и сможем ли считать его, в свою очередь, определенным результатом. Чего мы, собственно, хотим достичь, для чего работаем? Мы хотим того, к чему вообще стремятся в науке, т. е. понимания феноменов, установления связей между ними и, в конечном счете, там, где это возможно, усиления нашей власти над ними.

Итак, мы продолжаем работу, предполагая, что сновиде-

ние есть психический феномен. В этом случае оно является продуктом и проявлением видевого сон, который, однако, нам ничего не говорит, который мы не понимаем. Но что вы будете делать в случае, если я скажу вам что-то непонятное? Спросите меня, не так ли? Почему нам не сделать то же самое, не расспросить видевого сон, что означает его сновидение?

Вспомните, мы уже были однажды в данной ситуации. Это было при исследовании ошибочных действий, в случае оговорки. Некто сказал: *Da sind Dinge zum Vorschwein gekommen*, и по этому поводу его спросили – нет, к счастью, не мы, а другие, совершенно непричастные к психоанализу люди, – эти другие спросили, что он хотел сказать данными непонятными словами. Спрошенный тотчас же ответил, что он имел намерение сказать: *das waren Schweinereien* (это были свинства), но подавил это намерение для другого, выраженного более мягко. Уже тогда я вам заявил, что этот расспрос является прообразом любого психоаналитического исследования, и теперь вы понимаете, что техника психоанализа заключается в том, чтобы получить решение загадок, насколько это возможно, от самого обследуемого. Таким образом, видевший сон сам должен нам сказать, что значит его сновидение.

Но, как известно, при сновидении все не так просто. При ошибочных действиях это удавалось в целом ряде случаев, но были и случаи, когда спрашиваемый ничего не хотел гово-

ритель и даже возмущенно отклонял предложенный нами вариант ответа. При сновидении же случаев первого рода вообще нет; видевший сон всегда отвечает, что он ничего не знает. Отрицать наше толкование он не может, потому что мы ему ничего не можем предложить. Может быть, нам все же отказаться от своей попытки? Ни он, ни мы ничего не знаем, а кто-то третий уж наверняка ничего не может знать, так что у нас, пожалуй, нет никакой надежды что-либо узнать. Тогда, если хотите, оставьте эту попытку. Если нет, можете следовать за мной. Я скажу вам, что весьма возможно и даже очень вероятно, что видевший сон все-таки знает, что означает его сновидение, он только не знает о своем знании и полагает поэтому, что не знает этого.

Вы можете мне заметить, что я опять ввожу новое предположение, уже второе в этом коротком изложении, и тем самым в значительной степени ставлю под сомнение достоверность своего метода. Итак, первое предположение заключается в том, что сновидение есть психический феномен, второе – в том, что в душе человека существует что-то, о чем он знает, не зная, что он о нем знает, и т. д. Стоит только принять во внимание внутреннюю неправдоподобность каждого из этих двух предположений, чтобы вообще утратить всякий интерес к вытекающим из них выводам.

Но, уважаемые дамы и господа, я пригласил вас сюда не для того, чтобы подурочить или что-то скрывать. Я, правда, заявил об «элементарном курсе лекций по введению в психо-

анализ», но я не намерен был излагать вам материал *in usum delphini*,⁸ изображая все сглаженным, тщательно скрывая от вас все трудности, заполняя все пробелы, затушевывая сомнения, чтобы вы с легким сердцем могли подумать, что научились чему-то новому. Нет, именно потому, что вы начинающие, я хотел показать вам нашу науку как она есть, с ее шероховатостями и трудностями, претензиями и сомнениями. Я знаю, что ни в одной науке не может быть иначе, особенно вначале. Я знаю также, что при преподавании сначала стараются скрыть от учащихся эти трудности и несовершенства.

Но к психоанализу это не подходит. Я действительно сделал два предположения, одно в пределах другого, и кому все это кажется слишком трудным и неопределенным, кто привык к большей достоверности и изяществу выводов, тому не следует идти с нами дальше. Я только думаю, что ему вообще следовало бы оставить психологические проблемы, потому что, боюсь, точных и достоверных путей, которыми он готов идти, здесь он, скорее всего, не найдет. Да и совершенно излишне, чтобы наука, которая может что-то предложить, беспokoилась о том, чтобы ее услышали, и вербовала бы себе сторонников. Ее результаты должны говорить за нее сами, а сама она может подождать, пока они привлекут внимание.

---

⁸ *In usum delphini* – «для дофина» (надпись, сделанная на издании классиков, которое по приказу Людовика XIV было составлено для его сына). – Прим. нем. изд.

Но тех из вас, кто хочет продолжать занятия, я должен предупредить, что оба мои предположения не равноценны. Первое предположение, что сновидение является психическим феноменом, мы хотим доказать результатами нашей работы; второе уже доказано в другой области науки, и я только беру на себя смелость приложить его к решению наших проблем.

Так где же, в какой области науки было доказано, что есть такое знание, о котором человеку ничего не известно (как это имеет место, по нашему предположению, у видевшего сон)? Это был бы замечательный, поразительный факт, меняющий наше представление о душевной жизни, который нет надобности скрывать. Между прочим, это факт, который сам отрицает то, что утверждает, и все-таки является чем-то действительным, *contradictio in adjecto*.⁹ Так он и не скрывается. И не его вина, если о нем ничего не знают или недостаточно в него вдумываются. Точно так же не наша вина, что обо всех этих психологических проблемах судят люди, которые далеки от всех наблюдений и опытов, имеющих в данном вопросе решающее значение.

Доказательство было дано в области гипнотических явлений. Когда я в 1889 г. наблюдал чрезвычайно убедительные демонстрации Льебо и Бернгейма в Нанси, я был свидетелем и следующего эксперимента. Когда человека привели в сомнамбулическое состояние, заставили в этом состоянии гал-

---

⁹ Противоречие в определении (лат.) – Прим. пер.

люцинаторно пережить всевозможные ситуации, а затем разбудили, то сначала ему казалось, что он ничего не знает о происходившем во время гипнотического сна. Бернгейм потребовал рассказать, что с ним происходило во время гипноза. Человек утверждал, что ничего не может вспомнить. Но Бернгейм настаивал, требовал, уверял его, что он знает, должен вспомнить, и вот человек заколебался, начал собираться с мыслями, вспомнил сначала смутно одно из внушенных ему переживаний, затем другое, воспоминание становилось все отчетливей, все полнее и наконец было восстановлено без пробелов. Но так как он все это знал, как затем и оказалось, хотя никто посторонний не мог ему ничего сообщить, то напрашивается вывод, что он знал об этих переживаниях ранее. Только они были ему недоступны, он не знал, что они у него есть, он полагал, что ничего о них не знает. Итак, это совершенно та же самая ситуация, в которой, как мы предполагаем, находится видевший сон.

Надеюсь, вас поразит этот факт и вы спросите меня: почему же вы не сослались на это доказательство уже раньше, рассматривая ошибочные действия, когда мы пришли к заключению, что приписывали оговорившемуся человеку намерения, о которых он не знал и которые отрицал? Если кто-нибудь думает, что ничего не знает о переживаниях, воспоминания о которых у него все-таки есть, то тем более вероятно, что он ничего не знает и о других внутренних душевных процессах. Этот довод, конечно, произвел бы впечатление

и помог бы нам понять ошибочные действия. Разумеется, я мог бы сослаться на него и тогда, но я приберег его для другого случая, где он был более необходим. Ошибочные действия частично разъяснились сами собой; с другой стороны, они напомнили нам, что вследствие общей связи явлений все-таки следует предположить существование таких душевных процессов, о которых ничего не известно. Изучая сновидения, мы вынуждены пользоваться сведениями из других областей, и, кроме того, я учитываю тот факт, что здесь вы скорее согласитесь на привлечение сведений из области гипноза. Состояние, в котором совершаются ошибочные действия, должно быть, кажется вам нормальным, оно не похоже на гипнотическое. Напротив, между гипнотическим состоянием и сном, при котором возникают сновидения, имеется значительное сходство. Ведь гипнозом называется искусственный сон; мы говорим лицу, которое гипнотизируем: спите, и внушения, которые мы ему делаем, можно сравнить со сновидениями во время естественного сна. Психические ситуации в обоих случаях действительно аналогичны. При естественном сне мы гасим интерес к внешнему миру, при гипнотическом – опять-таки ко всему миру, за исключением лица, которое нас гипнотизирует, с которым мы остаемся в связи. Впрочем, так называемый сон кормилицы, при котором она имеет связь с ребенком и только им может быть разбужена, является нормальной аналогией гипнотического сна. Перенесение особенностей гипноза на естественный сон

не кажется поэтому таким уж смелым. Предположение, что видевший сон также знает о своем сновидении, которое ему только недоступно, так что он и сам этому не верит, не совсем беспочвенно. Кстати, заметим себе, что здесь перед нами открывается третий путь к изучению сновидений: от нарушающих сон раздражений, от снов наяву, а теперь еще от сновидений, внушенных в гипнотическом состоянии.

А теперь, когда наша уверенность в себе возросла, вернемся к нашей проблеме. Итак, очень вероятно, что видевший сон знает о своем сновидении, и задача состоит в том, чтобы дать ему возможность обнаружить это знание и сообщить его нам. Мы не требуем, чтобы он сразу сказал о смысле своего сновидения, но он может открыть происхождение сновидения, круг мыслей и интересов, которые его определили. Вспомните случай ошибочного действия, когда у кого-то спросили, откуда произошла оговорка *Vorschwein*, и первое, что пришло ему в голову, дало нам разъяснение. Наша техника исследования сновидений очень проста, весьма похожа на только что упомянутый прием. Мы вновь спросим видевшего сон, откуда у него это сновидение, и первое его высказывание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимание на то, думает ли он, что что-то знает, или не думает, и в обоих случаях поступим одинаково.

Эта техника, конечно, очень проста, но, боюсь, она вызовет у вас самый резкий отпор. Вы скажете: новое предположение, третье! И самое невероятное из всех! Если я спрошу

у видевшего сон, что ему приходит в голову по поводу сновидения, то первое же, что ему придет в голову, и должно дать желаемое объяснение? Но ему вообще может ничего не прийти или придет бог знает что. Мы не понимаем, на что тут можно рассчитывать. Вот уж действительно что значит проявить слишком много доверия там, где уместнее было бы побольше критики. К тому же сновидение состоит ведь не из одного неправильного слова, а из многих элементов. Какой же мысли, случайно пришедшей в голову, нужно придерживаться?

Вы правы во всем, что касается второстепенного. Сновидение отличается от оговорки также и большим количеством элементов. С этим условием технике необходимо считаться. Но я предлагаю вам разбить сновидение на элементы и исследовать каждый элемент в отдельности, и тогда вновь возникнет аналогия с оговоркой. Вы правы и в том, что по отношению к отдельным элементам спрашиваемый может ответить, что ему ничего не приходит в голову. Есть случаи, в которых мы удовлетворимся этим ответом, и позднее вы узнаете, каковы они. Примечательно, что это такие случаи, о которых мы сами можем составить определенное суждение. Но в общем, если видевший сон будет утверждать, что ему ничего не приходит в голову, мы возразим ему, будем настаивать на своем, уверять его, что хоть что-то должно ему прийти в голову, и окажемся правы. Какая-нибудь мысль придет ему в голову, нам безразлично какая. Особенно легко ему

будет дать сведения, которые можно назвать историческими. Он скажет: вот это случилось вчера (как в обоих известных нам «трезвых» сновидениях), или: это напоминает что-то недавно случившееся; таким образом, мы замечаем, что связи сновидений с впечатлениями последних дней встречаются намного чаще, чем мы сначала предполагали. Исходя из сновидения, видевший сон припомнит наконец более отдаленные, возможно, даже совсем далекие события.

Но в главном вы не правы. Если вы считаете слишком произвольным предположение о том, что первая же мысль видевшего сон как раз и даст искомое или должна привести к нему, если вы думаете, что эта первая пришедшая в голову мысль может быть, скорее всего, совершенно случайной и не связанной с искомым, что я просто лишь верю в то, что можно ожидать от нее другого, то вы глубоко заблуждаетесь. Я уже позволил себе однажды предупредить вас, что в вас коренится вера в психическую свободу и произвольность, но она совершенно ненаучна и должна уступить требованию необходимого детерминизма и в душевной жизни. Я прошу вас считаться с фактом, что спрошенному придет в голову именно это и ничто другое. Но я не хочу противопоставлять одну веру другой. Можно доказать, что пришедшая в голову спрошенному мысль не произвольна, а вполне определена и связана с искомым нами. Да, я недавно узнал, не придавая, впрочем, этому большого значения, что и экспериментальная психология располагает такими доказатель-

ствами.

В связи с важностью обсуждаемого предмета прошу вашего особого внимания. Если я прошу кого-то сказать, что ему пришло в голову по поводу определенного элемента сновидения, то я требую от него, чтобы он отдался свободной ассоциации, придерживаясь исходного представления. Это требует особой установки внимания, которая совершенно иная, чем установка при размышлении, и исключает последнее. Некоторым легко дается такая установка, другие обнаруживают при таком опыте почти полную неспособность. Существует и более высокая степень свободы ассоциации, когда опускается также и это исходное представление и определяется только вид и род возникающей мысли, например, определяется свободно возникающее имя собственное или число. Эта возникающая мысль может быть еще произвольнее, еще более непредвиденной, чем возникающая при использовании нашей техники. Но можно доказать, что она каждый раз строго детерминируется важными внутренними установками, неизвестными нам в момент их действия и так же мало известными, как нарушающие тенденции при ошибочных действиях и тенденции, провоцирующие случайные действия.

Я и многие другие после меня неоднократно проводили такие исследования с именами и числами, самопроизвольно возникающими в мыслях; некоторые из них были также опубликованы. При этом поступают следующим образом:

к пришедшему в голову имени вызывают ряд ассоциаций, которые уже не совсем свободны, а связаны, как и мысли по поводу элементов сновидения, и это продолжают до тех пор, пока связь не исчерпается. Но затем выяснялись и мотивировка, и значение свободно возникающего имени. Результаты опытов все время повторяются, сообщение о них часто требует изложения большого фактического материала и необходимых подробных разъяснений. Возможно, самыми доказательными являются ассоциации свободно возникающих чисел; они протекают так быстро и направляются к скрытой цели с такой уверенностью, что просто ошеломляют. Я хочу привести вам только один пример с таким анализом имени, так как его, к счастью, можно изложить кратко.

Во время лечения одного молодого человека я заговариваю с ним на эту тему и упоминаю положение о том, что, несмотря на кажущуюся произвольность, не может прийти в голову имя, которое не оказалось бы обусловленным ближайшими отношениями, особенностями испытуемого и его настоящим положением. Так как он сомневается в этом, я предлагаю ему, не откладывая, самому провести такой опыт. Я знаю, что у него особенно много разного рода отношений с женщинами и девушками, и полагаю поэтому, что у него будет особенно большой выбор, если ему предложить назвать первое попавшееся женское имя. Он соглашается. Но к моему или, вернее, к его удивлению, на меня не катится лавина женских имен, а, помолчав, он признается, что ему пришло

на ум всего лишь одно имя: Альбина. Странно, что же вы связываете с этим именем? Сколько Альбин вы знаете? Поразительно, но он не знает ни одной Альбины, и больше ему ничего не приходит в голову по поводу этого имени. Итак, можно было предположить, что анализ не удался; но нет, он был уже закончен, и не потребовалось никаких других мыслей. У молодого человека был необычно светлый цвет волос, во время бесед при лечении я часто в шутку называл его Альбина, мы как раз занимались выяснением доли женского начала в его конституции. Таким образом, он сам был этой Альбиной, самой интересной для него в это время женщиной.

То же самое относится к непосредственно всплывающим мелодиям, которые определенным образом обусловлены кругом мыслей человека, занимающих его, хотя он этого и не замечает. Легко показать, что отношение к мелодии связано с ее текстом или происхождением; но следует быть осторожным, это утверждение не распространяется на действительно музыкальных людей, относительно которых у меня просто нет данных. У таких людей ее появление может объясняться музыкальным содержанием мелодии. Но чаще встречается, конечно, первый случай. Так, я знаю одного молодого человека, которого долгое время преследовала прелестная песня Париса из «Прекрасной Елены» [Оффенбаха], пока анализ не обратил его внимания на конкуренцию «Иды» и «Елены», занимавшую его в то время.

Итак, если совершенно свободно возникающие мысли обусловлены таким образом и подчинены определенной связи, то тем более мы можем заключить, что мысли с единственной связью, с исходным представлением, могут быть не менее обусловленными. Исследование действительно показывает, что, кроме предполагаемой нами связи с исходным представлением, следует признать их вторую зависимость от богатых аффектами мыслей и интересов, комплексов, воздействие которых в настоящий момент неизвестно, т. е. бессознательно.

Свободно возникающие мысли с такой связью были предметом очень поучительных экспериментальных исследований, сыгравших в истории психоанализа достойную внимания роль. Школа Вундта предложила так называемый ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому предлагалось как можно быстрее ответить любой реакцией на слово-раздражитель. Затем изучались интервал между раздражением и реакцией, характер ответной реакции, ошибки при повторении того же эксперимента и подобное. Цюрихская школа под руководством Блейлера и Юнга дала объяснение происходящим при ассоциативном эксперименте реакциям, предложив испытуемому разъяснять полученные реакции дополнительными ассоциациями, если они сами по себе привлекали внимание своей необычностью. Затем оказалось, что эти необычные реакции самым тесным образом связаны с комплексами испытуемого. Тем самым Блейлер

и Юнг перебросили мост от экспериментальной психологии к психоанализу.

На основании этих данных вы можете сказать: «Теперь мы признаем, что свободно возникающие мысли детерминированы, не произвольны, как мы полагали. То же самое мы допускаем и по отношению к мыслям, возникающим по поводу элементов сновидения. Но ведь это не то, что нам нужно. Ведь вы утверждаете, что мысли, пришедшие по поводу элемента сновидения, детерминированы какой-то неизвестной психической основой именно этого элемента. А нам это не кажется очевидным. Мы уже предполагаем, что мысль по поводу элемента сновидения предопределена комплексами видевшего сон, но какая нам от этого польза? Это приведет нас не к пониманию сновидения, но только к знанию этих так называемых комплексов, как это было в ассоциативном эксперименте. Но что у них общего со сновидением?»

Вы правы, но упускаете один момент. Кстати, именно тот, из-за которого я не избрал ассоциативный эксперимент исходной точкой этого изложения. В этом эксперименте одна детерминанта реакции, а именно слово-раздражитель, выбирается нами произвольно. Реакция является посредником между этим словом-раздражителем и затронутым им комплексом испытуемого. При сновидении слово-раздражитель заменяется чем-то, что само исходит из душевной жизни видевшего сон, из неизвестных ему источников, т. е. из того, что само легко могло бы стать «производным от комплекса».

Поэтому напрашивается предположение, что и связанные с элементами сновидения дальнейшие мысли будут определены не другим комплексом, а именно комплексом самого элемента и приведут также к его раскрытию.

Позвольте мне на другом примере показать, что дело обстоит именно так, как мы предполагаем в нашем случае. Забывание имен собственных является, собственно говоря, прекрасным примером для анализа сновидения; только здесь в одном лице сливается то, что при толковании сновидения распределяется между двумя. Если я временно забыл имя, то у меня есть уверенность, что я это имя знаю; та уверенность, которую мы можем внушить видевшему сон только обходным путем при помощи эксперимента Бернгейма. Но забытое, хотя и знакомое имя мне недоступно. Все усилия вспомнить его ни к чему не приводят, это я знаю по опыту. Но вместо забытого имени я могу придумать одно или несколько замещающих имен. И если такое имя-заместитель (*Ersatz*) придет мне в голову спонтанно, только тогда ситуация будет похожа на анализ сновидения. Элемент сновидения ведь тоже не то, что нужно, только заместитель того другого, нужного, чего я не знаю и что нужно найти при помощи анализа сновидения. Различие опять-таки только в том, что при забывании имен я не признаю заместителем собственным [содержанием] (*Eigentliche*), а для элемента сновидения нам трудно стать на эту точку зрения. Но и при забывании имен есть путь от заместителя к собственному бессознательному

[содержанию], к забытому имени. Если я направлю свое внимание на имена-заместители и буду следить за приходящими мне в голову мыслями по их поводу, то рано или поздно я найду забытое имя и при этом обнаружится, что имена-заместители, как и пришедшие мне в голову, были связаны с забытым, были детерминированы им.

Я хочу привести вам пример анализа такого рода: однажды я заметил, что забыл название маленькой страны на Ривьере, главный город которой Монте-Карло. Это было досадно, но так. Я вспоминаю все, что знаю об этой стране, думаю о князе Альберте из дома Лузиньян, о его браках, о его любви к исследованию морских глубин и обо всем, что мне удастся вспомнить, но ничего не помогает. Поэтому я прекращаю размышление и стараюсь заменить забытое название. Другие названия быстро всплывают. Само Монте-Карло, затем Пьемонт, Албания, Монтевидео, Колико. Сначала в этом ряду мне бросается в глаза Албания, она быстро сменяется Монтенегро, возможно, как противоположность белого и черного. Затем я замечаю, что в этих четырех названиях-заместителях содержится слог – мон-; вдруг я вспоминаю забытое название и громко произношу: Монако. Заместители действительно исходили из забытого, первые четыре из первого слога, последнее воспроизводит последовательность слогов и весь конечный слог. Между прочим, я могу восстановить, почему я на время забыл название. Монако имеет отношение к Мюнхену, это его итальянское название; назва-

ние этого города и оказало тормозящее влияние.

Пример, конечно, хорош, но слишком прост. В других случаях к первым замещающим названиям следовало бы прибавить более длинный ряд возникающих мыслей, тогда аналогия с анализом сновидения была бы яснее. У меня и в этом есть опыт. Когда однажды незнакомец пригласил меня выпить итальянского вина, в ресторане оказалось, что он забыл название вина, которое хотел заказать, только потому, что о нем остались лучшие воспоминания. Из большого числа замещающих названий, которые пришли ему в голову вместо забытого, я сделал вывод, что название забыто из-за какой-то Гедвиги, и действительно, он не только подтвердил, что пробовал его в обществе одной Гедвиги, но и вспомнил благодаря этому его название. К этому времени он был счастливо женат, а та Гедвига относилась к более раннему времени, о котором он неохотно вспоминал.

То, что оказалось возможным при забывании имен, должно удасться и при толковании сновидений; идя от заместителя через связывающие ассоциации, можно сделать доступным скрытое собственное [содержание]. По примеру забывания имен мы можем сказать об ассоциациях с элементом сновидения, что они детерминированы как самим элементом сновидения, так и собственным бессознательным [содержанием]. Тем самым мы привели некоторые доказательства правомерности нашей техники.

Седьмая лекция

Явное содержание сновидения и скрытые его мысли

Уважаемые дамы и господа! Вы видите, что мы не без пользы изучали ошибочные действия. Благодаря этим усилиям мы – исходя из известных вам предположений – усвоили два момента: понимание элемента сновидения и технику толкования сновидения. Понимание элемента сновидения заключается в том, что он не является собственным [содержанием], а заместителем чего-то другого, не известного видевшему сон, подобно намерению ошибочного действия, заместителем чего-то, о чем видевший сон знает, но это знание ему недоступно. Надеемся, что это же понимание можно распространить и на все сновидение, состоящее из таких элементов. Наша техника состоит в том, чтобы благодаря свободным ассоциациям вызвать к этим элементам другие замещающие представления, из которых можно узнать скрытое.

Теперь я предлагаю вам внести изменения в терминологию, которые должны упростить наше изложение. Вместо «скрытое, недоступное, не собственное¹⁰ [содержание]» мы, выражаясь точнее, скажем «недоступное сознанию видевшего сон, или бессознательное» (*unbewußt*). Под этим мы под-

---

¹⁰ По смыслу должно быть «собственное». – Прим. ред. перевода.

разумеваем (как это было и в отношении к забытому слову или нарушающей тенденции ошибочного действия) не что иное, как бессознательное в данный момент. В противоположность этому мы, конечно, можем назвать сами элементы сновидения и вновь полученные благодаря ассоциациям замещающие представления сознательными. С этим названием не связана какая-то новая теоретическая конструкция. Употребление слова «бессознательное», как легко понятно и подходящего, не может вызвать возражений.

Если мы распространим наше понимание отдельного элемента на все сновидение, то получится, что сновидение как целое является искаженным заместителем чего-то другого, бессознательного, и задача толкования сновидения – найти это бессознательное. Отсюда сразу выводятся три важных правила, которых мы должны придерживаться во время работы над толкованием сновидения: 1) не нужно обращать внимания на то, что являет собой сновидение, будь оно понятным или абсурдным, ясным или спутанным, так как оно все равно ни в коем случае не является искомым бессознательным (естественное ограничение этого правила напрашивается само собой); 2) работу ограничивать тем, что к каждому элементу вызывать замещающие представления, не задумываясь о них, не проверяя, содержат ли они что-то подходящее, не обращать внимания, насколько они отклоняются от элемента сновидения; 3) нужно выждать, пока скрытое искомое бессознательное возникнет само, точно так же, как

забытое слово «Монако» в описанном примере.

Теперь нам также понятно, насколько безразлично, хорошо или плохо, верно или неверно восстановлено в памяти сновидение. Ведь восстановленное в памяти сновидение не является собственным содержанием, но только искаженным заместителем того, что должно нам помочь путем вызывания других замещающих представлений приблизиться к собственному содержанию, сделать бессознательное сознательным. Если воспоминание было неточным, то просто в заместителе произошло дальнейшее искажение, которое, однако, не может быть немотивированным.

Работу толкования можно провести как на собственных сновидениях, так и на сновидениях других. На собственных даже большему научишься, процесс толкования здесь более убедителен. Итак, если попытаешься это сделать, то заметишь, что что-то противится работе. Мысли хотя и возникают, но не всем им придаешь значение. Производится проверка, и делается выбор. Об одной мысли говоришь себе: нет, это здесь не подходит, не относится сюда, о другой – это слишком бессмысленно, о третьей – это уж совсем второстепенно, и вскоре замечаешь, что при таких возражениях мысли задерживаются прежде, чем станут совершенно ясными, и наконец прогоняются. Таким образом, с одной стороны, слишком сильно зависишь от исходного представления, от самого элемента сновидения, с другой – выбор мешает результату свободной ассоциации. Если толкование сновидения про-

водишь не наедине, а просишь кого-нибудь толковать свое сновидение, то ясно чувствуешь еще один мотив, которым оправдываешь такой недопустимый выбор. Тогда говоришь себе по поводу отдельных мыслей: нет, эта мысль слишком неприятна, я не хочу или не могу ее высказать.

Эти возражения явно угрожают успешности нашей работы. Против них нужно защититься, и при анализе собственного сновидения делаешь это с твердым намерением не поддаваться им; если анализируешь сновидение другого, то ставишь ему как непреложное условие не исключать ни одной мысли, даже если против нее возникает одно из четырех возражений: что она слишком незначительна, слишком бессмысленна, не относится к делу или ее неприятно сказать. Он обещает следовать этому правилу, но затем с огорчением замечаешь, как плохо подчас он сдерживает это обещание. Сначала объясняешь это тем, что он не уяснил себе смысл свободной ассоциации, несмотря на убедительное заверение, и думаешь, что, может быть, следует подготовить его сначала теоретически, давая ему литературу или послав его на лекции, благодаря чему он мог бы стать сторонником наших воззрений на свободную ассоциацию. Но от этих приемов воздерживаешься, замечая, что и сам, будучи твердо уверен в собственных убеждениях, подвержен этим же критическим возражениям против определенных мыслей, которые впоследствии устраняются, в известной мере, во второй инстанции.

Вместо того чтобы сердиться на непослушание видевшего сон, попробуем оценить этот опыт, чтобы научиться из него чему-то новому, чему-то, что может быть тем важнее, чем меньше мы к нему подготовлены. Понятно, что работа по толкованию сновидения происходит вопреки сопротивлению (*Widerstand*), которое поднимается против него и выражением которого являются те критические возражения. Это сопротивление независимо от теоретических убеждений видевшего сон. Больше того. Опыт показывает, что такое критическое возражение никогда не бывает правильным. Напротив, мысли, которые хотелось бы подавить таким образом, оказываются все без исключения самыми важными, решающими для раскрытия бессознательного. Если мысль сопровождается таким возражением, то это как раз очень показательно.

Это сопротивление является каким-то совершенно новым феноменом, который мы нашли исходя из наших предположений, хотя он как будто и не содержится в них. Этому новому фактору мы не так уж приятно удивлены. Мы уже предчувствуем, что он не облегчит нашей работы. Он мог бы нас привести к тому, чтобы вовсе оставить наши старания понять сновидение. Такое незначительное явление, как сновидение, и такие трудности вместо безукоризненной техники! Но с другой стороны, именно эти трудности заставляют нас предполагать, что работа стоит усилий. Мы постоянно наталкиваемся на сопротивление, когда хотим от заместите-

ля, являющегося элементом сновидения, проникнуть в его скрытое бессознательное. Таким образом, мы можем предположить, что за заместителем скрывается что-то значительное. Иначе к чему все препятствия, стремящиеся сохранить скрываемое? Если ребенок не хочет открыть руку, чтобы показать, что в ней, значит, там что-то, чего ему не разрешается иметь.

Сейчас, когда мы вводим в ход наших рассуждений динамическое представление сопротивления, мы должны подумать о том, что это сопротивление может количественно изменяться. Оно может быть большим и меньшим, и мы готовы к тому, что данные различия и обнаружатся во время нашей работы. Может быть, благодаря этому мы приобретем другой опыт, который тоже пригодится в работе по толкованию сновидений. Иногда необходима одна-единственная или всего несколько мыслей, чтобы перейти от элемента сновидения к его бессознательному, в то время как в других случаях для этого требуется длинная цепь ассоциаций и преодоление многих критических возражений.

Мы скажем себе, что эти различия связаны с изменением величины сопротивления, и будем, вероятно, правы. Если сопротивление незначительно, то и заместитель не столь отличен от бессознательного; но большое сопротивление приводит к большим искажениям бессознательного, а с ними удлиняется обратный путь от заместителя к бессознательному.

Теперь, может быть, настало время взять какое-нибудь сновидение и попробовать применить к нему нашу технику, чтобы оправдать связываемые с ней надежды. Да, но какое для этого выбрать сновидение? Вы не представляете себе, как мне трудно сделать выбор, и я даже не могу вам еще разъяснить, в чем трудность. Очевидно, имеются сновидения, которые в общем мало искажены, и самое лучшее было бы начать с них. Но какие сновидения меньше всего искажены? Понятные и не спутанные, два примера которых я уже приводил? Но тут-то вы глубоко ошибаетесь. Исследование показывает, что эти сновидения претерпели чрезвычайно высокую степень искажения. Но если я, отказавшись от каких-либо ограничений, возьму первое попавшееся сновидение, вы, вероятно, будете очень разочарованы. Может случиться, что нам нужно будет выделить и записать такое обилие мыслей к отдельным элементам сновидения, что работа станет совершенно необозримой. Если мы запишем сновидение, а напротив составим список всех пришедших по его поводу мыслей, то он может быть больше текста сновидения. Самым целесообразным кажется, таким образом, выбрать для анализа несколько коротких сновидений, из которых каждое сможет нам что-нибудь сказать или что-либо подтвердить. На это мы и решимся, если опыт нам не подскажет, где действительно можно найти мало искаженные сновидения.

Кроме того, я знаю еще другой путь для облегчения нашей

задачи. Вместо толкования целых сновидений давайте ограничимся отдельными элементами и на ряде примеров проследим, как их можно объяснить, используя нашу технику.

А. Одна дама рассказывает, что ребенком очень часто видела сон, будто у Бога на голове остроконечный бумажный колпак. Как вы это поймете, не прибегнув к помощи видевишей сон? Ведь это совершенно бессмысленно. Но это перестает быть бессмыслицей, когда дама сообщает, что ей ребенком за столом имели обыкновение надевать такой колпак, потому что она не могла отвыкнуть от того, чтобы не коситься в тарелки братьев и сестер и не смотреть, не получил ли кто-нибудь из них больше ее. Таким образом, колпак должен был действовать как шоры. Кстати, историческое сообщение было дано без всякой задержки. Толкование этого элемента, а с ним и всего короткого сновидения легко осуществляется благодаря следующей мысли видевишей сон. «Так как я слышала, что Бог всеведущ и все видит, – говорит она, – то сновидение означает только, что я все знаю и все вижу, как Бог, даже если мне хотят помешать». Этот пример, возможно, слишком прост.

Б. Одна скептически настроенная пациентка видит длинный сон, в котором известные лица рассказывают ей о моей книге «Остроумие» и очень ее хвалят. Затем что-то упоминается о «Канале», возможно, о другой книге, в которой фигурирует канал, или еще что-то, связанное с каналом. Она не знает, это совершенно неясно.

Вы склонны будете предположить, что элемент «канал» не поддается толкованию, потому что он сам так неопределен. Вы правы относительно предполагаемого затруднения, но толкование трудно не потому, что этот элемент неясен, наоборот, он неясен по той же причине, по которой затруднено толкование: видевшей сон не приходит по поводу канала никаких мыслей; я, конечно, тоже ничего не могу сказать.

Некоторое время спустя, вернее, на следующий день она говорит, что ей пришло в голову, что, может быть, относится к делу. А именно острота, которую она слышала. На пароходе между Дувром и Кале известный писатель беседует с одним англичанином, который в определенной связи цитирует: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas* [От великого до смешного только один шаг]. Писатель отвечает: *Qui, le pas de Calais* [Да, Па-де-Кале]; [шаг по-французски pas – «па». – Прим. пер.] – этим он хочет сказать, что Франция великая страна, а Англия – смешная. Но *Pas de Calais* ведь канал, именно рукав канала, *Canal la manche*. Не думаю ли я, что эта мысль имеет отношение к сновидению? Конечно, говорю я, она действительно объясняет загадочный элемент сновидения. Или вы сомневаетесь, что эта шутка уже до сновидения была бессознательным для элемента «канал», и предполагаете, что она появилась позднее? Пришедшая ей в голову мысль свидетельствует о скепсисе, который скрывается у нее за искусственным восхищением, а сопротивление является общей причиной как задержки мысли, так и того, что соот-

ветствующий элемент сновидения был таким неопределенным. Вдумайтесь в этом случае в отношение элемента сновидения к его бессознательному. Он как бы кусочек бессознательного, как бы намек на него; изолировав его, мы бы его совершенно не поняли.

В. Один пациент видит длинный сон: вокруг стола особой формы сидит несколько членов его семьи и т. д. По поводу стола ему приходит в голову мысль, что он видел такой стол при посещении определенной семьи. Затем его мысль развивается: в этой семье были особые отношения между отцом и сыном, и он тут же добавляет, что такие же отношения существуют между ним и его отцом. Таким образом, стол взят в сновидение, чтобы показать эту параллель.

Этот пациент был давно знаком с требованиями толкования сновидения. Другой, может быть, был бы поражен, что такая незначительная деталь, как форма стола, является объектом исследования. Мы считаем, что в сновидении нет ничего случайного или безразличного, и ждем разгадки именно от объяснения таких незначительных, немотивированных деталей. Вы, может быть, еще удивитесь, что работа сновидения выразила мысль «у нас все происходит так, как у них» именно выбором стола. Но все легко объяснится, если вы узнаете, что эта семья носит фамилию Тишлер [*Tisch* – стол. – *Прим. пер.*]. Усаживая своих родных за этот стол, он как бы говорит, что они тоже Тишлеры. Заметьте, впрочем, как в сообщениях о таких толкованиях сновидений поневоле

становишься нескромным. Теперь и вы увидели упомянутые выше трудности в выборе примеров. Этот пример я мог бы легко заменить другим, но тогда, вероятно, избежал бы этой нескромности за счет какой-то другой.

Мне кажется, что теперь самое время ввести два термина, которыми мы могли бы уже давно пользоваться. Мы хотим назвать то, что рассказывается в сновидении, явным содержанием сновидения (*manifestes Trauminhalt*), а скрытое, к которому мы приходим, следуя за возникающими мыслями, скрытыми мыслями сновидения (*latente Traumgedanken*). Обратим внимание на отношения между явным содержанием сновидения и скрытыми его мыслями в наших примерах. Эти отношения могут быть весьма различными. В примерах А и Б явный элемент является составной частью скрытых мыслей, но только незначительной их частью. Из всей большой и сложной психической структуры бессознательных мыслей в явное сновидение проникает лишь частица как их фрагмент или в других случаях как намек на них, как лозунг или сокращение в телеграфном стиле. Толкование должно восстановить целое по этой части или намеку, как это прекрасно удалось в примере Б. Один из видов искажения, в котором заключается работа сновидения, есть, таким образом, замещение обрывком или намеком. В примере В, кроме того, можно предположить другое отношение, более ясно выраженное в следующих примерах.

Г. Видевший сон извлекает (*hervorzieht*) (определенную,

знакомую ему) даму из-под кровати. Он сам открывает смысл этого элемента сновидения первой пришедшей ему в голову мыслью. Это означает: он отдает этой даме предпочтение (*Vorzug*).

Д. Другому снится, что его брат застрял в ящике. Первая мысль заменяет слово «ящик» шкафом (*Schrank*), а вторая дает этому толкование: брат ограничивает себя (*schränkt sich ein*).

Е. Видевший сон поднимается на гору, откуда открывается необыкновенно далекий вид. Это звучит совершенно рационально, и, может быть, тут нечего толковать, а следует только узнать, какие воспоминания затронуты сновидением и чем оно мотивировано. Но вы ошибаетесь – оказывается, именно это сновидение нуждается в толковании, как никакое другое спутанное.

Видевшему сон вовсе не приходят в голову собственные восхождения на горы, а он вспоминает, что один его знакомый издает «Обозрение» (*Rundschau*), в котором обсуждаются наши отношения к дальним странам. Таким образом, скрытая мысль сновидения здесь: отождествление видевшего сон с издателем «Обозрения».

Здесь вы видите новый тип отношения между явным и скрытым элементами сновидения. Первый является не столько искажением последнего, сколько его изображением, наглядным, конкретным выражением в образе, которое имеет своим источником созвучие слов. Однако благодаря этому

получается опять искажение, потому что мы давно забыли, из какого конкретного образа выходит слово, и не узнаем его в замещении образом. Если вы подумаете о том, что явное сновидение состоит преимущественно из зрительных образов, реже из мыслей и слов, то можете догадаться, что этому виду отношения принадлежит особое значение в образовании сновидения. Вы видите также, что этим путем можно создать в явном сновидении для целого ряда абстрактных мыслей замещающие образы, которые служат намерению скрыть их. Это та же техника ребуса. Откуда такие изображения приобретают остроумный характер, это особый вопрос, которого мы здесь можем не касаться.

О четвертом виде отношения между явным и скрытым элементами сновидения я умолчу, пока наша техника не откроет нам его особенность. Но и тогда я не дал бы полного перечисления этих отношений, для наших же целей достаточно и этого.

Есть у вас теперь мужество решиться на толкование целого сновидения? Сделаем попытку и посмотрим, достаточно ли мы подготовлены для решения этой задачи. Разумеется, я выберу не самое непонятное сновидение, а остановлюсь на таком, которое хорошо отражает его свойства.

Итак, молодая, но уже давно вышедшая замуж дама видит сон: она сидит с мужем в театре, одна половина партера совершенно пуста. Ее муж рассказывает ей, что Элиза Л. и ее жених тоже хотели пойти, но смогли достать только плохие

места, три за 1 фл. 50 кр.,¹¹ а ведь такие места они не могли взять. Она считает, что это не беда.

Первое, что сообщает нам видевшая сон, — это то, что повод к сновидению указан в явном сновидении. Муж действительно рассказал ей, что Элиза Л., знакомая, примерно тех же лет, обручилась. Сновидение является реакцией на это сообщение. Мы уже знаем, что подобный повод в переживаниях дня накануне сновидения нетрудно доказать во многих сновидениях, и видевшие сон часто без затруднений дают такие указания. Такие же сведения видевшая сон дает и по поводу других элементов явного сновидения. Откуда взялась деталь, что половина партера не занята? Это намек на реальное событие прошлой недели. Она решила пойти на известное театральное представление и заблаговременно купила билеты, но так рано, что должна была доплатить за это, когда же они пришли в театр, оказалось, что ее заботы были напрасны, потому что одна половина партера была почти пуста. Она бы не опоздала, если бы купила билеты даже в день представления. Ее муж не преминул подразнить ее за эту поспешность. Откуда 1 фл. 50 кр.? Это относится к совсем другому и не имеет ничего общего с предыдущим, но и тут есть намек на известие последнего дня. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 фл., и эта дура не нашла ничего лучшего, как побежать к ювелиру и истратить деньги на украшения. А откуда три? Об этом она ничего не

---

¹¹ 1 флорин 50 крейцеров. — *Прим. ред. перевода.*

знает, если только не считать той мысли, что невеста Элиза Л. всего лишь на три месяца моложе ее, а она почти десять лет замужем. А что это за нелепость брать три билета, когда идешь в театр вдвоем? На это она ничего не отвечает и вообще отказывается от дальнейших объяснений.

Но эти пришедшие ей в голову мысли и так дали нам достаточно материала, чтобы можно было узнать скрытые мысли сновидения. Обращает на себя внимание то, что в ее сообщениях к сновидению в нескольких местах подчеркиваются разные сроки, благодаря чему между отдельными частями устанавливается нечто общее: она слишком рано купила билеты в театр, поспешила, так что должна была переплатить; невестка подобным же образом поспешила снести деньги ювелиру, чтобы купить украшения, как будто она могла это упустить. Если эти так подчеркнутые «слишком рано», «поспешно» сопоставить с поводом сновидения, известием, что приятельница, которая моложе ее всего на три месяца, теперь все-таки нашла себе хорошего мужа, и с критикой, выразившейся в осуждении невестки: нелепо так торопиться, то сам собой напрашивается следующий ход скрытых мыслей сновидения, искаженным заместителем которых является явное сновидение: «Нелепо было с моей стороны так торопиться с замужеством. На примере Элизы я вижу, что и позже могла бы найти мужа». (Поспешность изображена в ее поведении при покупке билетов и в поведении невестки при покупке украшений. Замужество замещено посеще-

нием театра.) Это – главная мысль; может быть, мы могли бы продолжать, но с меньшей уверенностью, потому что в этом месте анализу незачем было бы отказываться от заявлений видевшей сон: «За эти деньги я могла бы приобрести в 100 раз лучшее!» (150 фл. в 100 раз больше 1 фл. 50 кр.). Если бы мы могли деньги заменить приданым, то это означало бы, что мужа покупают за приданое; муж заменен украшениями и плохими билетами. Еще лучше было бы, если бы элемент «три билета» имел какое-либо отношение к мужу. Но наше понимание не идет так далеко. Мы только угадали, что сновидение выражает пренебрежение к мужу и сожаление о слишком раннем замужестве.

По моему мнению, результат этого первого толкования сновидения нас больше поражает и смущает, чем удовлетворяет. Слишком уж много на нас сразу свалилось, больше, с чем мы в состоянии справиться. Мы уже замечаем, что не сможем разобраться в том, что может быть поучительного в этом толковании сновидения. Поспешим же извлечь то, что мы узнали несомненно нового.

Во-первых, замечательно, что в скрытых мыслях главный акцент падает на элемент поспешности; в явном сновидении именно об этом ничего нет. Без анализа мы бы не могли предположить, что этот момент играет какую-то роль. Значит возможно, что как раз самое главное то, что является центром бессознательных мыслей, в явном сновидении отсутствует. Благодаря этому совершенно меняется впечатле-

ние от всего сновидения. Во-вторых, в сновидении имеется абсурдное сопоставление три за 1 фл. 50 кр., в мыслях сновидения мы угадываем фразу: нелепо было (так рано выходить замуж). Можно ли отрицать, что эта мысль «нелепо было» выражена в явном сновидении именно абсурдным элементом? В-третьих, сравнение показывает, что отношение между явными и скрытыми элементами не просто, оно состоит не в том, что один явный элемент всегда замещает один скрытый. Это скорее групповое отношение между обоими лагерями, внутри которого один явный элемент представляется несколькими скрытыми или один скрытый может замещаться несколькими явными.

Что касается смысла сновидения и отношения к нему видевшей сон, то об этом можно было бы тоже сказать много удивительного. Правда, она признает толкование, но поражается ему. Она не знала, что пренебрежительно относится к своему мужу, она также не знает, почему она к нему так относится. Итак, в этом еще много непонятного. Я действительно думаю, что мы еще не готовы к толкованию сновидений и нам надо сначала еще поучиться и подготовиться.

Восьмая лекция

Детские сновидения

Уважаемые дамы и господа! У нас возникло впечатление, что мы слишком ушли вперед. Вернемся немного назад. Прежде чем мы предприняли последнюю попытку преодолеть с помощью нашей техники трудности искажения сновидения, мы поняли, что лучше было бы ее обойти, взяв такие сновидения, если они имеются, в которых искажение отсутствует или оно очень незначительно. При этом мы опять отойдем от истории развития наших знаний, потому что в действительности на существование таких свободных от искажения сновидений обратили внимание только после последовательного применения техники толкования и проведения анализа искаженных сновидений.

Сновидения, которые нам нужны, встречаются у детей. Они кратки, ясны, не бессвязны, не двусмысленны, их легко понять, и все-таки это сновидения. Но не думайте, что все сновидения детей такого рода. И в детском возрасте очень рано наступает искажение сновидений; записаны сновидения пяти-восемилетних детей, которые имеют все признаки более поздних. Но если вы ограничитесь возрастом с начала известной душевной деятельности до четвертого или пятого года, то встретитесь с рядом сновидений, которые имеют так называемый инфантильный характер, а затем отдельные

сновидения такого рода можно найти и в более поздние детские годы. Даже у взрослых при определенных условиях бывают сновидения, похожие на типично инфантильные.

Используя эти детские сновидения, мы с легкостью и уверенностью сделаем выводы о сущности сновидения, которые, хотим надеяться, будут существенными и общими [для всех сновидений].

1. Для понимания этих сновидений не требуется анализ и использование нашей техники. Не надо и расспрашивать ребенка, рассказывающего свое сновидение. Достаточно немного дополнить сновидение сведениями из жизни ребенка. Всегда имеется какое-нибудь переживание предыдущего дня, объясняющее нам сновидение. Сновидение является реакцией душевной жизни во сне на это впечатление дня.

Мы хотим предложить вам несколько примеров, чтобы сделать еще некоторые выводы.

А. 22-месячный мальчик как поздравитель должен преподнести корзину вишен. Он делает это с явной неохотой, хотя ему обещают, что он сам получит несколько вишен. Утром он рассказывает свой сон: Ге(р)ман съел все вишни.

Б. Девочка 31/4 лет впервые катается на лодке по озеру. Когда надо было выходить из лодки, она не хотела этого сделать и горько расплакалась. Ей показалось, что время прогулки прошло слишком быстро. На следующее утро она сказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру». Мы могли бы

прибавить, что эта прогулка длилась дольше.

В. 51/4-летнего мальчика взяли с собой на прогулку в Эшернталь близ Галлштатта. Он слышал, что Галлштатт расположен у подножия Дахштейна. К этой горе он проявлял большой интерес. Из своего дома в Аусзее он мог хорошо видеть Дахштейн, а в подзорную трубу можно было разглядеть на нем Симонигютте. Ребенок не раз пытался увидеть ее в подзорную трубу, неизвестно, с каким успехом. Прогулка началась в настроении радостного ожидания. Как только появлялась какая-нибудь новая гора, мальчик спрашивал: это Дахштейн? Чем чаще он получал отрицательный ответ, тем больше расстраивался, потом совсем замолчал и не захотел даже немного пройти к водопаду. Думали, что он устал, но на следующее утро он радостно рассказал: сегодня ночью я видел во сне, что мы были на Симонигютте. Он участвовал в прогулке, ожидая этого момента. О подробностях он только сказал, что уже слышал раньше: поднимаются шесть часов вверх по ступенькам.

Этих трех сновидений достаточно, чтобы получить нужные нам сведения.

2. Мы видим, что эти детские сновидения не бессмысленны; это понятные, полноценные душевные акты. Вспомните, что я говорил вам по поводу медицинского суждения о сновидении: это то, что получается, когда не знающий музыки беспорядочно перебирает клавиши пианино. Вы не можете не заметить, как резко эти детские сновидения противоречат

такому пониманию. Но не слишком ли странно, что ребенок в состоянии во сне переживать полноценные душевные акты, тогда как взрослый довольствуется в том же случае судорожными реакциями. У нас есть также все основания предполагать, что сон ребенка лучше и глубже.

3. Эти сновидения лишены искажения, поэтому они не нуждаются в толковании. Явное и скрытое сновидение совпадают. Итак, искажение сновидения не есть проявление его сущности. Смею предположить, что у вас при этом камень свалился с души. Но частицу искажения сновидения, определенное различие между явным содержанием сновидения и его скрытыми мыслями мы после некоторого размышления признаем и за этими сновидениями.

4. Детское сновидение является реакцией на переживание дня, которое оставило сожаление, тоску, неисполненное желание. Сновидение дает прямое, неприкрытое исполнение этого желания. Вспомните теперь наши рассуждения о роли физических раздражений, внешних и внутренних, как нарушителей сна и побудителей сновидений. Мы узнали совершенно достоверные факты по этому поводу, но таким образом могли объяснить лишь небольшое число сновидений. В этих детских сновидениях ничто не свидетельствует о действии таких соматических раздражений; в этом мы не можем ошибиться, так как сновидения совершенно понятны и в них трудно чего-нибудь не заметить. Однако это не заставляет нас отрицать происхождение сновидений от раздраже-

ний. Мы только можем спросить, почему мы с самого начала забыли, что, кроме физических, есть еще и душевные раздражения, нарушающие сон? Мы ведь знаем, что эти волнения больше всего вызывают нарушение сна у взрослого человека, мешая установить душевное состояние засыпания, падения интереса к миру. Человеку не хочется прерывать жизнь, он продолжает работу над занимающими его вещами и поэтому не спит. Для ребенка таким мешающим спать раздражением является неисполненное желание, на которое он реагирует сновидением.

5. Отсюда мы кратчайшим путем приходим к объяснению функции сновидения. Сновидение, будучи реакцией на психическое раздражение, должно быть равнозначно освобождению от этого раздражения, так что оно устраняется, а сон может продолжаться. Как динамически осуществляется это освобождение благодаря сновидению, мы еще не знаем, но уже замечаем, что сновидение является не нарушителем сна, как это ему приписывается, а оберегает его, устраняет нарушения сна. Правда, нам кажется, что мы лучше спали бы, если бы не было сновидения, но мы не правы; в действительности без помощи сновидения мы вообще бы не спали. Ему мы обязаны, что проспали хотя бы и так. Оно не могло немного не помешать нам, подобно ночному сторожу, который не может совсем не шуметь, прогоняя нарушителей покоя, которые хотят разбудить нас шумом.

6. Главной характерной чертой сновидения является то,

что оно побуждается желанием, исполнение этого желания становится содержанием сновидения. Другой такой же постоянной чертой является то, что сновидение не просто выражает мысль, а представляет собой галлюцинаторное переживание исполнения желания. Я желала бы кататься по озеру, гласит желание, вызывающее сновидение, содержание сновидения: я катаюсь по озеру. Различие между скрытым и явным сновидением, искажение скрытой мысли сновидения остается и в этих простых детских сновидениях, и это – превращение мысли в переживание. При толковании сновидения надо прежде всего обнаружить именно это частичное изменение. Если бы эта характерная черта оказалась общей всем сновидениям, то приведенный выше фрагмент сновидения: я вижу своего брата в ящике – надо было бы понимать не как «мой брат ограничивается», а как «я хотел бы, чтобы мой брат ограничился, мой брат должен ограничиться». Очевидно, что из двух приведенных характерных черт сновидения у второй больше шансов быть признанной без возражений, чем у первой. Только многочисленные исследования могут установить, что возбудителем сновидения должно быть всегда желание, а не опасение, намерение или упрек, но другая характерная черта, которая заключается в том, что сновидение не просто передает это раздражение, а прекращает, устраняет, уничтожает его при помощи особого рода переживания, остается непоколебимой.

7. Исходя из этих характерных черт сновидения, мы мо-

жем опять вернуться к сравнению сновидения с ошибочным действием. В последнем мы различали нарушающую и нарушенную тенденцию, а ошибочное действие было компромиссом между обеими. Та же самая схема подходит и для сновидения. Нарушенной тенденцией в ней может быть желание спать. Нарушающую тенденцию мы заменяем психическим раздражением, то есть желанием, которое стремится к своему исполнению, так как до сих пор мы не видели никакого другого психического раздражения, нарушающего сон. И здесь сновидение является результатом компромисса. Спишь, но переживаешь устранение желания; удовлетворяешь желание и продолжаешь спать. И то и другое отчасти осуществляется, отчасти нет.

8. Вспомните, как мы пытались однажды найти путь к пониманию сновидений исходя из очень понятных образований фантазии, так называемых «снов наяву». Эти сны наяву действительно являются исполнением желаний, честолюбивых и эротических, которые нам хорошо известны, но они мысленные, и хотя живо представляются, но никогда не переживаются галлюцинаторно. Таким образом, из двух характерных черт сновидения здесь остается менее достоверная, в то время как вторая, зависящая от состояния сна и не реализуемая в бодрствовании, совершенно отпадает. И в языке есть также намек на то, что исполнение желания является основной характерной чертой сновидения. Между прочим, если переживание в сновидении является только превращен-

ным представлением, т. е. «ночным сном наяву», возможным благодаря состоянию сна, то мы уже понимаем, что процесс образования сновидения может устранить ночное раздражение и принести удовлетворение, потому что и сны наяву являются деятельностью, связанной с удовлетворением, и ведь только из-за этого им и отдаются.

Не только это, но и другие общеупотребительные выражения имеют тот же смысл. Известные поговорки утверждают: свинье снится желудь, гусю – кукуруза; или спрашивают: что видит во сне курица? Просо. Поговорка идет, следовательно, дальше, чем мы, – от ребенка к животному – и утверждает, что содержание сна является удовлетворением потребности. Многие выражения, по-видимому, подтверждают это, например: «прекрасно, как во сне», «этого и во сне не увидишь», «я бы не мог себе это представить даже в самом необычайном сне». Употребление в языке таких выражений, очевидно, говорит в нашу пользу. Правда, есть страшные сновидения и сновидения с неприятным или безразличным содержанием, но их словоупотребление и не коснулось. Хотя мы и говорим о «дурных» снах, но для нашего языка сновидение все равно остается только исполнением желания. Нет ни одной поговорки, которая бы утверждала, что свинья или гусь видели во сне, как их закалывают.

Конечно, немыслимо, чтобы столь характерная черта сновидения, выражающаяся в исполнении желания, не была бы замечена авторами, писавшими о сновидениях. Это проис-

ходило очень часто, но ни одному из них не пришлось в голову признать ее общей характерной чертой и считать это ключевым моментом в объяснении сновидений. Мы можем себе хорошо представить, что их могло от этого удерживать, и еще коснемся этого вопроса.

Но посмотрите, сколько сведений мы получили из высоко оцененных нами детских сновидений и почти без труда. Функция сновидения как стража сна, его возникновение из двух конкурирующих тенденций, из которых одна остается постоянной – желание сна, а другая стремится удовлетворить психическое раздражение; доказательство, что сновидение является осмысленным психическим актом; обе его характерные черты: исполнение желания и галлюцинаторное переживание. И при этом мы почти забыли, что занимаемся психоанализом. Кроме связи с ошибочными действиями в нашей работе не было ничего специфического. Любой психолог, ничего не знающий об исходных предположениях психоанализа, мог бы дать это объяснение детских сновидений. Почему же никто этого не сделал?

Если бы все сновидения были такими же, как детские, то проблема была бы решена, наша задача выполнена, и не нужно было бы спрашивать видевшего сон, привлекать бессознательное и пользоваться свободной ассоциацией. Но в этом-то, очевидно, и состоит наша дальнейшая задача. Наш опыт уже не раз показывал, что характерные черты, которые считаются общими, подтверждаются затем только для опре-

деленного вида и числа сновидений. Речь, следовательно, идет о том, остаются ли в силе открытые благодаря детским сновидениям общие характерные черты, годятся ли они для тех неясных сновидений, явное содержание которых не обнаруживает отношения к какому-то оставшемуся желанию. Мы придерживаемся мнения, что эти другие сновидения претерпели глубокое искажение и поэтому о них нельзя судить сразу. Мы также предполагаем, что для их объяснения необходима психоаналитическая техника, которая не была нам нужна для понимания детских сновидений.

Имеется, впрочем, еще один класс неискаженных сновидений, в которых, как и в детских, легко узнать исполнение желания. Это те, которые вызываются в течение всей жизни императивными потребностями тела: голодом, жаждой, сексуальной потребностью, т. е. являются исполнением желаний как реакции на внутренние соматические раздражения. Так, я записал сновидение 19-месячной девочки, которое состояло из меню с прибавлением ее имени (Анна Ф., земляника, малина, яичница, каша). Сновидение явилось реакцией на день голодовки из-за расстройства пищеварения, вызванного как раз двумя упомянутыми ягодами. В то же время и бабушка, возраст которой вместе с возрастом внучки составил семьдесят лет, вследствие беспокойства из-за блуждающей почки должна была целый день голодать, и в ту же ночь ей снилось, что ее пригласили в гости и угощают самыми лучшими лакомствами. Наблюдения за заключенными

ми, которых заставляют голодать, и за лицами, терпящими лишения в путешествиях и экспедициях, свидетельствуют о том, что в этих условиях они постоянно видят во сне удовлетворение этих потребностей. Так, Отто Норденшельд в своей книге «Антарктика» (1904) сообщает о зимовавшей с ним команде (т. 1, с. 366 и сл.): «О направленности наших сокровеннейших мыслей очень ясно говорили наши сновидения, которые никогда прежде не были столь ярки и многочисленны. Даже те наши товарищи, которые видели сны в исключительных случаях, теперь по утрам, когда мы обменивались своими переживаниями из этого фантастического мира, могли рассказывать длинные истории. Во всех них речь шла о том внешнем мире, который был теперь так далек от нас, но часто они имели отношение и к нашим тогдашним условиям. Еда и питье были центром, вокруг которого чаще всего вращались наши сновидения. Один из нас, который особенно часто наслаждался грандиозными ночными пирами, был от души рад, если утром мог сообщить, «что съел обед из трех блюд»; другой видел во сне табак, целые горы табаку; третьи – корабль, на всех парусах приближающийся из открытого моря. Заслуживает упоминания еще одно сновидение: является почтальон с почтой и длинно объясняет, почему ее пришлось так долго ждать, он неправильно ее сдал и ему с большим трудом удалось получить ее обратно. Конечно, во время сна нас занимали еще более невозможные вещи, но почти во всех сновидениях, которые ви-

дел я сам или о которых слышал, поражает бедность фантазии. Если бы все эти сновидения были записаны, это, несомненно, представило бы большой психологический интерес. Но легко понять, каким желанным был для нас сон, потому что он мог дать нам все, чего каждый больше всего желал». Цитирую еще по Дю Прелю (1885, 231): «Мунго Парк, погибавший от жажды во время путешествия по Африке, непрерывно видел во сне многоводные долины и луга своей родины. Так и мучимый голодом Тренк видел себя во сне в *Sternschanze* в Магдебурге окруженным роскошными обедами, а Георг Бакк, участник первой экспедиции Франклина, когда вследствие невыносимых лишений был близок к голодной смерти, постоянно видел во сне обильные обеды».

Тому, кто за ужином ест острую пищу, вызывающую жажду, легко может присниться, что он пьет. Разумеется, невозможно удовлетворить сильную потребность в еде или питье при помощи сновидения; от таких сновидений просыпаешься с чувством жажды и напиваешься воды по-настоящему. Достижение сновидения в этом случае практически незначительно, но не менее очевидно, что оно возникло с целью не допустить раздражение, заставляющее проснуться и действовать. При незначительной силе этих потребностей сны, приносящие удовлетворение, часто вполне помогают.

Точно так же сновидение дает удовлетворение сексуальных раздражений, но оно имеет особенности, о которых стоит упомянуть. Вследствие особого свойства сексуального

влечение в меньшей степени зависеть от объекта, чем при голоде и жажде, удовлетворение в сновидении с поллюциями может быть реальным, а из-за определенных трудностей в отношениях с объектом, о чем мы скажем позже, очень часто реальное удовлетворение связано с неясным или искаженным содержанием сновидения. Эта особенность сновидения с поллюциями делает их, как заметил О. Ранк, удобными объектами для изучения искажения сновидения. Впрочем, все сновидения взрослых, связанные с удовлетворением потребности, кроме удовлетворения содержат многое другое, что происходит из чисто психических источников раздражения и для своего понимания нуждается в толковании.

Впрочем, мы не хотим утверждать, что образуемые по типу детских сновидения взрослых с исполнением желания являются только реакциями на так называемые императивные потребности. Нам известны также короткие и ясные сновидения такого типа под воздействием определенных доминирующих ситуаций, источниками которых являются, несомненно, психические раздражения. Таковы, например, сновидения, [выражающие] нетерпение, когда кто-то готовится к путешествию, важной для него выставке, докладу, визиту и видит заранее во сне исполнение ожидаемого, т. е. ночью еще до настоящего события достигает цели, видит себя в театре, беседует в гостях. Или так называемые «удобные» сновидения, когда кто-то, желая продлить сон, видит, что он уже встал, умывается или находится в школе, в то

время как в действительности продолжает спать, т. е. предпочитает вставать во сне, а не в действительности. Желание спать, по нашему мнению, постоянно принимающее участие в образовании сновидения, явно проявляется в этих сновидениях как существенный фактор образования сновидения. Потребность во сне с полным правом занимает место в ряду других физических потребностей.

На примере репродукции картины Швинда из Шакк-галереи в Мюнхене я покажу вам, как правильно понял художник возникновение сновидения по доминирующей ситуации. Это «Сновидение узника», содержание которого не что иное, как его освобождение. Примечательно, что освобождение должно осуществиться через окно, потому что через окно проникает световое раздражение, от которого узник просыпается. Стоящие друг за другом гномы представляют его собственные последовательные положения при попытке вылезти вверх к окну и, если я не ошибаюсь и не приписываю намерению художника слишком многого, стоящий выше всех гном, который перепиливает решетку, т. е. делает то, что хотел бы сделать сам узник, имеет его черты лица.

Во всех других сновидениях, кроме детских и указанных, инфантильных по своему типу, как сказано, искажение воздвигает на нашем пути преграды. Мы пока еще не можем сказать, являются ли и они исполнением желания, как мы предполагаем; из их явного содержания мы не знаем, какому психическому раздражению они обязаны своим происхож-

дением, и мы не можем доказать, что они также стремятся устранить это раздражение. Они, вероятно, должны быть истолкованы, т. е. переведены, их искажение надо устранить, явное содержание заменить скрытым, прежде чем сделать вывод, что открытое нами в детских сновидениях подтверждается для всех сновидений.

Девятая лекция

Цензура сновидения

Уважаемые дамы и господа! Мы познакомились с возникновением, сущностью и функцией сновидения, изучая сновидения детей. Сновидения являются устранением нарушающих сон (психических) раздражений путем галлюцинаторного удовлетворения. Правда, из сновидений взрослых мы смогли объяснить только одну группу, которую мы называли сновидениями инфантильного типа. Как обстоит дело с другими сновидениями, мы пока не знаем, мы также и не понимаем их. Пока мы получили результат, значение которого не хотим недооценивать. Всякий раз, когда сновидение нам абсолютно понятно, оно является галлюцинаторным исполнением желания. Такое совпадение не может быть случайным и незначительным.

Исходя из некоторых соображений и по аналогии с пониманием ошибочных действий мы предполагаем, что сновидение другого рода является искаженным заместителем для неизвестного содержания и только им должно объясняться. Исследование, понимание этого искажения сновидения и является нашей ближайшей задачей.

Искажение сновидения – это то, что нам кажется в нем странным и непонятным. Мы хотим многое узнать о нем: во-первых, откуда оно берется, его динамизм, во-вторых, что

оно делает и, наконец, как оно это делает. Мы можем также сказать, что искажение сновидения – это продукт работы сновидения. Мы хотим описать работу сновидения и указать на действующие при этом силы.

А теперь послушайте пример сновидения. Его записала дама нашего круга,¹² по ее словам, оно принадлежит одной почтенной высокообразованной престарелой даме. Анализ этого сновидения не был произведен. Наша референтка замечает, что для психоаналитика оно не нуждается в толковании. Сама видевшая сон его не толковала, но она высказала о нем свое суждение, как будто она сумела бы его истолковать. Вот как она высказалась о нем: и такая отвратительная глупость снится женщине 50 лет, которая день и ночь не имеет других мыслей, кроме заботы о своем ребенке.

А вот и сновидение о «любобной службе». «Она отправляется в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит часовому у ворот, что ей нужно поговорить с главным врачом (она называет незнакомое ей имя), так как она хочет поступить на службу в госпиталь. При этом она так подчеркивает слово «служба», что унтер-офицер тотчас догадывается, что речь идет о «любобной службе». Так как она старая женщина, то он пропускает ее после некоторого колебания. Но вместо того чтобы пройти к главному врачу, она попадает в большую темную комнату, где вокруг длинного стола сидит и стоит много офицеров и военных врачей. Она обращается со сво-

---

¹² Госпожа д-р фон Гуг-Гелльмут (1915).

им предложением к какому-то штабному врачу, который понимает ее с нескольких слов. Дословно ее речь во сне следующая: «Я и многие другие женщины и молодые девушки Вены готовы солдатам, рядовым и офицерам без различия». Здесь в сновидении следует какое-то бормотание. Но то, что ее правильно поняли, видно по отчасти смущенному, отчасти лукавому выражению лиц офицеров. Дама продолжает: «Я знаю, что наше решение несколько странно, но оно для нас чрезвычайно серьезно. Солдата на поле боя тоже не спрашивают, хочет он умирать или нет». Следует минутное мучительное молчание. Штабной врач обнимает ее за талию и говорит: «Милостивая государыня, представьте себе, что дело действительно дошло бы до... [бормотание]». Она освобождается от его объятий с мыслью: «Все они одинаковы» — и возражает: «Господи, я старая женщина и, может быть, не окажусь в таком положении. Впрочем, одно условие должно быть соблюдено: учет возраста; чтобы немолодая дама совсем молодому парню. (бормотание); это было бы ужасно». Штабной врач: «Я прекрасно понимаю». Некоторые офицеры, и среди них тот, кто сделал ей в молодости предложение, громко смеются, и дама желает, чтобы ее проводили к знакомому главному врачу для окончательного выяснения. При этом, к великому смущению, ей приходит в голову, что она не знает его имени. Штабной врач тем временем очень вежливо предлагает ей подняться на верхний этаж по узкой железной винтовой лестнице, которая ведет прямо из комнаты

на верхние этажи. Поднимаясь, она слышит, как один офицер говорит: «Это колоссальное решение, безразлично, молодая или старая; нужно отдать должное». С чувством, что просто выполняет свой долг, она поднимается по бесконечной лестнице».

Это сновидение повторяется на протяжении нескольких недель еще два раза с совершенно незначительными и довольно бессмысленными изменениями, как замечает дама.

В своем течении сновидение соответствует дневной фантазии: в нем мало перерывов, некоторые частности в его содержании могли бы быть разъяснены расспросами, чего, как вы знаете, не было. Но самое замечательное и интересное для нас то, что в сновидении есть несколько пропусков, пропусков не в воспоминании, а в содержании. В трех местах содержание как бы стерто; речи, в которых имеются пропуски, прерываются бормотанием. Так как мы не проводили анализа, то, строго говоря, не имеем права что-либо говорить о смысле сновидения. Правда, в нем есть намеки, из которых можно кое-что заключить, например, выражение «любовная служба», но части речи, непосредственно предшествующие бормотанию, требуют прежде всего дополнений, которые могут иметь один смысл. Если мы их используем, то получится фантазия такого содержания, что видевшая сон готова, исполняя патриотический долг, предоставить себя для удовлетворения любовных потребностей военных, как офицеров, так и рядовых. Это, безусловно, совер-

шенно неприлично, образец дерзкой либидозной фантазии, но в сновидении этого вовсе нет. Как раз там, где ход мыслей привел бы к этому признанию, в явном сновидении неясное бормотание, что-то утрачено или подавлено.

Вы согласитесь, надеюсь, что именно неприличие этих мест было мотивом для их подавления. Где, однако, найти аналогию этому случаю? В наши дни вам не придется ее долго искать. Возьмите какую-нибудь политическую газету, и вы найдете, что в нескольких местах текст изъят, на его месте светится белая бумага. Вы знаете, что это дело газетной цензуры. На этих пустых местах было что-то, что не понравилось высоким цензурным властям и поэтому было удалено. Вы думаете, как жаль, это было, может быть, самое интересное, «самое лучшее место».

В других случаях цензура оказывает свое действие не на готовый текст. Автор предвидел, какие высказывания могут вызвать возражения цензуры, и предусмотрительно смягчил их, слегка изменил или удовольствовался намеками и неполным изложением того, что хотел сказать. Тогда в газете нет пустых мест, а по некоторым намекам и неясностям выражения вы можете догадаться, что требования цензуры уже заранее приняты во внимание.

Будем придерживаться этого сравнения. Мы утверждаем, что пропущенные, скрытые за бормотанием слова сновидения принесены в жертву цензуре. Мы прямо говорим о цензуре сновидения, которой следует приписать известное уча-

стие в искажении сновидения. Везде, где в явном сновидении есть пропуски, в них виновата цензура сновидения. Нам следовало бы пойти еще дальше и считать, что действие цензуры сказывается каждый раз там, где элемент сновидения вспоминается особенно слабо, неопределенно и с сомнением по сравнению с другими, более ясными элементами. Но цензура редко проявляется так откровенно, так, хотелось бы сказать, наивно, как в примере сновидения о «любобной службе». Гораздо чаще цензура проявляется по второму типу, подставляя на место того, что должно быть, смягченное, приблизительное, намекающее.

Третий способ действия цензуры нельзя сравнить с приемами газетной цензуры; но я могу продемонстрировать его на уже проанализированном примере сновидения. Вспомните сновидение с «тремя плохими билетами в театр за 1 фл. 50 кр.». В скрытых мыслях этого сновидения на первом месте был элемент «поспешно, слишком рано». Это означало: нелепо было так рано выходить замуж, также бессмысленно было покупать так рано билеты в театр, смешно было со стороны невестки так поспешно истратить деньги на украшения. От этого центрального элемента сновидения ничего не осталось в явном сновидении; в нем центр тяжести переместился на посещение театра и покупку билетов. Благодаря этому смещению акцента, этой перегруппировке элементов содержания явное сновидение становится настолько непохожим на скрытые мысли сновидения, что мы и не подозрева-

ем о наличии этих последних за первым. Это смещение акцента является главным средством искажения сновидения и придает сновидению ту странность, из-за которой видевший сон сам не хотел бы признать его за собственный продукт.

Пропуск, модификация, перегруппировка материала – таковы действия цензуры сновидения и средства его искажения. Сама цензура сновидения является причиной или одной из причин искажения сновидения, изучением которого мы теперь займемся. Модификацию и перегруппировку мы привыкли называть «смещением» (*Verschiebung*).

После этих замечаний о действии цензуры сновидения обратимся к вопросу о ее динамизме. Надеюсь, вы не воспринимаете выражение слишком антропоморфно и не представляете себе цензора сновидения маленьким строгим человеком или духом, поселившимся в мозговом желудочке и оттуда управляющим делами, но не связываете его также и с пространственным представлением о каком-то «мозговом центре», оказывающем такое цензурирующее влияние, которое прекратилось бы с нарушением или удалением этого центра. Пока это не более чем весьма удобный термин для обозначения динамического отношения. Это слово не мешает нам задать вопрос, какие тенденции и на какие элементы сновидения оказывают это влияние, мы не удивимся также, узнав, что раньше уже сталкивались с цензурой сновидения, может быть, не узнав ее.

А это было действительно так. Вспомните, с каким по-

разительным фактом мы встретились, когда начали применять нашу технику свободной ассоциации. Мы почувствовали тогда, что наши усилия перейти от элемента сновидения к его бессознательному, заместителем которого он является, натолкнулись на сопротивление. Мы говорили, что это сопротивление различается по своей величине, в одних случаях оно огромно, в других незначительно. В последнем случае для работы толкования нужно было только несколько промежуточных звеньев, но если оно было велико, тогда мы должны были анализировать длинные цепочки ассоциаций от элемента, далеко уходили бы от него и вынуждены были бы преодолевать много трудностей в виде критических возражений против этих ассоциаций. То, что при толковании проявляется как сопротивление, теперь в работе сновидения выступает его цензурой. Сопротивление толкованию – это только объективация цензуры сновидения. Оно доказывает нам, что сила цензуры не исчерпывается внесением в сновидение искажения и после этого не угасает, но что она как постоянно действующая сила продолжает существовать, стремясь сохранить искажение. Кстати, как и сопротивление при толковании каждого элемента меняется по своей силе, так и внесенное цензурой искажение в одном и том же сновидении различно для каждого элемента. Если сравнить явное и скрытое сновидения, то обнаружится, что отдельные скрытые элементы полностью отсутствуют, другие более или менее модифицированы, а третьи остались без изменений и

даже, может быть, усилены в явном содержании сновидения.

Но мы собирались исследовать, какие тенденции осуществляют цензуру и против чего она направлена. На этот вопрос, имеющий важнейшее значение для понимания сновидения и даже, может быть, всей жизни человека, легко ответить, если просмотреть ряд истолкованных сновидений. Тенденции, осуществляющие цензуру, – те, которые признаются видевшим сон в бодрствующем состоянии, с которыми он согласен. Будьте уверены, что если вы отказываетесь от вполне правильного толкования собственного сновидения, то вы поступаете по тем же мотивам, по которым действовала цензура сновидения, произошло искажение и стало необходимо толкование. Вспомните о сновидении нашей 50-летней дамы. Без толкования она считает его отвратительным, была бы еще больше возмущена, если бы д-р фон Гуг-Гелльмут сообщила ей что-то необходимое для толкования, и именно из-за этого осуждения в ее сновидении самые неприличные места заменены бормотанием.

Однако тенденции, против которых направлена цензура сновидения, следует сначала описать по отношению к этой последней. Тогда можно только сказать, что они по своей природе безусловно достойны осуждения, неприличны в этическом, эстетическом, социальном отношении, это явления, о которых не смеют думать или думают только с отвращением. Эти отвергнутые цензурой и нашедшие в сновидении искаженное выражение желания являются прежде всего

проявлением безграничного и беспощадного эгоизма. И действительно, собственное Я появляется в любом сновидении и играет в нем главную роль, даже если это умело скрыто в явном содержании. Этот *sacro egoismo*¹³ сновидения, конечно, связан с установкой на сон, которая состоит в падении интереса ко всему внешнему миру.

Свободное от всех этических уз Я идет навстречу всем притязаниям сексуального влечения, в том числе и таким, которые давно осуждены нашим эстетическим воспитанием и противоречат всем этическим ограничительным требованиям. Стремление к удовольствию – либидо (*Libido*), как мы говорим, – беспрепятственно выбирает свои объекты и охотнее всего именно запретные. Не только жену другого, но прежде всего инцестуозные, свято охраняемые человеческим обществом объекты, мать и сестру со стороны мужчины, отца и брата со стороны женщины. (Сновидение нашей 50-летней дамы тоже инцестуозно, ее либидо, несомненно, направлено на сына.) Вожделения, которые кажутся нам чуждыми человеческой природе, оказываются достаточно сильными, чтобы вызвать сновидения. Безудержно может проявляться также ненависть. Желания мести и смерти самым близким и любимым в жизни – родителям, братьям и сестрам, супругу или супруге, собственным детям – не являются ничем необычным. Эти отвергнутые цензурой желания как будто бы поднимаются из настоящего ада; в бодрству-

---

¹³ Священный эгоизм. – Прим. пер.

ющем состоянии после толкования никакая цензура против них не кажется нам достаточно строгой.

Но не ставьте это страшное содержание в вину самому сновидению. Не забывайте, что оно имеет безобидную, даже полезную функцию оградить сон от нарушения. Такая низость не имеет отношения к сущности сновидения. Вы ведь знаете также, что есть сновидения, которые, следует признать, удовлетворяют оправданные желания и насущные физические потребности. Но в этих сновидениях нет искажения; они в нем не нуждаются, они могут выполнять свою функцию, не оскорбляя этических и эстетических тенденций Я. Примите также во внимание, что искажение сновидения зависит от двух факторов. С одной стороны, оно тем больше, чем хуже отвергаемое цензурой желание, но с другой – чем строже в это время требования цензуры. Поэтому у молодой, строго воспитанной, щепетильной девушки неумолимая цензура исказит побуждения сновидения, которые, например, мы, врачи, считаем дозволенными, безобидными либидозными желаниями и которые она сама десять лет спустя сочтет такими же.

Впрочем, мы еще далеки от того, чтобы возмущаться этим результатом нашего толкования. Я полагаю, что мы его еще недостаточно хорошо понимаем; но прежде всего перед нами стоит задача защитить его от известных нападок. Совсем не трудно найти для этого зацепку. Наши толкования сновидений производились с учетом объявленных заранее предпо-

ложений, что сновидение вообще имеет смысл, что бессознательные в какое-то время душевные процессы существуют не только при гипнотическом, но и при нормальном сне и что все возникающие по поводу сновидения мысли детерминированы. Если бы на основании этих предположений мы пришли к приемлемым результатам толкования сновидений, то по праву могли бы заключить, что эти предположения правильны. Но как быть, если эти результаты выглядят так, как только что описанные? Тогда можно было бы сказать: это невозможные, бессмысленные результаты, по меньшей мере, они весьма невероятны, так что в предположениях было что-то неправильно. Или сновидение не психический феномен, или в нормальном состоянии нет ничего бессознательного, или наша техника в чем-то несовершенна. Не проще и не приятнее ли предположить это, чем признать все те мерзости, которые мы будто бы открыли на основании наших предположений?

И то и другое! И проще и приятнее, но из-за этого не обязательно правильное. Не будем спешить, вопрос еще не решен. Прежде всего мы можем усилить критику наших толкований сновидений. То, что их результаты так неприятны и неаппетитны, может быть, еще не самое худшее. Более сильным аргументом является то, что видевшие сон решительнейшим образом и с полным основанием отвергают желания, которые мы им приписываем благодаря нашему толкованию. «Что? – говорит один. – Основываясь на сновидении,

вы хотите доказать, что мне жаль денег на приданое сестры и воспитание брата? Но ведь этого не может быть; я только для них и работаю, у меня нет других интересов в жизни, кроме выполнения моего долга перед ними, — как старший, я обещал это покойной матери». Или дама, видевшая сон, говорит: «Я желаю смерти своему мужу. Да ведь это возмутительная нелепость! Вы мне, вероятно, не поверите, что у нас не только самый счастливый брак, но его смерть отняла бы у меня все, что я имею в жизни». Или третий возразит нам: «Я должен испытывать чувственные желания к своей сестре? Это смешно; я на нее не обращаю никакого внимания, у нас плохие отношения друг с другом, и я в течение многих лет не обменялся с ней ни словом». Мы могли бы с легкостью отнестись к тому, что видевшие сон не подтверждают или отрицают приписываемые им намерения; мы могли бы сказать, что именно об этих вещах они и не знают. Но то, что они чувствуют в себе как раз противоположное тому желанию, которое приписывает им толкование, и могут доказать нам преобладание этого противоположного своим образом жизни, это нас наконец озадачивает. Не бросить ли теперь всю эту работу по толкованию сновидений, поскольку ее результаты вроде бы и привели к абсурду?

Нет, все еще нет. И этот более сильный аргумент окажется несостоятельным, если к нему подойти критически. Предположение, что в душевной жизни есть бессознательные тенденции, еще не доказательство, что противополож-

ные им являются господствующими в сознательной жизни. Возможно, что в душевной жизни есть место для противоположных тенденций, для противоречий, которые существуют рядом друг с другом; возможно даже, что как раз преобладание одного побуждения является условием бессознательного существования его противоположности. Итак, выдвинутые вначале возражения, что результаты толкования сновидений непросты и очень неприятны, остаются в силе. На первое можно возразить, что, мечтая о простоте, вы не сможете решить ни одной проблемы сновидения; вы должны примириться с предполагаемой сложностью отношений. А на второе – что вы явно не правы, используя в качестве обоснования для научного суждения испытываемое вами чувство удовольствия или отвращения. Что нам за дело до того, что результаты толкования кажутся вам неприятными, даже позорными и противными? *Ca n'empêche pas d'exister*,¹⁴ – слышал я в таких случаях молодым врачом от своего учителя Шарко. Приходится смириться со своими симпатиями и антипатиями, если хочешь знать, что в этом мире реально. Если какой-нибудь физик докажет вам, что в скором будущем органическая жизнь на земле прекратится, посмеете ли вы ему возразить: этого не может быть, эта перспектива слишком неприятна? Я думаю, что вы промолчите или подождете, пока явится другой физик и укажет на ошибку в его предположениях или расчетах. Если вы отстраняете от себя то, что

---

¹⁴ Это не мешает тому, чтобы было так (франц.). – Прим. пер.

вам неприятно, то вы, по меньшей мере, действуете как механизм образования сновидения, вместо того чтобы понять его и овладеть им.

Может быть, вы согласитесь тогда не обращать внимания на отвратительный характер отвергнутых цензурой желаний, а выдвинете довод, что просто невероятно, чтобы в конституции человека столько места занимало зло. Но дает ли вам ваш опыт право так говорить? Я не хочу говорить о том, какими вы кажетесь сами себе, но много ли вы нашли благосклонности у своего начальства и конкурентов, много ли рыцарства у своих врагов и мало ли зависти в своем обществе, чтобы чувствовать себя обязанным выступать против эгоистически злого в человеческой природе? Разве вам неизвестно, как плохо владеет собой и как мало заслуживает доверия средний человек во всех областях сексуальной жизни? Или вы не знаете, что все злоупотребления и бесчинства, которые нам снятся ночью, ежедневно совершаются бодрствующими людьми как действительные преступления? В данном случае психоанализ только подтверждает старое изречение Платона, что добрыми являются те, которые довольствуются сновидениями о том, что злые делают в действительности.

А теперь отвлекитесь от индивидуального и перенесите свой взор на великую войну, которая все еще опустошает Европу, подумайте о безграничной жестокости, свирепости и лживости, которые сейчас широко распространились в культурном мире. Вы действительно думаете, что кучке

бессовестных карьеристов и соблазнительей удалось бы сделать столько зла, если бы миллионы идущих за вожаками не были соучастниками преступления? Решитесь ли вы и при этих условиях ломать копья за исключение злого из душевной конституции человека?

Вы мне возразите, что я односторонне сужу о войне; она обнаружила самое прекрасное и благородное в людях, их геройство, самоотверженность, социальное чувство. Конечно, но не будьте столь же несправедливы к психоанализу, как те, кто упрекает его в том, что он отрицает одно, чтобы утверждать другое. Мы не собирались отрицать благородные стремления человеческой природы и ничего никогда не делали, чтобы умалить их значимость. Напротив, я показываю вам не только отвергнутые цензурой злые желания сновидения, но и цензуру, которая их подавляет и делает неузнаваемыми. Мы подчеркиваем злое в человеке только потому, что другие отрицают его, отчего душевная жизнь человека становится хотя не лучше, но непонятнее. Если мы откажемся от односторонней этической оценки, то, конечно, можем найти более правильную форму соотношения злого и доброго в человеческой природе.

Итак, все остается по-прежнему. Нам не нужно отказываться от результатов нашей работы по толкованию сновидений, хотя они и кажутся нам странными. А пока запомним: искажение сновидения является следствием цензуры, которая осуществляется признанными тенденциями. Я про-

тив неприличных побуждений, шевелящихся в нас ночью во время сна. Правда, почему ночью и откуда берутся эти недостойные желания, в этом еще много непонятного, что предстоит исследовать.

Но с нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы не выделили в достаточной мере другой результат этих исследований. Желания сновидения, которые нарушают наш сон, нам неизвестны, мы узнаем о них только из толкования сновидений; их можно поэтому назвать бессознательными в данное время в указанном выше смысле. Видевший сон отвергает их, как мы видели во многих случаях, после того как узнал о них благодаря толкованию. Повторяется случай, с которым мы встретились при толковании оговорки *aufstoßen*, когда оратор возмущенно уверял, что ни тогда, ни когда-либо раньше он не испытывал непочтительного чувства к своему шефу. Уже тогда мы сомневались в таком заверении и выдвинули вместо него предположение, что оратор долго ничего не знал об имеющемся чувстве. Теперь это повторяется при всяком толковании сильно искаженного сновидения и тем самым приобретает большое значение для подтверждения нашей точки зрения. Мы готовы предположить, что в душевной жизни есть процессы, тенденции, о которых человек вообще ничего не знает, очень давно ничего не знает, возможно, никогда ничего не знал. Благодаря этому бессознательное получает для нас новый смысл; понятие «в данное время» или «временно» исчезает из его сущности, оно

может также означать длительно бессознательное, а не только «скрытое на данное время». Об этом нам, конечно, тоже придется поговорить в другой раз.

Десятая лекция

Символика сновидения

Уважаемые дамы и господа! Мы убедились, что искажение, которое мешает нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых, бессознательных желаний. Но мы, конечно, не утверждаем, что цензура является единственным фактором, вызывающим искажение сновидения, и в дальнейшем мы действительно можем установить, что в этом искажении участвуют и другие моменты. Этим мы хотим сказать, что если цензуру сновидения можно было бы исключить, мы все равно были бы не в состоянии понять сновидения, явное сновидение не было бы идентично скрытым его мыслям.

Этот другой момент, затемняющий сновидение, этот новый фактор его искажения мы откроем, если обратим внимание на изъян нашей техники. Я уже признавался вам, что анализируемым иногда действительно ничего не приходит в голову по поводу отдельных элементов сновидения. Правда, это происходит не так часто, как они утверждают; в очень многих случаях при настойчивости мысль все-таки можно заставить появиться. Но бывают, однако, случаи, в которых ассоциация не получается или, если ее вынудить, она не дает того, что мы от нее ожидаем. Если это происходит во время психоаналитического лечения, то приобретает особое значе-

ние, о чем мы не будем здесь говорить. Но это случается и при толковании сновидений у нормальных людей или при толковании своих собственных сновидений. Когда видишь, что никакая настойчивость не помогает, то в конце концов убеждаешься, что нежелательная случайность регулярно повторяется при определенных элементах сновидения, и тогда начинаешь видеть новую закономерность там, где сначала предполагал только несостоятельность техники.

В таких случаях возникает соблазн самому истолковать эти «немые» элементы сновидения, предпринимаешь их перевод (*Übersetzung*) собственными средствами. Само собой получается, что, если довериться такому замещению, каждый раз находишь для сновидения вполне удовлетворяющий смысл; а до тех пор, пока не решишься на этот прием, сновидение остается бессмысленным и его связность нарушается. Повторение многих чрезвычайно похожих случаев придает нашей вначале робкой попытке необходимую уверенность.

Я излагаю все несколько схематично, но это вполне допустимо в дидактических целях, и мое изложение не фальсификация, а некоторое упрощение.

Таким образом, для целого ряда элементов сновидений получаешь одни и те же переводы, подобно тем, какие можно найти в наших популярных сонниках для всевозможных приснившихся вещей. Однако не забывайте, что при нашей ассоциативной технике постоянные замещения элементов сновидения никогда не встречались.

Вы сразу же возразите, что этот путь толкования кажется вам еще более ненадежным и спорным, чем прежний посредством свободных ассоциаций. Но здесь следует кое-что добавить. Когда благодаря опыту накапливается достаточно таких постоянных замещений, начинаешь понимать, что это частичное толкование действительно возможно исходя из собственных знаний, что элементы сновидения действительно можно понять без [использования] ассоциации видевшего сон. Каким образом можно узнать их значение, об этом будет сказано во второй части нашего изложения.

Это постоянное отношение между элементом сновидения и его переводом мы называем символическим (*symbolische*), сам элемент сновидения символом (*Symbol*) бессознательной мысли сновидения. Вы помните, что раньше при исследовании отношений между элементами сновидения и его собственным [содержанием] я выделил три вида таких отношений: части от целого, намек и образного представления. О четвертом я тогда упомянул, но не назвал его. Введенное здесь символическое отношение является этим четвертым. По поводу него имеются очень интересные соображения, к которым мы обратимся, прежде чем приступим к изложению наших специальных наблюдений над символикой. Символика, может быть, самая примечательная часть в теории сновидения.

Прежде всего: ввиду того, что символы имеют устоявшиеся переводы, они в известной мере реализуют идеал антич-

ного и популярного толкования сновидений, от которого мы при нашей технике так далеко ушли. Они позволяют нам иногда толковать сновидения, не расспрашивая видевшего сон, ведь он все равно ничего не сможет сказать по поводу символа. Если знать принятые символы сновидений и к тому же личность видевшего сон, условия, в которых он живет, и полученные им до сновидения впечатления, то часто мы оказываемся в состоянии без затруднений истолковать сновидение, перевести его сразу же. Такой фокус льстит толкователю и импонирует видевшему сон; это выгодно отличается от утомительной работы при расспросах видевшего сон. Но пусть это не введет вас в заблуждение. Мы не ставим перед собой задачу показывать фокусы. Толкование, основанное на знании символов, не является техникой, которая может заменить ассоциативную или равняться с ней. Символическое толкование является только дополнением к ней и дает ценные результаты лишь в сочетании с ассоциативной техникой. А что касается знания психической ситуации видевшего сон, то прошу принять во внимание, что вам придется толковать сновидения не только хорошо знакомых людей, что обычно вы не будете знать событий дня, которые являются побудителями сновидений, и что мысли, приходящие в голову анализируемого, как раз и дадут вам знание того, что называется психической ситуацией.

В связи с обстоятельствами, о которых будет идти речь ниже, достойно особого внимания то, что признание суще-

ствования символического отношения между сновидением и бессознательным вызывало опять-таки самые энергичные возражения. Даже люди, обладающие смелостью суждения и пользующиеся признанием, прошедшие с психоанализом значительный путь, отказались в этом следовать за ним. Такое отношение тем более удивительно, что, во-первых, символика свойственна и характерна не только для сновидения, а во-вторых, символику в сновидении, как ни богат он ошеломляющими открытиями, открыл не психоанализ. Если уж вообще приписывать открытие символики сновидения современникам, то следует назвать философа К. А. Шернера (*Scherner, 1861*). Психоанализ только подтвердил открытия Шернера, хотя и основательно видоизменил их.

Теперь вам хочется услышать что-нибудь о сущности символики сновидения и познакомиться с ее примерами. Я охотно сообщу вам, что знаю, но сознаюсь, что наши знания не соответствуют тому, чего бы нам хотелось.

Сущностью символического отношения является сравнение, хотя и не любое. Предполагается, что это сравнение особым образом обусловлено, хотя эта обусловленность нам не совсем ясна. Не все то, с чем мы можем сравнить какой-то предмет или процесс, выступает в сновидении как символ. С другой стороны, сновидение выражает в символах не все, а только определенные элементы скрытых мыслей сновидения. Итак, ограничения имеются с обеих сторон. Следует также согласиться с тем, что пока понятие символа нельзя

строго определить, оно сливается с замещением, изображением и т. п., приближается к намеку. Лежащее в основе сравнения в ряде символов осмысленно. Наряду с этими символами есть другие, при которых возникает вопрос, где искать общее, *Tertium comparationis*¹⁵ этого предполагаемого сравнения. При ближайшем рассмотрении мы либо найдем его, либо действительно оно останется скрытым от нас. Удивительно, далее, то, что если символ и является сравнением, то оно не обнаруживается при помощи ассоциации, что видевший сон тоже не знает сравнения, пользуется им, не зная о нем. Даже больше того, видевший сон не желает признавать это сравнение, когда ему на него указывают. Итак, вы видите, что символическое отношение является сравнением совершенно особого рода, обусловленность которого нам еще не совсем ясна. Может быть, указания для его выяснения обнаружатся в дальнейшем.

Число предметов, изображаемых в сновидении символически, невелико. Человеческое тело в целом, родители, дети, братья и сестры, рождение, смерть, нагота и еще немного. Единственно типичное, т. е. постоянное изображение человека в целом, представляет собой дом, как признал Шернер, который даже хотел придать этому символу первостепенное значение, которое ему не свойственно. В сновидении слу-

---

¹⁵ *Tertium comparationis* – «третье в сравнении», т. е. общее в двух сравниваемых между собой явлениях, служащее основанием для сравнения. – Прим. ред. перевода.

чается спускаться по фасаду домов то с удовольствием, то со страхом. Дома с совершенно гладкими стенами изображают мужчин; дома с выступами и балконами, за которые можно держаться, – женщин. Родители появляются во сне в виде императора и императрицы, короля и королевы или других представительных лиц, при этом сновидение преисполнено чувства почтения. Менее нежно сновидение относится к детям, братьям и сестрам, они символизируются маленькими зверенышами, паразитами. Рождение почти всегда изображается посредством какого-либо отношения к воде, в воду или бросаются, или выходят из нее, из воды кого-нибудь спасают или тебя спасают из нее, что означает материнское отношение к спасаемому. Умирание заменяется во сне отъездом, поездкой по железной дороге, смерть – различными неясными, как бы нерешительными намеками, нагота – одеждой и форменной одеждой. Вы видите, как тут стираются границы между символическим и намекающим изображением.

Бросается в глаза, что по сравнению с перечисленными объектами объекты из другой области представлены чрезвычайно богатой символикой. Такова область сексуальной жизни, гениталий, половых процессов, половых сношений. Чрезвычайно большое количество символов в сновидении являются сексуальными символами. При этом выясняется удивительное несоответствие. Обозначаемых содержаний немного, символы же для них чрезвычайно многочисленны,

так что каждое из этих содержаний может быть выражено большим числом почти равнозначных символов. При толковании получается картина, вызывающая всеобщее возмущение. Толкования символов в противоположность многообразию изображений сновидения очень однообразны. Это не нравится каждому, кто об этом узнает, но что же поделаешь?

Так как в этой лекции мы впервые говорим о вопросах половой жизни, я считаю своим долгом сообщить вам, как я собираюсь излагать эту тему. Психоанализ не видит причин для скрывания и намеков, не считает нужным стыдиться обсуждения этого важного материала, полагает, что корректно и пристойно все называть своими настоящими именами, и надеется таким образом скорее всего устранить мешающие посторонние мысли. То обстоятельство, что мне приходится говорить перед смешанной аудиторией, представляющей оба пола, ничего не может изменить. Как нет науки *in usum delphini*,¹⁶ так нет ее и для девочек-подростков, а дамы своим появлением в этой аудитории дают понять, что они хотят поставить себя наравне с мужчинами.

Итак, сновидение изображает мужские гениталии несколькими символами, в которых по большей части вполне очевидно общее основание для сравнения. Прежде всего, для мужских гениталий в целом символически важно священное число 3. Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, сим-

---

¹⁶ Для дофина.

волически заменяется, во-первых, похожими на него по форме, то есть длинными и торчащими вверх предметами, такими, например, как палки, зонты, шесты, деревья и т. п. Затем предметами, имеющими с обозначаемым сходство проникать внутрь и ранить, т. е. всякого рода острым оружием, ножами, кинжалами, копьями, саблями, а также огнестрельным оружием: ружьями, пистолетами и очень похожим по своей форме револьвером. В страшных снах девушек большую роль играет преследование мужчины с ножом или огнестрельным оружием. Это, может быть, самый частый случай символики сновидения, который вы теперь легко можете понять. Также вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: водопроводными кранами, лейками, фонтанами и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, например, висячими лампами, выдвигающимися карандашами и т. д. Вполне понятное представление об этом органе обуславливает точно так же то, что карандаши, ручки, пилочки для ногтей, молотки и другие инструменты являются несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря примечательному свойству члена подниматься в направлении, противоположном силе притяжения (одно из проявлений эрекции), он изображается символически в виде воздушного шара, аэропланов, а в последнее время в виде воздушного корабля цеппелина. Но сновидение может символически изобразить эрекцию еще иным, гораздо более вы-

разительным способом. Оно делает половой орган самой сутью личности и заставляет ее летать. Не огорчайтесь, что часто такие прекрасные сны с полетами, которые мы все знаем, должны быть истолкованы как сновидения общего сексуального возбуждения, как эрекционные сновидения. Среди исследователей-психоаналитиков П. Федерн (1914) доказал, что такое толкование не подлежит никакому сомнению, но и почитаемый за свою педантичность Моурли Вольд, экспериментировавший над сновидениями, придавая искусственное положение рукам и ногам, и стоявший в стороне от психоанализа, может быть, даже ничего не зная о нем, пришел в своих исследованиях к тому же выводу (1910–1912, т. 2, 791). Не возражайте, что женщинам тоже может присниться, что они летают. Вспомните лучше, что наши сновидения хотят исполнить наши желания и что очень часто у женщин бывает сознательное или бессознательное желание быть мужчиной. А всякому знающему анатомию понятно, что и женщина может реализовать это желание теми же ощущениями, что и мужчина. В своих гениталиях женщина тоже имеет маленький орган, аналогичный мужскому, и этот маленький орган, клитор, играет в детском возрасте и в возрасте перед началом половой жизни ту же роль, что и большой мужской половой член.

К числу менее понятных мужских сексуальных символов относятся определенные пресмыкающиеся и рыбы, прежде всего известный символ змеи. Почему шляпа и пальто при-

обрели такое же символическое значение, конечно, нелегко узнать, но оно несомненно. Наконец, возникает еще вопрос, можно ли считать символическим замещение мужского органа каким-нибудь другим, ногой или рукой. Я думаю, что общий ход сновидения и соответствующие аналогии у женщин заставляют нас это сделать.

Женские половые органы изображаются символически при помощи всех предметов, обладающих свойством ограничивать полое пространство, что-то принять в себя. Т. е. при помощи шахт, копей и пещер, при помощи сосудов и бутылок, коробок, табакерок, чемоданов, банок, ящичков, карманов и т. д. Судно тоже относится к их разряду. Многие символы имеют больше отношения к матке, чем к гениталиям женщины, таковы шкафы, печи и прежде всего комната. Символика комнаты соприкасается здесь с символикой дома, двери и ворота становятся символами полового отверстия. Материалы тоже могут быть символами женщины, дерево, бумага и предметы, сделанные из этих материалов, например стол и книга. Из животных несомненными женскими символами являются улитка и раковина; из частей тела рот как образ полового отверстия, из строений церковь и капелла. Как видите, не все символы одинаково понятны.

К гениталиям следует отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи яблок, персиков, вообще фруктов. Волосы на гениталиях обоих полов сновидение описывает как лес и кустарник. Сложностью

топографии женских половых органов объясняется то, что они часто изображаются ландшафтом, со скалами, лесом и водой, между тем как внушительный механизм мужского полового аппарата приводит к тому, что его символами становятся трудно поддающиеся описанию в виде сложных машин.

Как символ женских гениталий следует упомянуть еще шкатулку для украшений, драгоценностью и сокровищем называются любимые лица и во сне; сладости часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто как всякого рода игра, так же как игра на фортепиано. Типичным изображением онанизма является скольжение и скатывание, а также срывание ветки. Особенно примечателен символ выпадения или вырывания зуба. Прежде всего он означает кастрацию в наказание за онанизм. Особые символы для изображения в сновидении полового акта менее многочисленны, чем можно было бы ожидать на основании вышеизложенного. Здесь следует упомянуть ритмическую деятельность, например танцы, верховую езду, подъемы, а также переживания, связанные с насилием, как, например, быть задавленным. Сюда же относятся определенные ремесленные работы и, конечно, угроза оружием.

Вы не должны представлять себе употребление и перевод этих символов чем-то очень простым. При этом возможны всякие случайности, противоречащие нашим ожиданиям. Так, например, кажется маловероятным, что половые

различия в этих символических изображениях проявляются не резко. Некоторые символы означают гениталии вообще, безразлично, мужские или женские, например, маленький ребенок, маленький сын или маленькая дочь. Иной раз преимущественно мужской символ может употребляться для женских гениталий или наоборот. Это нельзя понять без более близкого знакомства с развитием сексуальных представлений человека. В некоторых случаях эта двойственность только кажущаяся; самые яркие из символов, такие как оружие, карман, ящик, не могут употребляться в бисексуальном значении.

Теперь я буду исходить не из изображаемого, а из символа, рассмотрю те области, из которых по большей части берутся сексуальные символы, и прибавлю некоторые дополнения, принимая во внимание символы, в которых неясна общая основа. Таким темным символом является шляпа, может быть, вообще головной убор обычно с мужским значением, но иногда и с женским. Точно так же пальто означает мужчину, но не всегда в половом отношении. Вы можете сколько угодно спрашивать почему. Свисающий галстук, который женщина не носит, является явно мужским символом. Белое белье, вообще полотно символизирует женское; платье, форменная одежда, как мы уже знаем, являются заместителями наготы, форм тела, а башмак, туфля – женских гениталий; стол и дерево как загадочные, но определенно женские символы уже упоминались. Всякого рода лестницы,

стремянки и подъем по ним – несомненный символ полового акта. Вдумавшись, мы обратим внимание на ритмичность этого подъема, которая, как и, возможно, возрастание возбуждения, одышка по мере подъема, является общей основой.

Мы уже упоминали о ландшафте как изображении женских гениталий. Гора и скала – символы мужского члена; сад – часто встречающийся символ женских гениталий. Плод имеет значение не ребенка, а груди. Дикие звери означают чувственно возбужденных людей, кроме того, другие грубые желания, страсти. Цветение и цветы обозначают гениталии женщин или, в более специальном случае, – девственность. Не забывайте, что цветы действительно являются гениталиями растений.

Комната нам уже известна как символ. Здесь можно продолжить детализацию: окна, входы и выходы комнаты получают значение отверстий тела. К этой символике относится также и то, открыта комната или закрыта, а ключ, который открывает, является несомненным мужским символом.

Таков материал символики сновидений. Он еще не полон и его можно было бы углубить и расширить. Но я думаю, вам и этого более чем достаточно, а может быть, уже и надоело. Вы спросите: неужели я действительно живу среди сексуальных символов? Неужели все предметы, которые меня окружают, платье, которое я надеваю, вещи, которые беру в руки, всегда сексуальные символы и ничто другое? Повод для

недоуменных вопросов действительно есть, и первый из них: откуда нам, собственно, известны значения этих символов сновидения, о которых сам видевший сон не говорит нам ничего или сообщает очень мало?

Я отвечаю: из очень различных источников, из сказок и мифов, шуток и острот, из фольклора, т. е. из сведений о нравах, обычаях, поговорках и народных песнях, из поэтического и обыденного языка. Здесь всюду встречается та же символика, и в некоторых случаях мы понимаем ее без всяких указаний. Если мы станем подробно изучать эти источники, то найдем символике сновидений так много параллелей, что уверимся в правильности наших толкований.

Человеческое тело, как мы сказали, по Шернеру часто изображается в сновидении символом дома. При детальном рассмотрении этого изображения окна, двери и ворота являются входами во внутренние полости тела, фасады бывают гладкие или имеют балконы и выступы, чтобы держаться. Но такая же символика встречается в нашей речи, когда мы фамиллярно приветствуем хорошо знакомого *altes Haus* [старина], когда говорим, чтобы дать кому-нибудь хорошенько *aufs Dachl* [по куполу] или о другом, что у него не все в порядке *in Oberstübchen* [чердак не в порядке]. В анатомии отверстия тела прямо называются *Leibespforten* [ворота тела].

То, что родители в сновидении появляются в виде императорской или королевской четы, сначала кажется удивительным. Но это находит свою параллель в сказках. Разве не воз-

никает у нас мысль, что в начале многих сказок вместо: «жили-были король с королевой» должно было бы быть: «жили-были отец с матерью»? В семье детей в шутку называют принцами, а старшего наследником (*Kronprinz*). Король сам называет себя отцом страны [*Landesvater*, по-русски – царь-батюшка]. Маленьких детей в шутку мы называем червяками [по-русски – клопами] и сострадательно говорим: бедный червяк [*das arme Wurm*; по-русски – бедный клоп].

Вернемся к символике дома. Когда мы во сне пользуемся выступами домов, чтобы ухватиться, не напоминает ли это известное народное выражение для сильно развитого бюста: у этой есть за что подержаться? Народ выражается в таких случаях и иначе, он говорит: *Sie hat viel Holz vor dem Haus* [у этой много дров перед домом], как будто желая прийти нам на помощь в нашем истолковании дерева как женского, материнского символа.

И еще о дереве. Нам неясно, как этот материал стал символически представлять материнское, женское. Обратимся за помощью к сравнительной филологии. Наше немецкое слово *Holz* [дерево] одного корня с греческим *ili*, что означает «материал», «сырье». Тут мы имеем дело с довольно частым случаем, когда общее название материала в конце концов сохранилось за одним частным. В океане есть остров под названием Мадейра. Так как он весь был покрыт лесом, португальцы дали ему это название, когда открыли его. *Madeira* на португальском языке значит «лес». Но легко узнать, что

madeira не что иное, как слегка измененное латинское слово *materia*, что опять-таки обозначает материю вообще. А *materia* происходит от слова *mater* – мать. Материал, из которого что-либо состоит, является как бы материнской частью. Таким образом, это древнее понимание в символическом употреблении продолжает существовать.

Рождение в сновидении постоянно выражается отношением к воде; бросаться в воду или выходить из нее означает рождать или рождаться. Не следует забывать, что этот символ вдвойне оправдан ссылкой на историю развития. Не только тем, что все наземные млекопитающие, включая предков человека, произошли от водяных животных – это весьма отдаленная аналогия, – но и тем, что каждое млекопитающее, каждый человек проходит первую фазу своего существования в воде, а именно как эмбрион в околоплодной жидкости в чреве матери, а при рождении выходит из воды. Я не хочу утверждать, что видевший сон знает это, напротив, я считаю, что ему и не нужно этого знать. Он, вероятно, знает что-нибудь другое, что ему рассказывали в детстве, но и здесь я буду утверждать, что это знание не способствовало образованию символа. В детской ему говорили, что детей приносит аист, но откуда он их берет? Из пруда, из колодца, т. е. опять-таки из воды. Один из моих пациентов, которому это сказали, когда он был маленьким, исчез после этого на все послеобеденное время. Наконец его нашли на берегу пруда у замка, он лежал, прикинувшись личиком к поверхности

воды, и усердно искал на дне маленьких детей.

В мифах о рождении героя, подвергнутых сравнительному исследованию О. Ранком (1909), самый древний из которых о царе Саргоне из Агаде, около 2800 лет до Р. Х., преобладающую роль играет бросание в воду и спасание из воды. Ранк открыл, что это – изображения рождения, аналогичные таким же в сновидении. Если во сне спасают из воды какое-нибудь лицо, то считают себя его матерью или просто матерью; в мифе лицо, спасающее ребенка из воды, считается его настоящей матерью. В известном анекдоте умного еврейского мальчика спрашивают, кто был матерью Моисея. Он не задумываясь отвечает: принцесса. Но как же, возражают ему, она ведь только вытащила его из воды. Так говорит она, отвечает мальчик, показывая, что правильно истолковал миф.

Отъезд означает в сновидении смерть, умирание. Принято так же отвечать детям на вопрос, куда девалось умершее лицо, отсутствие которого они чувствуют, что оно уехало. Я опять хотел бы возразить тем, кто считает, что символ сновидения происходит от этого способа отделаться от ребенка. Поэт пользуется такой же символикой, говоря о загробной жизни как о неоткрытой стране, откуда не возвращался ни один путник (*no traveller*). В обыденной жизни мы тоже часто говорим о последнем пути. Всякий знаток древнего ритуала знает, как серьезно относились к представлению о путешествии в страну мертвых, например, в древнеегипетской

религии. До нас дошла во многих экземплярах Книга мертвых, которой, как бедкером, снабжали в это путешествие мумию. С тех пор как кладбища были отделены от жилищ, последнее путешествие умершего стало реальностью.

Символика гениталий тоже не является чем-то присущим только сновидению. Каждому из вас случается быть невежливым и назвать женщину *alte Schachtel* [старая колода], не зная, что вы пользуетесь при этом символом гениталий. В Новом Завете сказано: женщина – сосуд скудельный. Священное Писание евреев, так приближающееся по стилю к поэтическому, полно сексуально-символических выражений, которые не всегда правильно понимались и толкование которых, например Песни Песней, привело к некоторым недоразумениям. В более поздней еврейской литературе очень распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь считается половым отверстием. Муж жалуется, например, в случае отсутствия девственности, что нашел дверь открытой. Символ стола для женщины также известен в этой литературе. Женщина говорит о своем муже: я приготовила ему стол, но он его перевернул. Хромые дети появляются из-за того, что муж перевернул стол. Эти факты я беру из статьи Л. Леви из Брюнна «Сексуальная символика Библии и Талмуда» (1914).

То, что и корабли в сновидении означают женщин, поясняют нам этимологи, которые утверждают, что первоначально кораблем (*Schiff*) назывался глиняный сосуд и это было

то же слово, что овца (*Schaff*). Греческое сказание о Периандре из Коринфа и его жене Мелиссе подтверждает, что печь означает женщину и чрево матери. Когда, по Геродоту, тиран вызвал тень своей горячо любимой, но убитой из ревности супруги, чтобы получить от нее некоторые сведения, умершая удостовери́ла себя напоминанием, что он, Периандр, поставил свой хлеб в холодную печь, намекая на событие, о котором никто другой не мог знать. В изданной Ф. С. Крауссом *Anthropophyteia*, незаменимом источнике всего, что касается половой жизни народов, мы читаем, что в одной немецкой местности о женщине, разрешившейся от бремени, говорят, что у нее обвалилась печь. Приготовление огня, все, что с ним связано, до глубины проникнуто сексуальной символикой. Пламя всегда является мужскими гениталиями, а место огня, очаг — женским лоном.

Если, быть может, вы удивлялись тому, как часто ландшафты в сновидении используются для изображения женских гениталий, то от мифологов вы можете узнать, какую роль мать-земля играла в представлениях и культах древности и как понимание земледелия определялось этой символикой. То, что в сновидении комната (*Zimmer*) представляет женщину (*Frauenzimmer*), вы склонны будете объяснить употреблением в нашем языке слова *Frauenzimmer* [баба] вместо *Frau*, т. е. заменой человеческой личности предназначенным для нее помещением. Подобным же образом мы говорим о Высокой Порте и подразумеваем под этим султа-

на и его правительство; название древнеегипетского властителя фараона также означало не что иное, как «большой двор». (В Древнем Востоке дворы между двойными воротами города являются местом сближения, как рыночные площади в классическом мире.) Я, правда, думаю, что это объяснение слишком поверхностно. Мне кажется более вероятным, что комната как пространство, включающее в себя человека, стала символом женщины. Мы уже ведь знаем, что слово «дом» употребляется в этом значении; из мифологии и поэтических выражений мы можем добавить в качестве других символов женщины еще город, замок, дворец, крепость. Вопрос было бы легче решить, используя сновидения лиц, не знающих и не понимающих немецкого языка. В последние годы я лечил преимущественно иностранцев и, насколько помню, в их языках не было аналогичного словоупотребления. Есть и другие доказательства тому, что символическое отношение может перейти языковые границы, что, впрочем, уже утверждал старый исследователь сновидений Шуберт (1814). Впрочем, ни один из моих пациентов не был абсолютно не знаком с немецким языком, так что я предоставляю решить этот вопрос тем психоаналитикам, которые могут собрать опыт в других странах, исследуя лиц, владеющих одним языком.

Среди символов, изображающих мужские гениталии, едва ли найдется хоть один, который не употреблялся бы в шуточных, простонародных или поэтических выражениях, осо-

бенно у классических поэтов древности. К ним относятся не только символы, встречающиеся в сновидениях, но и новые, например различные инструменты, в первую очередь плуг. Впрочем, касаясь символического изображения мужского, мы затрагиваем очень широкую и горячо оспариваемую область, от углубления в которую из соображений экономии мы хотим воздержаться. Лишь по поводу одного, как бы выпадающего из ряда символа «три» мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Еще неясно, не обусловлена ли отчасти святость этого числа данным символическим отношением. Но несомненным кажется то, что вследствие такого символического отношения некоторые встречающиеся в природе трехчастные предметы, например трилистник, используются в качестве гербов и эмблем. Так называемая французская лилия, тоже трехчастная, и странный герб двух так далеко расположенных друг от друга островов, как Сицилия и остров Мен, *Triskeles* (три полусогнутые ноги, исходящие из одного центра), по-видимому, только стилизация мужских гениталий. В древности подобия мужского члена считались самыми сильными защитными средствами (*Apotropaea*) против дурных влияний, и с этим связано то, что в приносящих счастье амулетах нашего времени всегда легко узнать генитальные или сексуальные символы. Рассмотрим такой набор, который носится в виде маленьких серебряных брелков: четырехлистный клевер, свинья, гриб, подкова, лестница и трубочист. Четырехлистный клевер, собственно говоря,

заменяет трехлистный; свинья — древний символ плодородия; гриб — несомненно, символ пениса, есть грибы, которые из-за своего несомненного сходства с мужским членом получили при классификации название *Phallus impudicus*; подкова повторяет очертание женского полового отверстия, а трубочист, несущий лестницу, имеет отношение к этой компании потому, что делает такие движения, с которыми в простонародье сравнивается половой акт (см. *Anthropophyteia*). С его лестницей как сексуальным символом мы познакомились в сновидении; нам на помощь приходит употребление в немецком языке слова *steigen* [подниматься], применяемого в специфически сексуальном смысле. Говорят: *den Frauen nachsteigen* [приставать к женщинам] и *ein alter Steiger* [старый волокита]. По-французски ступенька называется *la marche*, мы находим совершенно аналогичное выражение для старого бонвивана *un vieux marcheur*. С этим, вероятно, связано то, что при половом акте многих крупных животных самец взбирается, поднимается (*steigen, besteigen*) на самку.

Срывание ветки как символическое изображение онанизма не только совпадает с простонародным изображением онанистического акта, но имеет и далеко идущие мифологические параллели. Но особенно замечательно изображение онанизма или, лучше сказать, наказания за него, кастрации, посредством выпадения и вырывания зубов, потому что этому есть аналогия в фольклоре, которая, должно быть, извест-

на очень немногим лицам, видящим их во сне. Мне кажется несомненным, что распространенное у столь многих народов обрезание является эквивалентом и заменой кастрации. И вот нам сообщают, что в Австралии известные примитивные племена вводят обрезание в качестве ритуала при наступлении половой зрелости (во время празднеств по случаю наступления совершеннолетия), в то время как другие, живущие совсем рядом, вместо этого акта вышибают один зуб.

Этими примерами я закончу свое изложение. Это всего лишь примеры; мы больше знаем об этом, а вы можете себе представить, насколько содержательнее и интереснее получилось бы подобное собрание примеров, если бы оно было составлено не дилетантами, как мы, а настоящими специалистами в области мифологии, антропологии, языкознания, фольклора. Напрашиваются некоторые выводы, которые не могут быть исчерпывающими, но дают нам пищу для размышлений.

Во-первых, мы поставлены перед фактом, что в распоряжении видящего сон находится символический способ выражения, которого он не знает и не узнает в состоянии бодрствования. Это настолько же поразительно, как если бы вы сделали открытие, что ваша прислуга понимает санскрит, хотя вы знаете, что она родилась в божественной деревне и никогда его не изучала. При наших психологических воззрениях нелегко объяснить этот факт. Мы можем только ска-

зять, что знание символики не осознается видевшим сон, оно относится к его бессознательной духовной жизни. Но и этим предположением мы ничего не достигаем. До сих пор нам необходимо было предполагать только бессознательные стремления, такие, о которых нам временно или постоянно ничего не известно. Теперь же речь идет о бессознательных знаниях, о логических отношениях, отношениях сравнения между различными объектами, вследствие которых одно постоянно может замещаться другим. Эти сравнения не возникают каждый раз заново, они уже заложены готовыми, завершены раз и навсегда; это вытекает из их сходства у различных лиц, сходства даже, по-видимому, несмотря на различие языков.

Откуда же берется знание этих символических отношений? Только небольшая их часть объясняется словоупотреблением. Разнообразные параллели из других областей по большей части неизвестны видевшему сон; да и мы лишь с трудом отыскивали их.

Во-вторых, эти символические отношения не являются чем-то таким, что было бы характерно только для видевшего сон или для работы сновидения, благодаря которой они выражаются. Ведь мы узнали, что такая же символика используется в мифах и сказках, в народных поговорках и песнях, в общепринятом словоупотреблении и поэтической фантазии. Область символики чрезвычайно обширна, символика сновидений является ее малой частью, даже нецелесообраз-

но приступать к рассмотрению всей этой проблемы исходя из сновидения. Многие употребительные в других областях символы в сновидениях не встречаются или встречаются лишь очень редко, некоторые из символов сновидений встречаются не во всех других областях, а только в той или иной. Возникает впечатление, что перед нами какой-то древний, но утраченный способ выражения, от которого в разных областях сохранилось разное, одно только здесь, другое только там, третье в слегка измененной форме в нескольких областях. Я хочу вспомнить здесь фантазию одного интересного душевнобольного, воображавшего себе какой-то «основной язык», от которого во всех этих символических отношениях будто бы имелись остатки.

В-третьих, вам должно было броситься в глаза, что символика в других указанных областях не только сексуальная, в то время как в сновидении символы используются почти исключительно для выражения сексуальных объектов и отношений. И это нелегко объяснить. Не нашли ли исходно сексуально значимые символы позднее другое применение и не связан ли с этим известный переход от символического изображения к другому его виду? На этот вопрос, очевидно, нельзя ответить, если иметь дело только с символикой сновидений. Можно лишь предположить, что существует особенно тесное отношение между истинными символами и сексуальностью.

По этому поводу нам было дано в последние годы од-

но важное указание. Филолог Г. Шпербер (Упсала), работающий независимо от психоанализа, выдвинул (1912) утверждение, что сексуальные потребности принимали самое непосредственное участие в возникновении и дальнейшем развитии языка. Начальные звуки речи служили сообщению и подзывали сексуального партнера; дальнейшее развитие корней слов сопровождало трудовые операции первобытного человека. Эти работы были совместными и проходили в сопровождении ритмически повторяемых языковых выражений. При этом сексуальный интерес переносился на работу. Одновременно первобытный человек делал труд приятным для себя, принимая его за эквивалент и замену половой деятельности. Таким образом, произносимое при общей работе слово имело два значения, обозначая как половой акт, так и приравненную к нему трудовую деятельность. Со временем слово освободилось от сексуального значения и зафиксировалось на этой работе. Следующие поколения поступали точно так же с новым словом, которое имело сексуальное значение и применялось к новому виду труда. Таким образом возникало какое-то число корней слов, которые все были сексуального происхождения, а затем лишились своего сексуального значения. Если вышеизложенная точка зрения правильна, то перед нами, во всяком случае, открывается возможность понимания символики сновидений. Мы могли бы понять, почему в сновидении, сохраняющем кое-что из этих самых древних отношений, имеется такое огромное

множество символов для сексуального, почему в общем оружие и орудия символизируют мужское, материалы и то, что обрабатывается, – женское. Символическое отношение было бы остатком древней принадлежности слова; вещи, которые когда-то назывались так же, как и гениталии, могли теперь в сновидении выступить для того же в качестве символов.

Но благодаря этим параллелям к символике сновидений вы можете также оценить характерную особенность психоанализа, благодаря которой он становится предметом всеобщего интереса, чего не могут добиться ни психология, ни психиатрия. При психоаналитической работе завязываются отношения с очень многими другими гуманитарными науками, с мифологией, а также с языкознанием, фольклором, психологией народов и религиоведением, изучение которых обещает ценнейшие результаты. Вам будет понятно, почему на почве психоанализа вырос журнал *Imago*, основанный в 1912 г. под редакцией Ганса Сакса и Отто Ранка, поставивший себе исключительную задачу поддерживать эти отношения. Во всех этих отношениях психоанализ сначала больше давал, чем получал. Хотя и он извлекает выгоду из того, что его своеобразные результаты подтверждаются в других областях и тем самым становятся более достоверными, но в целом именно психоанализ предложил те технические приемы и подходы, применение которых оказалось плодотворным в этих других областях. Душевная жизнь отдельного человеческого существа дает при психоаналитическом исследовании

сведения, с помощью которых мы можем разрешить или, по крайней мере, правильно осветить некоторые тайны из жизни человеческих масс.

Впрочем, я вам еще не сказал, при каких обстоятельствах мы можем глубже всего заглянуть в тот предполагаемый «основной язык», из какой области узнать о нем больше всего. Пока вы этого не знаете, вы не можете оценить всего значения предмета. Областью этой является невротика, материалом – симптомы и другие невротические проявления, для объяснения и лечения которых и был создан психоанализ.

Рассматривая вопрос с четвертой точки зрения, мы опять возвращаемся к началу и направляемся по намеченному пути. Мы сказали, что даже если бы цензуры сновидения не было, нам все равно было бы нелегко понять сновидение, потому что перед нами встала бы задача перевести язык символов на язык нашего мышления в состоянии бодрствования. Таким образом, символика является вторым и независимым фактором искажения сновидения наряду с цензурой. Напрашивается предположение, что цензуре удобно пользоваться символикой, так как она тоже стремится к той же цели – сделать сновидение странным и непонятным.

Скоро станет ясно, не натолкнемся ли мы при дальнейшем изучении сновидения на новый фактор, способствующий искажению сновидения. Я не хотел бы оставлять тему символики сновидения, не коснувшись еще раз того загадочного обстоятельства, что она может встретить весьма энергичное

сопротивление образованных людей, тогда как распространение символики в мифах, религии, искусстве и языке совершенно несомненно. Уж не определяется ли это вновь отношением к сексуальности?

Одиннадцатая лекция

Работа сновидения

Уважаемые дамы и господа! Если вы усвоили сущность цензуры сновидения и символического изображения, хотя еще и не совсем разрешили вопрос об искажении сновидения, вы все-таки в состоянии понять большинство сновидений. При этом вы можете пользоваться обеими дополняющими друг друга техниками, вызывая у видевшего сон ассоциативные мысли до тех пор, пока не проникнете от заместителя к собственному [содержанию], подставляя для символов их значение, исходя из своих собственных знаний. Об определенных возникающих при этом сомнениях речь будет идти ниже.

Теперь мы можем опять взяться за работу, которую в свое время пытались сделать, не имея для этого достаточно средств, когда мы изучали отношения между элементами сновидения и его собственным [содержанием] и установили при этом четыре такие основные отношения: части к целому; приближения, или намека; символического отношения и наглядного изображения слова. То же самое мы хотим предпринять в большем масштабе, сравнивая явное содержание сновидения в целом со скрытым сновидением, найденным путем толкования.

Надеюсь, вы никогда не перепутаете их друг с другом. Ес-

ли вы добьетесь этого, то достигнете в понимании сновидения большего, чем, вероятно, большинство читателей моей книги «Толкование сновидений». Позвольте еще раз напомнить, что та работа, которая переводит скрытое сновидение в явное, называется работой сновидения (*Traumarbeit*). Работа, проделываемая в обратном направлении, которая имеет целью от явного сновидения добраться до скрытого, является нашей работой толкования (*Deutungsarbeit*). Работа толкования стремится устранить работу сновидения. Признанные очевидным исполнением желания сновидения детского типа все-таки испытали на себе частичную работу сновидения, а именно перевод желания в реальность и по большей части также перевод мыслей в визуальные образы. Здесь не требуется никакого толкования, только обратный ход этих двух превращений. То, что прибавляется к работе сновидения в других сновидениях, мы называем искажением сновидения

(*Traumtentstellung*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.